

ISSN 2500-3216

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№3

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2022

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневецкий, д-р юр. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волчецкая, д-р юр. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юр. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юр. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юр. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юр. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юр. наук, проф., Башкирский государственный
университет; *С. М. Маркедонов*, канд. ист. наук, доц., МГИМО;
А. О. Машовец, д-р юр. наук, проф., Уральский государственный юридический
университет им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Миллюков*, д-р юр. наук, проф.,
Российский государственный университет им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*,
д-р юр. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет;
О. В. Попова, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный
университет; *Е. Р. Россинская*, д-р юр. наук, проф., Московская государственная
юридическая академия им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Таньшина*, д-р ист. наук, проф.,
РАНХиГС при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф., Саратовский
государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издатель

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 26.08.2022 г.

© БФУ им. И. Канта, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Нилов К. Н.</i> Генезис понятия «невостребованная земельная доля» в российском законодательстве	5
<i>Степанова Е. Е.</i> Виды судебной деятельности и ее элементы	14

История. Исторические науки

<i>Валуев А. А., Денисов С. А., Скворцов К. Н.</i> Бытовые предметы XIII—XV веков из некрополя Альт-Велау	22
<i>Воробьев К. С.</i> Свинцово-оловянные значки из раскопок пригорода Альтштадта	38
<i>Дементьев И. О.</i> «Королевская игра» на «королевской горе»: шахматы в Кёнигсберге	54
<i>Шепель Я. Г.</i> Троицкысты в Восточной Пруссии: «история в осколках»	72

Общество и политика

<i>Давиденко А. А.</i> Понятие «войны памяти» в современных исследованиях коллективной памяти	85
<i>Суслов Е. В.</i> Потребность человека в безопасности как фактор конфликтности в системе международных отношений	96

CONTENTS

State and law

<i>Nilov K. N.</i> Genesis of the concept of “unclaimed land share” in Russian legislation	5
<i>Stepanova E. E.</i> Types of judicial activity and its elements	14

History. Historical sciences

<i>Valuev A. A., Denisov S. A., Skvortsov K. N.</i> Household items of the 13 th – 15 th centuries from the necropolis of Alt-Wehlau	22
<i>Vorobyov K. S.</i> Lead-tin badges from excavations in Altstadt suburb	38
<i>Dementev I. O.</i> “Royal game” on the “royal mountain”: chess in Königsberg	54
<i>Shepel Ia. G.</i> The Trotskyists in East Prussia: “history in shards”	72

Society and politics

<i>Davidenko A. A.</i> The concept of “memory wars” in contemporary studies of collective memory	85
<i>Suslov E. V.</i> The human need for security as the factor of conflictogenity in the system of international relations	96

УДК 349.412

К. Н. Нилов

**ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ «НЕВОСТРЕБОВАННАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ ДОЛЯ»
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 15.08.2022 г.

Принята к публикации 20.09.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-1

5

Для цитирования: Нилов К. Н. Генезис понятия «невостребованная земельная доля» в российском законодательстве // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №3. С. 5–13. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-1.

Появление в российском законодательстве и развитие понятия «невостребованная земельная доля» предопределялось дискуссионным характером юридической природы и неоднозначностью правового режима земельной доли как категории земельного права. В статье приводится характеристика теоретических и практических вопросов, связанных с генезисом доктринальных и легальных понятий земельной доли и невостребованной земельной доли, актуальными проблемами признания земельной доли невостребованной. Представлена периодизация развития понятия невостребованной земельной доли в законодательстве, отмечается изменение критериев отнесения земельных долей к невостребованным, сложности правового механизма признания права публичной собственности на них. Также намечаются возможные направления развития правового режима невостребованных земельных долей и повышения его эффективности: совершенствование порядка признания земельных долей невостребованными и критериев отнесения их к таковым; регламентация процедуры внесудебного перехода невостребованных земельных долей в муниципальную собственность; установление срока реализации права на признание невостребованных земельных долей муниципальной собственностью; использование правового механизма признания права собственности на бесхозяйные земельные участки в случае отсутствия правообладателей невостребованных земельных долей; ограничение срока использования юридической категории «невостребованная земельная доля».

Ключевые слова: земельная доля, невостребованная земельная доля, земельный участок, земли сельскохозяйственного назначения, земельная реформа, земельные преобразования

Проводившаяся в ходе экономических реформ в России в 90-е гг. прошлого века приватизация сельскохозяйственных земель, требуемое для этого нормативно-правовое обеспечение земельной реформы и измене-



ние отношений собственности на землю вызвали необходимость появления в российском законодательстве новых юридических понятий, правовое содержание части из которых до настоящего времени вызывает споры и различное толкование, а их правовой режим требует дополнительной доктринальной конкретизации и соответствующего законодательного закрепления. К числу таких юридических категорий относятся понятия земельной доли и невестребованной земельной доли.

Осуществлявшаяся в России земельная реформа была направлена на прекращение государственной монополии на землю, законодательное установление многообразия форм собственности на земельные ресурсы, создание условий для наиболее эффективного хозяйствования в аграрном секторе экономики. Однако, как отмечается в юридической литературе, законодательство о земельной реформе вместо повышения эффективности земледелия путем рационального использования земли, по сути, привело «к необузданному, свободному рынку земли» [1, с. 22]. Использование в ходе приватизации земли конструкции коллективно-долевой собственности как промежуточного этапа предопределялось объективной необходимостью в короткие сроки провести разгосударствление сельскохозяйственных земель и предоставить сельским труженикам возможность выделения в последующем земельных участков на правах собственности.

Появление понятия земельной доли неразрывно связано с приватизацией сельскохозяйственных угодий. В соответствии с указом президента РФ от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» [2] и постановлением Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» [3] устанавливалась необходимость преобразования сельскохозяйственных предприятий, в рамках которой за счет земель колхозов и совхозов на правах собственности бесплатно так называемыми земельными долями (паями) наделялись не только члены колхозов и работники совхозов, но и пенсионеры и ряд других категорий сельских жителей, работающих в социальной сфере, а также временно отсутствующих по уважительным причинам и имеющих право вернуться либо уволенных по сокращению численности работников, что и привело к большому количеству потенциальных собственников земельных долей.

При этом, с одной стороны, отсутствовала законодательно прописанная процедура выявления согласия гражданина стать собственником земельной доли, а с другой — далеко не все из включенных в списки собственников земельных долей имели желание по субъективным и объективным причинам с учетом ограниченных законодательством вариантов возможностей распорядиться появившимся у них правом на земельную долю.

С самого начала использование в правовом регулировании и правоприменительной практике юридической категории «земельная доля» вызвало появление ряда теоретических и практических проблем.

Во-первых, вопрос о правовой природе земельных долей изначально имел дискуссионный характер и неоднозначное доктринальное толкование. Прежде всего споры вызывает положение об отнесении земельной доли к вещным правам на землю [4, с. 7]. При этом далеко не все



авторы были согласны с тезисом о том, что земельная доля закрепляет право собственности на землю. Условная доля в земельном массиве не давала ее обладателю возможность использовать самостоятельно землю либо совершить сделку с невыделенным земельным участком. Некоторыми авторами обосновывалась позиция, что право на земельную долю — это не вещное право, а разновидность обязательственного права. В частности, профессор Н.И. Краснов указывал, что до момента выделения земельной доли на местности в рамках соответствующих границ право на земельную долю не может быть квалифицировано как право собственности на землю [5, с. 5]. Исходя из невозможности существования безобъектных отношений собственности, профессор М.И. Козырь подчеркивал, что речь идет лишь о праве владельца земельной доли получить земельный участок, соразмерный его доле, и не более того [6, с. 126]. То есть, лишь с момента выдела земельного участка возникает право собственности на землю.

Некоторые авторы предлагают подходить к земельной доле по аналогии с институтом варранта, считая выданные удостоверения о собственности на земельные доли документами о праве требовать выделение этих долей в натуре в пользу держателей удостоверений [7, с. 36].

Профессор Г.Е. Быстров предлагал руководствоваться правовой конструкцией «разделенной собственности» [8, с. 49–50].

Профессор Ю.Н. Андреев указывает, что с принятием федерального закона от 24 июля 2002 г. №101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [9] спор о вещно-правовой либо обязательственно-правовой природе земельной доли решен [10, с. 84]. Не соглашаясь с его позицией, Р.В. Черноморец полагает, что земельную долю нельзя относить ни к вещным правам, поскольку нет такой вещи в натуре, ни к обязательственным, «поскольку ее условный и виртуальный характер не позволяют реализовать ее в любом качестве», а дефиницию земельной доли, содержащуюся в названном федеральном законе, оценивает как ошибку законодателя, подчеркивая, что право нельзя делить по частям или долям [11, с. 143–144].

Пробельность законодательства, определяющего правовой режим земельных долей, неоднозначность толкования его отдельных положений привели к достаточно противоречивой судебной практике по исследуемым вопросам.

Во-вторых, как отмечали некоторые авторы, «на практике далеко не всегда в предусмотренные для получения земельной доли списки включались все граждане, имеющие на это право» [12, с. 522]. Отсутствие должного учета субъектов, имеющих право на включение в списки, и, как результат, последующее обращение новых претендентов на земельные доли приводило к необходимости пересмотра списков, перераспределения земельных долей и создавало дополнительную путаницу в оформленных документах. Следует признать, что часть сельских жителей так и не смогла реализовать свое право на земельную долю.

В-третьих, среди достаточно широкого круга лиц из числа не только работников сельскохозяйственных организаций, но и других категорий сельских жителей, которые получили право на приобретение земельных долей, далеко не все готовы были заниматься сельскохозяйственным



производством, не все из них были готовы осуществлять на практике соответствующим образом права собственника. Провозглашаемая идея сочетания в одном лице землевладельца и сельского труженика не сработала в полной мере. Проблема осложнялась имеющимися трудностями в практической реализации предусмотренного механизма выделения земельных участков из состава общего землепользования, административными барьерами и установленными ограничениями по распоряжению собственниками правами на земельную долю, а также выделенными земельными участками.

8

Понятие земельной доли с достаточно неопределенным правовым режимом и установленными ограничениями в гражданско-правовом обороте не отвечало требованиям развивающейся рыночной экономики, снижало и продолжает снижать эффективность использования сельскохозяйственных земель и вызвало необходимость появления понятия невостребованной земельной доли. Вышеназванные обстоятельства привели к тому, что в отношении значительной части земельных долей их собственники де-факто не осуществляли принадлежащих им правомочий, а сельскохозяйственные угодья либо без достаточных на то правовых оснований использовались иными лицами, либо не использовались вообще. Именно это привело уже на первом этапе земельной реформы к появлению понятия невостребованной земельной доли и, соответственно, проблемы невостребованных земельных долей [13, с. 177]. Одной из решаемых при этом задач стала задача устранения правовой неопределенности в отношении значительной части земельных ресурсов, по сути, выпавших из хозяйственного оборота.

Некоторые авторы высказывают мнение о том, что такая передача невостребованных земельных долей в муниципальную собственность «представляет собой не что иное, как законную, экономически оправданную национализацию земли» [14, с. 51].

Актуальность проблемы обуславливается ростом количества невостребованных земельных долей, число которых достигает 1,5 млн единиц площадью 14,2 млн га [15, п. 1]. Специалисты признают, что наличие такого объема невостребованных земельных долей является препятствием развития аграрного производства [16, с. 22].

В юридической литературе отмечается, что «понятие невостребованной земельной доли характерно лишь для российского земельного законодательства» [17, с. 542]. Оно появилось в указе президента РФ от 7 марта 1996 г. № 337 «О реализации конституционных прав граждан на землю» [18]. Признаком невостребованности признавалось отсутствие заявления обладателя земельной доли на получение свидетельства о праве собственности на нее. В дальнейшем условия и критерии отнесения земельных долей к невостребованным, а также их правовой режим неоднократно изменялись, что позволяет выделить несколько этапов развития понятия «невостребованная земельная доля». В общем плане смысл данной правовой категории заключается в том, что названные земельные доли либо уже не имеют правообладателей, либо их владельцы не распорядились указанными долями в установленный срок [19, с. 20].

На первом этапе (1996—2002 гг.) критерием отнесения земельной доли к невостребованным рассматривалось отсутствие обращения граждани-



на на получение документа о подтверждении права эту долю. В качестве общего правила признавалось право сельскохозяйственных организаций использовать сельскохозяйственные угодья, включающие в себя невостребованные земельные доли. Правовых оснований прекращения права собственности по причине невостребованности земельных долей не устанавливалось.

Начало второго этапа развития понятия невостребованной земельной доли (2002–2010 гг.) связано с принятием федерального закона от 24 июля 2002 г. №101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [10]. Наличие правовой неопределенности в отношении значимого объема сельскохозяйственных угодий, необходимость вовлечения этих земель в гражданско-правовой оборот требовали изменения правового режима. Согласно редакции данного закона от 18 июля 2005 г. №87-ФЗ, невостребованными признавались те земельные доли, которыми их владельцы не распоряжались в течение трех и более лет с момента приобретения права на них [20]. Важное значение имела установленная возможность приобрести в собственность субъектов РФ и муниципальных образований земельный участок, образованный в соответствующем порядке за счет невостребованных земельных долей. Справедливости ради нужно признать, что процедура, связанная с формированием соответствующих земельных участков, была достаточно сложной, затратной и вызывала серьезные трудности в практической реализации.

Третий этап (с 2011 г.) предопределяется дальнейшим совершенствованием правового режима «невостребованных земельных долей» в связи с принятием федерального закона от 29 декабря 2010 г. №435-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования оборота земель сельскохозяйственного назначения» [21], которым в федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» была введена специальная статья 12.1, посвященная невостребованным земельным долям. В очередной раз были изменены правила и критерии отнесения земельных долей к невостребованным, а также детализирован обновленный механизм признания права публичной собственности на соответствующие сельскохозяйственные угодья. Важным нововведением стало законодательное закрепление возможности отказа правообладателя невыделенной земельной доли от права собственности с переходом ее в муниципальную собственность. Раньше отказаться от права собственности на земельную долю, как отмечают некоторые авторы, было невозможно [22, с. 14].

Критерием «невостребованности» законодателем выбрано отсутствие факта распоряжения имуществом (совершения сделок), что, по мнению отдельных авторов, является не совсем логичным, поскольку, «очевидно, законодатель под “невостребованностью” подразумевал отсутствие использования общего земельного участка собственником земельной доли» [23, с. 441–442].

Недостаточная определенность правового режима невостребованных земельных долей, снижающая эффективность применения на практике названной правовой категории, как уже отмечалось в юридической литературе, проявляется в следующем:



— отсутствие зафиксированных в законодательстве четких правовых последствий признания земельных долей невостребованными для их собственников;

— неоднозначность вопроса о правообладателе невостребованной земельной доли;

— обязательный судебный порядок признания права муниципальной собственности;

— не ограниченный законодательством срок реализации права на признание названных долей муниципальной собственностью, что может создавать правовую неопределенность на длительный период [24, с. 195—196].

10

Развитие правового режима невостребованных земельных долей и повышение его эффективности возможно по нескольким направлениям:

1) совершенствование порядка признания земельных долей невостребованными и критериев отнесения их к таковым;

2) регламентация процедуры внесудебного перехода невостребованных земельных долей в муниципальную собственность. Пока предлагаемые законопроекты об отказе от судебного порядка признания права собственности на невостребованные земельные доли не нашли поддержки у законодателя [25];

3) установление срока реализации права на признание невостребованных земельных долей муниципальной собственностью. Названная мера мотивирует муниципальные образования оперативно обращаться с соответствующими требованиями в суд и уменьшит количество злоупотреблений в рамках исследуемого института;

4) использование правового механизма признания права собственности на бесхозяйные земельные участки в случае отсутствия правообладателей невостребованных земельных долей;

5) ограничение срока использования юридической категории «невостребованная земельная доля». Понятие земельных долей изначально рассматривалось как временное явление на переходный период реформирования сельскохозяйственных предприятий. Правовая неопределенность в отношении сельскохозяйственных угодий существенно тормозит развитие аграрного предпринимательства и эффективное использование сельскохозяйственных земель. В частности, в подготовленном Правительством РФ законопроекте «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части совершенствования вовлечения в оборот долей в праве общей собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, а также в части определения особо ценных земель сельскохозяйственного назначения» предлагается признать с 1 января 2025 г. утрату прав на земельные доли лиц, чьи доли признаны невостребованными.

Список литературы

1. Палладина М.И. Правовое регулирование земельной реформы: возникновение и развитие права частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. 2013. №3. С. 19—25.



2. *Ведомости* Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. №1. Ст. 53.
3. *Собрание постановлений* Правительства РСФСР. 1992. №1-2. Ст. 9.
4. Попов Д.И. Правовой режим земельных долей в праве общей собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2004.
5. Краснов Н.И. Земельная реформа и земельное право современной России // *Государство и право*. 1993. №12. С. 3—13.
6. Козырь М.И. Юридическая природа права на земельную долю // *Аграрное и земельное право*. 2009. №1. С. 125—132.
7. Евсегнеев В.А. Нерешенные вопросы приватизации земельных долей граждан // *Аграрное и земельное право*. 2014. №7. С. 30—38.
8. Быстров Г.Е. Земельная реформа в России: правовая теория и практика // *Государство и право*. 2000. №4. С. 49—50.
9. *Собрание законодательства* РФ. 2002. №30. Ст. 3018.
10. Андреев Ю.Н. Актуальные проблемы владения, пользования и распоряжения земельными участками (долями) из земель сельскохозяйственного назначения // *Аграрное и земельное право*. 2005. №1. С. 84—105.
11. Черноморец Р.В. Земельная доля как источник права собственности на землю в аграрных отношениях // *Вестник Российского университета кооперации*. 2017. №2. С. 142—145.
12. Зайков Д.Е., Звягинцев М.Г. Настольная книга гражданина по защите земельных прав : науч.-практ. пособие. М., 2008.
13. Румянцев Ф.П. Эффективность законодательного управления правовой судьбой невостребованных земельных долей // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2013. №3. С. 177—184.
14. Гречихин В.Н., Исакова А.Г. Земельные доли и вопросы права собственности на землю в России // *Аграрное и земельное право*. 2014. №1. С. 47—52.
15. *Стратегические приоритеты в сфере реализации Государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации* : постановление Правительства РФ от 27.10.2021 г. №1832 (в ред. от 16.03.2022 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Липски С.А., Цыпкин Ю.А., Близнюкова Т.В. Наличие большого числа невостребованных земельных долей является препятствием развития аграрного производства // *Землеустройство, кадастр и мониторинг земель*. 2019. №9 (176). С. 22—26.
17. *Актуальные проблемы теории земельного права России* : монография / под общ. ред. А.П. Анисимова. М., 2020.
18. *Собрание законодательства* РФ. 1996. №11. Ст. 1026.
19. Липски С.А. Невостребованные земельные доли и обновление законодательства о землеустройстве // *Экологическое право* 2021. №6. С. 17—21.
20. *Собрание законодательства* РФ. 2005. №30, ч. 1. Ст. 3098.
21. *Собрание законодательства* РФ. 2011. №1. Ст. 47.
22. Сухова Е.А. Порядок обращения в муниципальную собственность земельных долей и вовлечения их в гражданский оборот: проблемы законодательства и практики // *Юрист*. 2013. №3. С. 13—15.
23. Киндеева Е.А., Пискунова М.Г. Недвижимость: права и сделки. Кадастровый учет и государственная регистрация прав. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011.



24. Нилов К.Н. Правовой режим неостребованных земельных долей // *Аграрное и земельное право*. 2020. №10. С. 193–196.

25. *Паспорт* проекта Федерального закона №685804-7 «О внесении изменений в статью 12.1 «Федерального закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (в части совершенствования порядка признания земельных долей неостребованными)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Об авторе

Константин Николаевич Нилов – канд. юр. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: KNilov@kantiana.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4386-607X>

12

K. N. Nilov

GENESIS OF THE CONCEPT OF “UNCLAIMED LAND SHARE” IN RUSSIAN LEGISLATION

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 15 August 2022

Accepted 20 September 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-1

To cite this article: Nilov K.N. 2022, Genesis of the concept of “unclaimed land share” in Russian legislation, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 5–13. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-1.

The concept of “unclaimed land share” appeared and developed in Russian legislation due to the debatable nature of the legal nature and the ambiguity of the legal regime of the land share as a category of land law. The article provides a description of the theoretical and practical issues related to the genesis of the doctrinal and legal concepts of land share and unclaimed land share, the topical issues of recognizing a land share as unclaimed. The author gives the timeline of the concept of unclaimed land share in the legislation, and indicates the change in the criteria for classifying land shares as unclaimed, as well as the complexity of the legal mechanism for recognizing the right of public ownership of them. The article also outlines the possible areas for further development of the legal regime of unclaimed land shares and improvement of its efficiency: procedural improvement to recognize land shares as unclaimed and the criteria for classifying them as such; regulation of the extrajudicial transfer of unclaimed land shares into municipal ownership; establishment of a term for the right to recognize unclaimed land shares as municipal property; use of the legal mechanism for recognizing ownership of unclaimed land shares as ownerless; limitation of the period of use of the legal category of “unclaimed land share”.

Keywords: land share, unclaimed land share, land plot, agricultural land, land reform, land conversions



The author

Dr Konstantin N. Nilov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: KNilov@kantiana.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4386-607X>

*Е. Е. Степанова***ВИДЫ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ЭЛЕМЕНТЫ**

Иркутский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Россия

Поступила в редакцию 23.09.2022 г.

Принята к публикации 15.10.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-2

14

Для цитирования: *Степанова Е. Е.* Виды судебной деятельности и ее элементы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №3. С. 14 – 21. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-2.

Актуальность исследования судебной деятельности определяется необходимостью повышения ее качества. Судебная деятельность непосредственно сказывается на реализации различных прав и свобод человека, одним из которых является право на справедливое судебное разбирательство. Кроме того, знания о судебной деятельности нуждаются в систематизации и обобщении в целях их наиболее эффективного применения. Судебная деятельность, как правило, рассматривается в ходе изучения ряда иных, близких к ней аспектов, а не как самостоятельная категория. Основным методом исследования стал метод материалистической диалектики. Также были использованы методы анализа и синтеза информации. Из методов, применяемых в юридической науке, были использованы формально-юридический и сравнительно-правовой. Эмпирическую базу исследования составил анализ законодательства РФ, относящегося к вопросу правового регулирования судебной деятельности, а также данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Результаты исследования позволяют определить необходимость изучения судебной деятельности в целях ее наиболее эффективной реализации, а также рассмотреть ее виды и составляющие.

Ключевые слова: судебная деятельность, деятельность судебных органов, правосудие, суд, судебный контроль, судебное санкционирование, независимость судей, права граждан

Анализ научной литературы показывает, что судебная деятельность, в отличие от судебной власти, не представляет собой популярную тему для изучения. Возможно, данный факт обусловлен ее практическим, а не теоретическим характером. Отметим также, что раскрытие сущности судебной деятельности зачастую пересекается с пониманием судебной власти. Несомненно, данные понятия являются взаимообусловленными, но не тождественными.

Наиболее полно судебную деятельность освещали такие авторы, как Н. Н. Ковтун, Н. А. Власенко и А. Н. Власенко, Д. Н. Щадрин и др. При этом судебная деятельность, как правило, рассматривается в контексте



других тем, а не как самостоятельное явление. Так, например, на данный момент отсутствуют монографические исследования, посвященные этой теме вне ее связи с иными.

Судебная деятельность является формой реализации судебной власти и носит многоаспектный характер. Определим судебную деятельность как вид государственной деятельности, заключающейся в реализации определенных законом полномочий судебной власти посредством двух видов деятельности: по осуществлению правосудия и организационно-обеспечительной [6, с. 33].

Цель судебной деятельности состоит в разрешении правовых конфликтов различного характера, а также в защите прав и законных интересов субъектов правоотношений.

В отношении судебной деятельности необходима проработка следующих основных направлений:

1. Полное определение судебной деятельности, выявление ее сущности и характера связи с таким понятием, как судебная власть.

2. Формирование и совершенствование категориального аппарата, описывающего и раскрывающего судебную деятельность.

3. Выявление влияния друг на друга судебной деятельности и деятельности различных субъектов, формирующих судебную систему нашего государства. Речь идет о взаимосвязях с деятельностью, осуществляемой Судебным департаментом при Верховном суде РФ, Федеральной службой исполнения наказаний (ФСИН), Федеральной службой судебных приставов и др.

4. Определение особенностей, присущих судебной деятельности и позволяющих выделять ее в самостоятельную категорию.

Изучение различных теоретических аспектов судебной деятельности должно быть направлено и на практическую ее реализацию в интересах общества, группы людей или конкретного гражданина. Назовем основные практические вопросы:

- 1) оптимизация работы судебного аппарата (как самих судей, так и различных структур и лиц, обеспечивающих их деятельность, например секретарей), следствием которой должно стать снижение нагрузки на судей и аппарат суда.

- 2) повышение профессионального уровня судей, в том числе за счет совершенствования механизма отбора кандидатов на роль судей.

Не входящим непосредственно в судебную деятельность является вопрос исполнения судебных решений.

Деятельность судей не может осуществляться без организационно-вспомогательной составляющей. При этом нормативно-правовое закрепление такой деятельности представлено не законами, а «правовыми актами управления разного уровня» [8, с. 100]. Таким образом, понятие «судебная деятельность» состоит из двух больших групп: «деятельность суда как органа» и «деятельность органов, обеспечивающих деятельность судов».

При классификации судебной деятельности выделяют два основных ее вида:

- 1) деятельность по осуществлению правосудия;
- 2) организационно-вспомогательная деятельность.



Классификация двух данных видов должна рассматриваться отдельно, так как они составляют взаимосвязанные, но самостоятельные направления деятельности. При этом деятельность по осуществлению правосудия является многоаспектной и может быть классифицирована по различным основаниям.

Согласно ст. 1 федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», правосудие представляет собой форму осуществления судебной власти, в которой можно выделить следующие виды: уголовное, гражданское, административное, конституционное [2]. Основанием классификации в данном случае выступает форма судопроизводства.

16

Если основанием классификации правосудия выбирать реализующий деятельность суд, то в соответствии с федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» [2] выделяют правосудие, осуществляемое федеральными судами, и правосудие, осуществляемое судами субъектов РФ.

В зависимости от того, какая инстанция осуществляет правосудие, можно выделить правосудие в суде первой инстанции, в суде апелляционной инстанции, в суде кассационной инстанции и в суде надзорной инстанции.

Значимой является классификация правосудия в зависимости от существа рассматриваемого дела: правосудие, осуществляемое судами общей юрисдикции, и правосудие, осуществляемое Конституционным судом Российской Федерации [5, с. 33].

Суды общей юрисдикции осуществляют следующие виды правосудия:

1. Традиционное правосудие, которое заключается в рассмотрении уголовных и гражданских дел. Вопрос о существовании правосудия по делам об административных правонарушениях и правосудия арбитражного производства остается открытым. Так, например, К. Ф. Гуценко полагает, что деятельность судов по разрешению административных дел находится вне рамок правосудия [4, с. 28]. Однако такое мнение не является распространенным, преобладает противоположная точка зрения.

2. Судебный контроль.

3. Судебное санкционирование.

4. Правосудие, которое заключается в разрешении правовых вопросов, находящихся в компетенции судов общей юрисдикции.

Отметим, что на данный момент существует ряд правоотношений, разрешение которых не определено в процессуальных кодексах. Так, например, нет однозначного отнесения к тому или иному виду судопроизводства хода рассмотрения ходатайства в отношении лица, не достигшего возраста привлечения к уголовной ответственности. Для решения данной проблемы представляется необходимым ввести в Кодекс административного судопроизводства РФ [13] нормы о помещении несовершеннолетних лиц в центры временного содержания. Шагом в данном направлении можно считать высказанную в 2017 г. позицию Верховного суда РФ, согласно которой «рассмотрение дел о помещении несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа осуществляется в соответствии с нормами КАС РФ» [15].



По вопросу о невозможности отнесения арбитражного судопроизводства к правосудию следует указать на два аспекта. Во-первых, арбитражное судопроизводство не имеет такого признака правосудия, как опора на самостоятельную отрасль материального права: при наличии собственного процессуального законодательства деятельность арбитражных судов связана с применением норм Гражданского права. Во-вторых, относимость к правосудию для арбитражной судебной деятельности возможна только через определение ее как разновидности правосудия, осуществляемого в порядке гражданского судопроизводства.

Из вышеуказанного вытекает проблема существования конституционного правосудия, так как оно так же не опирается на отдельную отрасль материального права и не имеет своего вида юридической ответственности. Деятельность конституционных судов можно определить как «конституционный контроль в форме судопроизводства». Таким образом, данный вопрос требует детального рассмотрения и непосредственно связан с пониманием сущности судебного контроля.

Вопрос об отнесении судебного контроля к самостоятельному виду судебной деятельности или к одному из видов правосудия также входит в разряд дискуссионных. В целом такая же проблема характерна и для судебного санкционирования.

Ряд авторов полагает, что судебный контроль не является разновидностью правосудия [8, с. 16]. Такую точку зрения высказывают А. С. Васильева, В. В. Кальницкий, О. В. Химичева и ряд других авторов. Противоположной точки зрения придерживаются Н. Н. Ковтун, В. А. Лазарева, М. Н. Савицкий и др. Заслуживающей внимания по данному вопросу представляется позиция С. В. Никитина, который указывает на возможность осуществления судебного контроля не только в форме правосудия, но и в иных квазисудебных юрисдикционных формах [7, с. 59].

Один из новейших аспектов организационно-вспомогательной деятельности — цифровизация судебной деятельности обеспечительного характера [9, с. 112]. Особенно актуальна она для организации документооборота в судах.

Первостепенным аспектом в организационной составляющей судебной деятельности является обеспечение независимости судей. Согласно ст. 10 закона «О статусе судей в РФ», вмешательство в деятельность судьи недопустимо [14].

Сущность любой организационно-обеспечительной (организационно-вспомогательной) деятельности состоит в реализации действий, направленных на функционирование некоторой системы и поддержание ее работы в течение длительного времени. При этом одним из направлений выступает повышение эффективности деятельности системы.

Для судебной деятельности можно определить следующие важные организационно-обеспечительные аспекты.

1. Деятельность, направленная на подготовку молодых специалистов и повышение профессионализма кадров судебной системы. Так, например, неблагоприятным фактором для судебной деятельности является текучесть кадров, так как это негативно влияет на качество судебной деятельности. Проблема текучести непосредственно связана с плохим



финансированием судов, низкой заработной платой ряда сотрудников судебного аппарата. Как следствие, отмечается нехватка сотрудников, что еще больше усугубляет проблему перегруженности судей [11, с. 213].

2. Деятельность по участию в разработке государственной судебной политики.

3. Деятельность по проведению научных исследований в сфере организации системы судов.

4. Деятельность по информационному обеспечению судов.

5. Деятельность по обеспечению взаимодействия судов Российской Федерации с судами иностранных государств, международными органами и иными структурами, как правило в целях обмена опытом, получения и предоставления информации.

6. Деятельность по подготовке и проведению судебной деятельности, а также действия, направленные на содействие правосудию.

Таким образом, судебная деятельность носит юридический характер. Ее основными составляющими выступают правозащитная, правоохранительная, праворазъясняющая, управомочивающая, обязывающая и запрещающая деятельность. И. Ю. Носков [8] также выделяет в судебной деятельности социальную составляющую, в которую включает следующие элементы:

1) изучение судебной практики в целях разработки рекомендаций, методов и способов улучшения судебной деятельности и повышения ее эффективности;

2) трудовой аспект, связанный с проблемой переработки судей и избыточной нагрузкой на них;

3) потребительский аспект, связанный с финансированием деятельности не только самих судей, но и их аппарата.

В судебной деятельности можно выделить элементы, изучение которых позволяет глубже раскрыть ее сущность: объект, субъект, цель, средства, процесс и результат деятельности.

Объектом судебной деятельности выступают правовые отношения субъектов. Для современного общества характерна тенденция увеличения как числа правовых конфликтов, так и их видов. Так, например, в 2021 г. в суды поступило почти на 2 млн гражданских дел больше, чем в 2020 г. [12].

Субъектами судебной деятельности являются сами судьи, присяжные и арбитражные заседатели, сотрудники аппарата суда. При этом подразумевается реальная вовлеченность субъекта в деятельность, то есть судья должен быть привлеченным к осуществлению правосудия на законных основаниях, а сотрудники аппарата — официально работающими. Согласно ч. 5 ст. 32 Конституции РФ, в осуществлении правосудия могут принимать участие граждане РФ [1]. Способом реализации данного права выступает участие граждан в судебной деятельности в качестве присяжных и арбитражных заседателей, при этом представляется неверной позиция тех авторов, которые в качестве одного из способов реализации права граждан на участие в отправлении правосудия выделяют профессиональный способ — деятельность судьи [10, с. 435]. Действительно, о судьях нельзя сказать, что они принимают участие в отправлении правосудия, так как они непосредственно его осуществляют.



Средства осуществления судебной деятельности можно разделить на правовые и неправовые. К первой категории относится материальное и процессуальное право, а ко второй — материально-технические и финансовые средства, направленные на обеспечение достижения целей судебной деятельности. Проблематику в данной сфере определяет частая смена норм, наличие пробелов в законодательстве, а также качество правовых актов, которое, по мнению ряда авторов, значительно снизилось за последние 10 лет [3, с. 143]. В понятие качества правового акта мы включаем и наличие формально-правовых ошибок, которые не были устранены на этапе разработки данного акта.

Цель судебной деятельности не определена ни в одном нормативном правовом акте. По мнению И. Ю. Носкова, цель судебной деятельности включает две составляющие: осуществление правосудия и повышение качества и эффективности правосудия [8, с. 78]. Процесс достижения указанных целей является одним из элементов судебной деятельности.

Процесс развития судебной деятельности может быть исследован с использованием не только правового, но и философского и историко-правового подходов, а среди влияющих на данный процесс факторов следует выделять внешние и внутренние. Примером внешнего фактора выступает влияние международного права на судебную деятельность в России. Значительное влияние на нее оказывает также политический режим страны: чем более он авторитарен, тем более зависима от него судебная деятельность.

Внутренние факторы, влияющие на судебную деятельность, включают в себя уровень развития судебной практики, который связан с уровнем профессиональной подготовки судей, а также систему судов, функционирующую на данном этапе развития. Так, например, судебная деятельность в России претерпела изменения вследствие создания апелляционных судов.

Элементом судебной деятельности является и ее результат. Результат может быть тактическим и стратегическим. Под тактическим результатом подразумевается результат рассмотрения конкретного дела, а под стратегическим — общая картина по результатам рассмотрения однородных по определенному признаку дел. Одна из проблем достижения положительного результата при осуществлении судебной деятельности заключается в низком качестве исполнения решений судов.

Таким образом, при совершенствовании судебной деятельности следует учитывать взаимосвязь различных факторов, так как зачастую она очень сильна, и изменение одного фактора существенно влияет на значение других. Судебная деятельность — многоаспектный феномен, что подразумевает возможность ее совершенствования путем изменения отдельных ее элементов. Каждый из элементов содержит в себе некоторые проблемы, которые не получили пока своего однозначного разрешения. Приветствуется развитие информационной составляющей в деятельности судов: введение цифрового документооборота, возможность обращения граждан через Интернет, формирование электронных картотек дел и т.д. В развитии судебной деятельности прослеживается тенденция к специализации судей, которая непосредственным образом связана с появлением новых правоотношений и судов. Так, реализованным ново-



введением стало создание в системе арбитражных судов суда по интеллектуальным правам. В юридической литературе обсуждается вопрос о необходимости формирования системы ювенальных судов. При этом между судами должно происходить распределение не властных полномочий, а задач, связанных с осуществлением правосудия.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. №237. 25 декабря.
2. О судебной системе Российской Федерации : федер. конституционный закон от 31 декабря 1996 г. №1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. №1. Ст. 1.
3. Гуценко К. Ф. Правоохранительные органы в Российской Федерации. М., 2000.
4. Лысов П. К. Правосудие как основная функция судебной власти: понятие и формы реализации // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №1. С. 27–30.
5. Марьина Е. В. Судебная система Российской Федерации : учеб. пособие. Самара, 2020.
6. Мартынова Е. В. Судебная деятельность как разновидность юридической деятельности // Интернаука. 2019. №45-2 (127). С. 32–34.
7. Миргородская Э. Р. Дискуссионные вопросы определения сущности и видов судебно-контрольной деятельности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2021. №1. С. 58–62.
8. Носков И. Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики : дис. ... канд. юр. наук. М., 2016.
9. Никитин С. В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процесс : монография. М. : РАП, 2009.
10. Право и правосудие в современном мире: Актуальные проблемы теории, истории, государственного управления и правоохранительной деятельности : сб. науч. ст. по результатам работы IX студ. ежегод. науч. конф. с междунар. участием / под общ. ред. Я. Б. Жолобова, А. А. Дорской. СПб., 2021.
11. Рахманова М. А., Шумов П. В. Нагрузка на судей и качество правосудия // Бюллетень науки и практики. 2019. №10. С. 213–216.
12. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ [офиц. сайт]. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 12.09.2022).
13. О судебной системе Российской Федерации : федер. конституционный закон от 31 декабря 1996 г. №1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. №1. Ст. 1.
14. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. №21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. №10. Ст. 1391.
15. О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26 июня 1992 г. №3132-1 // Российская газета. 1992. 29 июля.
16. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №1 (2018) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018 г. (п. 34). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».



Об авторе

Елена Евгеньевна Степанова — науч. сотр., отдел информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Россия.

E-mail: kanuzelena@inbox.ru

E. E. Stepanova

TYPES OF JUDICIAL ACTIVITY AND ITS ELEMENTS

21

Irkutsk Law Institute (branch of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation), Irkutsk, Russia

Received 23 September 2022

Accepted 15 October 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-2

To cite this article: Stepanova E. E. 2022, Types of judicial activity and its elements, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 14 – 21. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-2.

The relevance of the study of judicial activity is determined by the need to improve its quality. Judicial activity directly affects the implementation of various human rights and freedoms, one of which is the right to a fair trial. In addition, knowledge about judicial activity needs to be systematized and generalized in order to use it most effectively. Judicial activity, as a rule, is considered while a number of other relevant aspects are being studied rather than as an independent category. The research mainly relied on the method of materialistic dialectics as well as the methods of information analysis and synthesis, the formal-legal and comparative-legal methods. The empirical basis of the study was an analysis of the legislation of the Russian Federation related to the issue of legal regulation of judicial activity, as well as an analysis of the data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: judicial activity, activity of judicial bodies, justice, court, judicial control, judicial authorization, independence of judges, citizens' rights

The author

Elena E. Stepanova, Research Fellow, Irkutsk Law Institute (branch of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation), Irkutsk, Russia.

E-mail: kanuzelena@inbox.ru

А. А. Валуев¹, С. А. Денисов², К. Н. Скворцов³

**БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ XIII—XV ВЕКОВ
ИЗ НЕКРОПОЛЯ АЛЬТ-ВЕЛАУ**

22

¹Калининградский областной историко-художественный музей, Россия

²Институт археологии РАН, Россия

³Институт археологии РАН, Россия

Поступила в редакцию 21.03.2022 г.

Принята к публикации 12.08.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-3

Для цитирования: Валуев А. А., Денисов С. А., Скворцов К. Н. Бытовые предметы XIII—XV веков из некрополя Альт-Велау // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №3. С. 22—37. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-3.

Охарактеризованы состав и морфология бытовых предметов из погребений второй половины XIII—XV вв. некрополя Альт-Велау, расположенного в прусской земле Надровии. К данным предметам относятся бритвы, кресала, точильные камни, ключи и гребень, которые были широко распространены в повседневной жизни местного населения и использовались в составе погребального инвентаря под влиянием языческого обряда, сохранившегося вплоть до XVI в. Для изучения состава и морфологии предметов использованы типологический и сравнительно-исторический методы, что позволило сделать следующие выводы. На протяжении выделенного периода бытовые предметы демонстрируют в отношении формы, состава и расположения в погребениях тенденцию к унификации. Наиболее часто в комплексах использовались бритвы типа 1 и кресала типов 1-4, как по отдельности, так и в сочетании друг с другом. Основным местом расположения стали таз и бедренные кости, что обусловлено традицией ношения предметов на поясе. Сопоставление бытовых предметов с аналогичными вещами из других некрополей и городов Орденового государства и сопредельной Жемайтии позволяет говорить, с одной стороны, о влиянии на бытовой обиход жителей Альт-Велау единой материальной культуры, а с другой – о возникновении в данном обиходе региональных особенностей.

Ключевые слова: пруссы, материальная культура, бытовые предметы, государство Тевтонского ордена, погребение, некрополь Альт-Велау

Перемены в общественном развитии автохтонных жителей Пруссии, произошедшие после покорения региона Тевтонским орденом в 1231—1283 гг., отразились в различных сферах материальной культуры. В частности, принимая обязанности ленников и локаторов и обязуясь



нести военную службу и/или платить налог за полученный надел, пруссы подчеркивали свое положение при помощи поясов, на которые были прикреплены железные накладки, покрытые серебром. Данные предметы имитировали рыцарские пояса и использовались пруссами еще до завоевания, а после 1283 г. сохранили свое значение и были адаптированы к новым социальным условиям, свидетельствуя о высоком положении владельца на службе Ордену [21, S. 266, Abb. 35.2; S. 267; S. 334, Taf. 19.5, 6; 19, с. 147–158]. Обращаясь в христианство и выполняя таким образом условие для инкорпорирования в новую социальную систему, пруссы подчеркивали принадлежность к вере, нанося на бронзовые фибулы надпись «Радуйся, Мария» («Ave Maria») [21, S. 259, Abb. 28.1–3; S. 329, Taf. 14.1–4]. В то же время на протяжении XIII–XIV вв. они регулярно обращались к языческим традициям погребального обряда, сопровождая умерших вооружением, украшениями и бытовыми предметами, необходимыми в загробной жизни [9, с. 105–116; 10; 21; 28–30]. Данная особенность возникла вследствие того, что Орден не стремился полностью контролировать исполнение норм христианского вероучения, оставляя эту обязанность Церкви и ставя своей целью прежде всего политическое господство в Юго-Восточной Прибалтике. Это обстоятельство позволяет проследить, как развивалась материальная культура пруссов после их покорения Тевтонским орденом. Среди многочисленных вещей, сопровождавших умершего, выделяются предметы быта (ножи, ножны, точильные камни, кресала, бритвы и др.), являвшиеся неотъемлемой частью повседневной жизни и сохранявшиеся в составе погребального инвентаря вплоть до XVI в. Ключевыми аспектами для характеристики данных предметов являются состав и морфология, которые, несмотря на свое значение, не фиксируются в письменных источниках, что делает возможным их изучение исключительно на основе археологических памятников соответствующего периода.

Один из наиболее изученных памятников в этом отношении — некрополь Альт-Велау, возникший в XIII в. у слияния рек Прегель и Алле (рис. 1). Освоение данной территории началось в 1255 г., когда надровы, судовы и скаловы, совершив поход в Самбию, построили здесь крепость для защиты своих земель от наступления Ордена. Однако уже через короткое время нобиль Тирско, возглавлявший гарнизон крепости, перешел на сторону противника, после чего крепость стала форпостом братьев [31, S. 92–93, №73; S. 131, №175]. Укрепляя данный стратегически важный район, Орден возвел в XIV в. на южном берегу р. Прегель новый замок, вследствие чего старое укрепление потеряло свое оборонительное значение [1, с. 61]. В то же время вблизи от него продолжила функционировать деревня Альт-Велау (нем. Alt-Wehlau), житель которой по имени Клаус упоминается в грамоте от 14 ноября 1361 г. как владелец таверны, мельницы с прилегающим к ней лугом и 6 моргенов сада, расположенного рядом с кирхой. Ему также разрешалось использовать близлежащие выгонные земли совместно с жителями деревни Опин (нем. Oppen). За полученные владение и право Клаус был обязан платить натуральную подать [32, S. 587, №1031]. Более широко землевладение в Альт-Велау представлено в XV в., как следует из Большой книги чиншей — свода поземельных описей, составленного в 1414–1438 гг.

В описи 1414–1418 гг. отмечены совокупные размеры владений трех категорий местных жителей, принадлежавших к пруссам: ленников, обязанных к военной службе и освобожденных от налогов (им принадлежали 43 гуффена), ленников, которые несли военную службу и платили налог (34,5 гуффена), а также крестьян, которые платили налог за обрабатываемую землю (91 гуффен) [22, S. 19, № 71]. Под 1437 г. упоминается мельница в Альт-Велау, с которой полагался налог в 4 марки [22, S. 58, № 191]. Таким образом, период второй половины XIII — XV в. характеризуется интенсивным хозяйственным освоением округи Альт-Велау, что выражалось в формировании системы ленных и крестьянских землевладений, строительстве мельницы и таверны. Это свидетельствует об успешном инкорпорировании местного населения в выстроенную братьями социальную систему и позволяет обратиться к некрополю как к памятнику, на основе изучения которого можно охарактеризовать материальную культуру пруссов под властью Тевтонского ордена.



Рис. 1. Города и некрополи XIII–XV вв. в государстве Тевтонского ордена, где были найдены бытовые предметы

В 1993, 1996–2001 гг. в ходе раскопок в Альт-Велау, проведенных сотрудниками Калининградского отряда Балтийской археологической экспедиции (начальник отряда — А. А. Валуев, начальник экспедиции — д-р ист. наук В. И. Кулаков), были исследованы 372 погребения, датированные XIII–XVII вв. и совершенные по обряду ингумации в некрополе при христианской церкви.

Несмотря на то что бытовые предметы широко представлены в комплексах данного памятника, они практически не рассматривались в историографии. В центре внимания исследователей оказывались преимущественно предметы, демонстрирующие высокий социальный статус погребенных персон [9, с. 105–108; 16; 19, с. 149–150] или характеризующие их религиозное мировоззрение [10, с. 136–142; 17, с. 81–85]. Получая меньшее внимание, бытовые предметы рассматривались как признак

принадлежности погребенного к группе жителей, занимавшихся ремеслом [4, с. 37]. Однако морфология, состав и количество предметов, а также их аналоги специально не изучались.

При исследовании некрополя были найдены 289 бытовых вещей, 179 из которых располагались в 175 погребениях (47% от общего числа комплексов), остальные происходят из разрушенных захоронений. Основную часть предметов составили ножи (176) и ножны (40), которые вследствие большого количества и разнообразия типов заслуживают отдельной публикации. В данной работе обратимся к не менее важным в повседневной жизни пруссов вещам, представленным в погребальном инвентаре: кресалам, точильным камням, ключам, замкам и гребню (всего 73 предмета из 36 погребений). Погребения с данными вещами располагались в некрополе равномерно без каких-либо зон концентрации, что связано с широким распространением этих предметов в повседневной жизни вне зависимости от социального положения умершего (рис. 2). Рассмотрим далее каждую категорию находок отдельно.

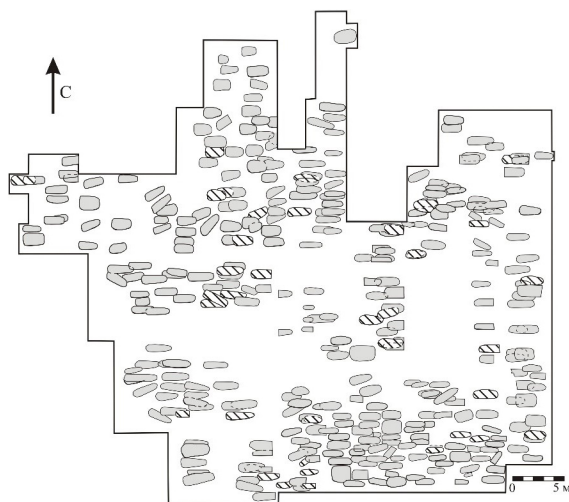


Рис. 2. План погребений в некрополе Альт-Велу.
Штрихами выделены комплексы с бытовыми предметами

Бритвы.

Данная категория представлена 35 предметами, 22 из которых (65% от общего числа) происходят из мужских захоронений некрополя Альт-Велу, датируемых периодом второй половины XIII — начала XV в., а 13 — из разрушенных комплексов. Бритвы имеют плавное дугообразное клиновидное железное лезвие, закрепленное внутри деревянного футляра, и относятся к типу 1 по Б. А. Колчину [14, с. 57] (рис. 3, 1—5). Размер лезвия составляет $6,1\text{--}9,7 \times 1\text{--}2,3 \times 0,2\text{--}0,4$ см¹, его крепление в футляре осуществляется за счет железной оси длиной $0,7\text{--}1,4$ см и диаметром $0,1\text{--}0,4$ см, концы которой сплюснуты до размеров $0,2\text{--}0,6 \times 0,2\text{--}0,7$ см. Футляры состоят из двух боковых стенок и имеют размеры $7,5\text{--}10 \times 2\text{--}2,5 \times 0,8\text{--}0,9$ см.

¹ Здесь и далее размеры даны соответственно по длине, ширине и толщине.

Боковые стенки, в свою очередь, имеют толщину 0,2–0,3 см. На тыльной стороне лезвия имеется выступ длиной 0,7–1,9 см и шириной 0,7–1,4 см, который сделан из железного стержня переменного квадратного и прямоугольного сечения 0,1–0,9 × 0,2–0,6 см, сложенного в два или три раза и образующего таким образом петлю для крепления к поясу. При нажатии на выступ лезвие извлекалось и фиксировалось в рабочем положении с помощью железной клепки, крепившейся между стенок в центральной части футляра. Длина клепок составила 0,7–0,9 см, диаметр оси — 0,1–0,4 см. Концы клепок сплюснуты до размера 0,4 × 0,5 см [2, с. 21, рис. 83–Б; 5, с. 21, рис. 121.2; 8, с. 20–21, рис. 81.2].

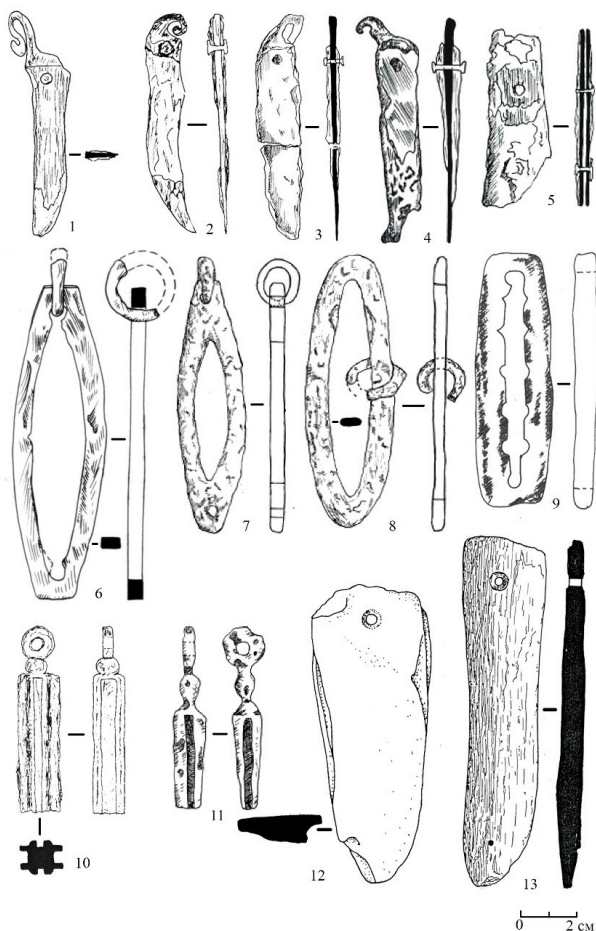


Рис. 3. Бытовые предметы из погребений XIII–XV вв. некрополя Альт-Велау:

1–5 — бритвы, 6–9 — кресала, 10, 11 — ключи, 12, 13 — точильные камни

Кресала.

Всего при изучении некрополя были найдены 28 двулезвийных железных кресал, 21 из которых происходят из мужских погребений некрополя Альт-Велау, остальные 7 — из его разрушенных комплексов. По форме предметы разделяются на 4 типа: овальные, овальные заостренные,



овальные короткие (по Б. А. Колчину [15, с. 163]) и прямоугольные (по Э. А. Савельевой [20, с. 62]). К первому типу относится 1 кресало, имеющее форму удлиненного овала, прямоугольное сечение лезвия (рис. 3, 8) и следующие размеры: длина 9,8 см, ширина 3,2 см, сечение рамки 0,7—1,2 × 0,4 см. На лезвие надето железное кольцо с внешним диаметром 2,1 см, которое имеет круглое сечение размером 0,4 см [6, с. 47, рис. 124.1].

Ко второму типу относятся 8 кресал, имеющие форму удлиненного овала с заостренными концами (овальные заостренные; рис. 3, 7). Размеры предметов по длине и ширине составляют соответственно 7,4—11,3 × 0,9—2,9 см. Кресала имеют лезвия прямоугольного или переменного прямоугольного и квадратного сечений размером 0,4—2,2 × 0,4—0,6 см. По краям внутреннего овала расположены круглые (диаметром 0,2—0,6 см) или овальные (0,3—0,4 × 0,5—0,9 см) отверстия, в которые вставлялись железные кольца круглой (2 кресала) или овальной (также 2 предмета) формы для крепления к поясу. Круглые кольца имеют внешние диаметры 1,4 и 2,5 см и диаметры сечения соответственно 0,2 и 0,4 см, овальные кольца — длину 1,7 см, ширину 1,5 см, диаметр сечения 0,2—0,4 см. Вместе с 2 кресалами в погребениях обнаружены 1—2 кремня размером 2,9—3,5 × 1,8—2,2 × 0,6—1,5 см. Рассматриваемый тип кресал представлен в погребениях второй половины XIII — начала XV в. [3, с. 41, рис. 93.2; с. 55, рис. 137.2; 5, с. 44, рис. 222.4; 6, с. 47, рис. 124.2, 8; 7, с. 56, рис. 201.7; 8, с. 18—21, рис. 76.3, 4, 5; рис. 81.3, 4].

Третий тип включает 8 кресал овальной формы, у которых отсечено плавное соединение двух длинных боковых сторон (овальные короткие; рис. 3, 6). Их длина составляет 6,2—11 см, ширина 1,2—5 см. Лезвие имеет квадратное или переменное квадратное и прямоугольное сечение размером 0,3—1,6 × 0,3—0,6 см [2, с. 19—20, рис. 77—А]. Один предмет имеет бинарные отверстия для крепления диаметром 0,4—0,5 см [3, с. 37, рис. 86.4]. Еще у 2 кресал железные кольца надеты на лезвие. Их внешний диаметр составил 2—2,2 см, сечение — 0,5—0,7 см [8, с. 23—24, рис. 90.1; с. 30—31, рис. 112.11]. Одно кресало крепилось к поясу при помощи кожаного ремешка, который имел ширину 0,8 см и был присоединен к короткой стороне лезвия [6, с. 70—71, рис. 205.7]. В 3 погребениях вместе с кресалами были найдены 1—2 кремня размером 2,1—3,5 × 1,4—2,7 × 0,6—2,7 см. В двух случаях кремень был зафиксирован между лезвиями кресала [4, с. 31, рис. 146.7; 5, с. 42—43, рис. 213.2; 7, с. 25—26, рис. 87.6]. Погребения, содержащие среди инвентаря кресала рассматриваемого типа, датируются второй половиной XIII — началом XV в.

К четвертому типу относятся 11 кресал, имеющих вытянутую прямоугольную форму (рис. 3, 9). Их длина составляет от 5,8 до 13,8 см, ширина — 1,2—3 см. Лезвие имеет квадратное или переменное квадратное и прямоугольное сечение размером 0,5—1,4 × 0,3—0,7 см [5, с. 11—12, рис. 54.4; с. 15, рис. 75.2; 6, с. 47, рис. 124.3; 7, с. 37—38, рис. 127.3; с. 56, рис. 201.4; 8, с. 31—32, рис. 115.6]. У 3 кресал по краям внутреннего прямоугольника находятся бинарные или одинарные отверстия круглой (диаметром 0,5 см) или овальной (размером 0,3—0,9 × 0,4—0,7 см) формы [4, с. 15—16, рис. 68.2; 6, с. 28—29, рис. 74.1; 7, с. 56, рис. 201.2]. При этом одно из кресал имеет на внутренней стороне 5 пар округлых или треугольных прорезей, расположенных друг напротив друга, длиной 0,3—0,6 см и ши-



риной 0,1–0,2 см, служивших предположительно для фиксации предмета в руке [4, с. 15–16, рис. 68.2]. У одного предмета на лезвие надето железное кольцо с внешним диаметром 1,4 см и диаметром сечения 0,3 см [8, с. 42–43, рис. 159.3]. В 2 погребениях были обнаружены 1–2 кремня, имеющие размеры 3–5 × 1,5–2,2 × 0,7–1,4 см [4, с. 15–16, рис. 68.2; 6, с. 66–67, рис. 190.5–6]. Кресала данного типа происходят из погребений второй половины XIII – конца XIV в.

Все 4 типа сосуществовали на протяжении периода со второй половины XIII до конца XIV – начала XV в. Снабжение их кремнями сходных размеров, а также использование одних и тех же способов крепления при помощи кольца свидетельствует об однотипном использовании и хранении в быту как вещей, имеющих рабочее значение.

Ключи.

Среди погребального инвентаря некрополя Альт-Велау находятся 3 железных ключа от навесных железных замков, относящиеся к 2 типам. Первый тип составляют 2 ключа, имеющие форму стержня с одной или двумя продольной щелями (рис. 3, 11). По форме они близки к типу Д, выделенному Б. А. Колчиным [14, с. 87, рис. 70; 18, с. 161–162]. Первый ключ имеет 2 продольные щели, расположенные крестообразно. Его длина составляет 6,8 см, ширина – 0,4–1,5 см, толщина – 0,3–1,1 см. Предмет происходит из группового захоронения конца XIV в., в котором относится к инвентарю, принадлежащему женщине [5, с. 6–7, рис. 30.1]. Второй ключ имеет одну продольную щель. Его размеры составляют 4,5 × 0,9–1,5 × 0,5–0,8 см. К петле ключа прикреплено железное кольцо для подвешивания к поясу. Внешний диаметр кольца составил 1,8 см, диаметр сечения – 0,5 см. Предмет происходит из женского погребения середины – конца XIV в. [7, с. 44, рис. 146.5, 148.1]. Ко второму типу (тип Е по Б. А. Колчину) относится ключ с шестью продольными выступами, подходящими к лабиринтообразному торцевому отверстию замка (рис. 3, 10) [14, с. 87, рис. 70; 18, с. 161–162]. Его длина составила 6,7 см, ширина 0,2–1,1 см, толщина 0,3–1,1 см. Предмет происходит из женского захоронения начала – середины XIV в. [4, с. 19, рис. 93.3]

Точильные камни.

Данная категория представлена 6 предметами, 4 из которых обнаружены в 2 мужских погребениях некрополя Альт-Велау, датируемых второй половиной XIII – первой половиной XIV в., а еще 2 происходят из его разрушенных комплексов. Точильные камни имеют форму, близкую к прямоугольной, и изготовлены из серого сланца (рис. 3, 12, 13). Длина предметов составила от 6,4 до 12,7 см, ширина – от 1,2 до 4,2 см, толщина – 0,4–1,3 см. У 4 предметов на конце просверлено отверстие диаметром 0,2–0,4 см, служившее для подвешивания точильного камня к поясу [3, с. 55, рис. 137.3, 4; 4, с. 15–16, рис. 68.4, 5; 7, с. 56, рис. 201.3; 8, с. 37, рис. 133.34].

Гребни.

При исследовании некрополя Альт-Велау был обнаружен фрагмент костяного гребня, который находился в погребении женщины, датированном серединой – концом XIII в. Предмет относится к типу двусто-



ронних прямоугольных составных гребней (по Б. А. Колчину) [18, с. 162], его определяемые размеры составляют: ширина — 3,8–4,2 см, толщина — 0,4 см. Гребень состоит из двух прямоугольных пластин, на одной стороне каждой из которых прорезаны зубья. Стык данных частей прикрыт третьей пластиной, расположенной поперечно гребню и имеющей ширину 1 см, толщину 0,2–0,3 см. Соединение пластин осуществлялось бронзовыми клепками длиной 1,8 см и диаметром 0,3–0,4 см. Гребень украшен металлическими накладками с прорезным циркульным орнаментом [2, с. 15–16, рис. 65–Б].

Установив морфологию бытовых предметов из Альт-Велау, обратимся к их распределению в захоронениях, составу и расположению, с тем чтобы проследить закономерности в использовании в качестве погребального инвентаря. При этом в состав бытовых вещей включим также ножи и ножны в тех случаях, когда они располагаются вместе с рассматриваемыми предметами (табл. 1).

29

Таблица 1

Состав бытовых предметов в погребениях

№	Состав и количество предметов	Число погребений (% от общего числа комплексов)	Датировка комплексов
1	Бритва, нож и кресало	7 (19)	Вторая половина XIII — конец XIV в.
2	Нож и кресало	6 (17)	Вторая половина XIII — начало XV в.
3	Бритва	5 (14)	Вторая половина XIII — начало XV в.
4	Нож и бритва	5 (14)	Вторая половина XIII — середина XV в.
5	Кресало	4 (11)	XIV в.
6	Железный ключ	2 (5)	Середина — конец XIV в.
7	1–2 ножа, бритва, кресало, 2 точильных камня	2 (5)	Вторая половина XIII — первая половина XIV в.
8	Железный ключ и нож	1 (2)	Начало — середина XIV в.
9	Нож и костяной гребень	1 (2)	Вторая половина XIII в.
10	Нож, ножны, бритва, кресало	1 (2)	Вторая половина XIII — начало XIV в.
11	Бритва и кресало	1 (2)	Вторая половина XIII в.
12	Ножны и бритва	1 (2)	Вторая половина XIII в.

Основываясь на данном распределении, можно разделить бытовые предметы на две группы, различающиеся по времени и частоте использования в составе погребального инвентаря:



1) бритва с ножом и кресалом, нож с кресалом, бритва, нож с бритвой, кресало (№1—5) находятся в составе инвентаря 4—7 погребений второй половины XIII — середины XV в. (11—19 % от общего числа комплексов);

2) железный ключ, железный ключ с ножом, нож с костяным гребнем, нож с ножами, бритвой и кресалом, бритва с кресалом, ножны с бритвой, а также 1—2 ножа с бритвой, кресалом и 2 точильными камнями (№6—12) присутствуют в составе инвентаря 1—2 погребений (2—5 % от общего числа), датируемых второй половиной XIII — концом XIV в.

Выделенные группы свидетельствуют о постепенном сокращении числа бытовых предметов в погребальном инвентаре и унификации их состава. При этом предметы распределены в погребениях в соответствии с половыми различиями индивидов: бритвы, кресала и точильные камни характерны для мужских погребений, в то время как ключи и гребень — для женских. Практически во всех случаях это связано с представлениями о бытовых потребностях человека, сохранявшего уклад повседневной жизни в загробном мире. Исключение составляют ключи, символизировавшие богатство и его охрану. Данное значение подчеркивалось в специальных подвесках-амулетах в виде ключей, характерных для женских погребений и распространенных в рассматриваемый период в Прибалтике и Восточной Европе [11, с. 156; 34, р. 156, раv. 34.2—6; 36, р. 27, раv. 36.6, 7].

Внутри погребений бытовые предметы расположены следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Расположение бытовых предметов в погребениях

Вид предмета	Расположение	Число предметов	Датировка комплексов
Бритва	Таз	4	Вторая половина XIII — середина XIV в.
	Бедренные кости	15	Вторая половина XIII — середина XV в.
	Колено	1	Вторая половина XIII в.
	Берцовые кости	2	XIV в.
Кресало	Череп	1	Середина — конец XIV в.
	Грудь	1	Середина — конец XIV в.
	Руки	1	Середина — конец XIV в.
	Таз	3	Начало — середина XIV в.
	Бедренные кости	13	Вторая половина XIII — начало XIV в.
	Колено	1	Вторая половина XIII в.
Точильный камень	Бедренные кости	2	Вторая половина XIII — начало XIV в.
	Берцовые кости	2	Начало — середина XIV в.
Гребень	Грудь	1	Вторая половина XIII в.



Как видно из представленного распределения, бытовые предметы расположены в погребениях преимущественно у таза и бедренных костей. Здесь находится основная часть бритв (19 из 22 предметов, 86 % от общего числа), кресал (16 из 21 предмета, 76 % от общего числа), все ключи и половина точильных камней. В хронологическом отношении данная практика охватывает период второй половины XIII — начала XV в. включая практически все время использования того или иного предмета в составе погребального инвентаря. Напротив, в остальных местах (черепа, грудь, берцовые кости и др.) предметы располагались редко и на протяжении более короткого срока. Указанные обстоятельства свидетельствуют о постепенной унификации расположения бытовых предметов в погребениях, что было во многом обусловлено традицией их ношения на поясе, к которому они крепились ремнем.

31

Для того чтобы понять, насколько широко были распространены выявленные типы рассматриваемых вещей, обратимся к их географическому распределению в городах и некрополях государства Тевтонского ордена в XIII—XVI вв. Некрополи XIII—XV вв. представлены следующими памятниками: Рувина Дольна (нем. Unter Plehnen), Гердауэн (нем. Gerdauen)¹, Штангенвальде (нем. Stangenwalde). Городские комплексы происходят из Лёбенихта (нем. Löbinicht) и датируются XIV—XVI вв., а также из Эльбинга (нем. Elbing) и Данцига (нем. Danzig), где относятся к XVI—XVII вв. (см. рис. 1, с. 24). Дополнительно к ним рассмотрим предметы XIII—XV вв. из некрополей Жемайтии, литовской области, расположенной к северо-востоку от р. Неман и имевшей тесные политические и культурные контакты с Орденским государством (табл. 3).

Представленное распределение показывает, что практически все рассматриваемые предметы характерны для перечисленных памятников, что связано с широким распространением данных вещей в повседневной жизни населения Орденского государства и сопредельной с ним Жемайтии. Отдельное место занимают бритвы типа 1, которые отсутствуют в упомянутых некрополях и городах и встречаются только в Жемайтии. Причиной тому, возможно, являются культурные контакты, установившиеся в Надровии между местными жителями и переселенцами из Литвы, получившими здесь земельные владения в конце XIII — XIV в. Дело в том, что Орден, расширяя после 1283 г. свои владения в северо-восточном направлении, начал борьбу с Великим Литовским княжеством за Жемайтию, которую смог присоединить согласно Салинскому мирному договору в 1398 г. [12, с. 205]. В ходе противостояния Орден расселял нобилей, перешедших на его сторону, во внутренних районах своего государства: Самбии, Помезании, Вармии, Натангии и Надровии [13, с. 171—181]. В районе замка Велау зафиксированы четыре ленных владения литовских переселенцев, одно из которых было пожаловано великим магистром Карлом фон Триером (1311—1324) в 1311 г. [32, S. 19, №30], а три других — великим магистром Винрихом фон Книпродде (1351—1382) в 1353 и 1355 гг. [33, S. 93, №167; S. 93, №168; S. 168, №302]. Соответственно, в результате контактов между переселенцами и местными жителями в обиходе последних стали использоваться бритвы типа 1.

¹ Этот памятник известен также как Киндерхоф (нем. Kinderhof).

Географическое распределение бытовых предметов

Предмет/ памятник	Рувина Дольна	Штангенвальде	Гердауэн	Лёбенихт	Данциг	Эльбинг	Жемайття
Бритвы, тип 1	—	—	—	—	—	—	Есть [34, р. 160, рав. 38. 3—6, 8; 36, р. 24, рав. 29.13; р. 50, рав. 84.6]
Тип 1	—	—	Есть [26, № РМ Pr 19416]	—	—	—	Есть [27, р. 164, рав. 139, № 2; 34, р. 161, рав. 39.16]
Тип 2	—	—	Есть [26, № РМ Pr 12729; РМ Pr 12886; РМ Pr 12901]	—	—	—	—
Тип 3	Есть [29, s. 182, 184, tabl. XXII.2]	Есть [21, S. 270; S. 343, Taf. 28.9, 11]	—	—	—	—	Есть [26, р. 110, рав. 89.2; 34, р. 161, рав. 39.9, 11, 12, etc.; 35, р. 132, рав. 11.4; 36, р. 20, рав. 20.7; р. 24, рав. 29.6, etc.]
Тип 4	Есть [30, s. 125—126, tabl. XVII.3; s. 141, tabl. XXIV.1.]	—	Есть [26, № РМ Pr 19936]	—	—	—	Есть [34, р. 161, рав. 39.8, 14, 17; 36, р. 25, рав. 32.2]
Кресала							

Сланцевые точильные камни	Есть [30, s. 122–123, tabl. XV.4]	Есть [21, S. 272, 273, Abb. 40.1; S. 343, Taf. 28.17; S. 344, Taf. 29.2]	Есть [26, № РМ Пр 12751]	Есть [18, с. 157, рис. 126. Löb–663]	Есть [24, s. 426, 427, 433, tabl. III, kat. 22931, 22934, 22937]	—	Есть [26, p. 114, pav. 93.2; 27, p. 167, pav. 142, №4; p. 179, pav. 153, №13; 34, p. 157, pav. 35.4; 35, p. 132, pav. 11.11]
	Ключи	—	—	—	Есть [25, s. 438, 445, tabl. II, kat. 20287, 20292]	Есть [23, s. 88, fot. 110]	—
Двусторонние костяные гребни	Есть [29, tabl. XXIII.1]	—	—	Есть [18, с. 126, рис. 67. Löb–576; с. 172, рис. 152. Löb–762]	—	Есть [23, s. 77, fot. 80]	—



Итак, изучение бытовых предметов из некрополя Альт-Велау позволяет выявить следующие закономерности при их использовании как части погребального инвентаря, а также проследить значение в повседневной жизни. На протяжении второй половины XIII—XV в. наблюдается постепенная унификация состава и местоположения бытовых предметов в захоронениях. Основными вещами становятся бритвы и кресала как по отдельности, так и в сочетании друг с другом и с ножами. Другие предметы — точильные камни, ключи и гребни — встречаются значительно реже и на более коротком отрезке времени. При этом распределение бытовых вещей в погребениях связано с представлениями о различных потребностях мужчин и женщин в загробном мире, а также с символическим значением предмета. В период второй половины XIII—XV в. основным местом для расположения рассматриваемых вещей становится область бедренных костей и таза, что связано с традиционным ношением таких предметов на поясе. Сопоставление с аналогичными вещами из других некрополей и городов позволяет говорить о том, что рассматриваемые бытовые предметы характерны для погребального инвентаря прусских земель и для повседневной жизни подданных Ордена. Исключение составляют бритвы типа 1, появившиеся, вероятно, вследствие контактов местных жителей с переселенцами из Жемайтии. Перечисленные обстоятельства свидетельствуют, с одной стороны, о влиянии на бытовую обиход жителей Альт-Велау единой материальной культуры Орденового государства, основанной на инкорпорировании его населения в общую социальную систему, а с другой — говорят о появлении в данном обиходе региональных отличий.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Археологические древности Калининградского региона от неолита до позднего Средневековья и Нового времени» (№ НИОКТР 122050400122-9).

Список литературы

1. Бахтин А. П. Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии. Калининград, 2005.
2. Валуев А. А. Отчет по раскопкам грунтового могильника «Альт-Велау» (Гвардейский район Калининградской области) Калининградским отрядом Балтийской археологической экспедиции в 1993 году. Калининград, 1994 // Архив ИА РАН. Р. 1. №18831, 18832.
3. Валуев А. А. Отчет по раскопкам грунтового могильника «Альт-Велау» (Гвардейский район Калининградской области) Калининградским отрядом Балтийской археологической экспедиции в 1996 году. Калининград, 1997 // Архив ИА РАН. Р. 1. №20614, 20615.
4. Валуев А. А. Отчет по раскопкам грунтового могильника «Альт-Велау» (Гвардейский район Калининградской области) Калининградским отрядом Балтийской археологической экспедиции в 1997 году. Калининград, 1998 // Архив ИА РАН. Р. 1. №22991, 22992.
5. Валуев А. А. Отчет по раскопкам грунтового могильника «Альт-Велау» (Гвардейский район Калининградской области) Калининградским отрядом Балтийской археологической экспедиции в 1998 году. Калининград, 1999 // Архив ИА РАН. Р. 1. №22902, 22903.



6. Валув А. А. Отчет по раскопкам грунтового могильника «Альт-Велау» (Гвардейский район Калининградской области) Калининградским отрядом Балтийской археологической экспедиции в 1999 году. Калининград, 2000 // Архив ИА РАН. Р. 1. № 22387, 22388.

7. Валув А. А. Отчет по раскопкам грунтового могильника «Альт-Велау» (Гвардейский район Калининградской области) Калининградским отрядом Балтийской археологической экспедиции в 2000 году. Калининград, 2001 // Архив ИА РАН. Р. 1. № 23737, 23738.

8. Валув А. А. Отчет по раскопкам грунтового могильника «Альт-Велау» (Гвардейский район Калининградской области) Калининградским отрядом Балтийской археологической экспедиции в 2001 году. Калининград, 2002 // Архив ИА РАН. Р. 1. № 26139, 26140.

9. Валув А. А. Итоги изучения грунтового могильника Альт-Велау // Проблемы Балтийской археологии : сб. науч. трудов. Вып. 1 / под ред. Э. Б. Зальцмана. Калининград, 2003. С. 104—116.

10. Валув А. А. Сохранение элементов языческих традиций и культуры пруссов в орденское время (по материалам археологических раскопок могильника Альт-Велау у пос. Знаменск Гвардейского района Калининградской обл. // Археологические исследования в Калининградской области / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград, 2006. С. 136—149.

11. Голубева Л. А. Амулеты // Древняя Русь. Быт и культура / отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М., 1997. С. 153—165.

12. Гудавичюс Э. История Литвы. Т. 1 : С древнейших времен до 1569 года / пер. Г. И. Ефремова. М., 2005.

13. Денисов С. А. Литовские землевладельцы в государстве Тевтонского ордена во второй половине XIII — XIV в. // Вопросы истории. 2020. № 12-3. С. 171—181.

14. Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2 / под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М., 1959. Вып. 65. С. 7—120. (Материалы и исследования по археологии СССР ; № 65).

15. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / под ред. Б. А. Колчина, В. Л. Янина. М., 1982. С. 156—177.

16. Кулаков В. И., Валув А. А. Велува (Alt-Wehlau): языческий могильник в христианской Надравии // Восточная Европа в древности и Средневековье. Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 20—22 февраля 1995 года) / отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1995. С. 29—33.

17. Кулаков В. И., Валув А. А. Тевтонский крест и бог Перкуно // Наука в России. 1999. № 6. С. 80—85.

18. Кулаков В. И. Раскопки Лёбенихта в 1999 г. Кёнигсберг под Калининградом. Калининград, 2005. (Prussia Antiqua ; т. 3).

19. Кулаков В. И. Прусские пояса орденского времени // Genesis: исторические исследования. 2017. № 1. С. 147—158. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_19012.html (дата обращения: 23.12.2020).

20. Савельева Э. А. Вымские могильники XI—XIV вв. Л., 1987.

21. Biermann F., Hergheligi C., Voigt H. et al. Das Gräberfeld des 13. bis 15. Jahrhunderts von Stangenwalde bei Rossitten auf der Kurischen Nehrung — Auswertung der Materialien im Berliner Bestand der Prussia-Sammlung (ehemals Königsberg/Ostpreussen) // Acta Praehistorica et Archaeologica. 2011. Vol. 43. S. 215—345.



22. *Das Grosse Zinsbuch des Deutschen Ritterordens (1414–1438)* / hrsg. von P. G. Theil. Marburg, 1958.
23. *Fonferek J., Marcinkowski M., Sieńkowska U.* Elbląg — życie codzienne w porcie hanzeatyckim. Elbląg, 2012.
24. *Janowski A.* Oselki, toczydła, rozcieracze // *Lastadia najstarsza Gdańska w świetle badań archeologicznych* / pod red. B. Kościńskiego. Gdańsk, 2020. S. 426–428. (Archeologia Gdańska ; т. VII).
25. *Kasprzak M.* Grzebień i inne akcesoria kościane i drewniane // *Lastadia najstarsza Gdańska w świetle badań archeologicznych* / pod red. B. Kościńskiego. Gdańsk, 2020. S. 437–439. (Archeologia Gdańska ; т. VII).
26. *Michelbertas M.* Akmenių ir Perkūniškės pilkapių. Vilnius, 2006.
27. *Michelbertas M.* Paalksnių archeologijos paminklai. Vilnius, 2011.
28. *Museum für Vor- und Frühgeschichte der Staatlichen Museen zu Berlin.* Online-Datenbank der Sammlungen. № PM Pr 19416. URL: http://www.smb-digital.de/eMuseumPlus?service=RedirectService&sp=Scollection&sp=SfieldValue&sp=0&sp=2&sp=3&sp=Slightbox_3x4&sp=0&sp=Sdetail&sp=0&sp=F (дата обращения: 20.02.2022).
29. *Odoj R.* Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w miejscowości Równina Dolna, pow. Kętrzyn // *Wiadomości archeologiczne*. 1956. T. 23. S. 177–196.
30. *Odoj R.* Sprawozdanie z prac wykopaliskowych, przeprowadzonych w Równinie Dolnej, pow. Kętrzyn 1956 i 1957 r. // *Rocznik Olsztyński*. 1958. T. 1. S. 117–156.
31. *Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussiae* // *Scriptores rerum prussicarum* : in 5 Bdn. Bd. 1 / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861. S. 21–219.
32. *Preussisches Urkundenbuch*. Bd. 2. Lief. 1–3 / hrsg. von M. Hein, E. Maschke. Königsberg, 1932–1937.
33. *Preussisches Urkundenbuch*. Bd. 5. Lief. 1–3 / hrsg. von K. Conrad. Marburg, 1969–1975.
34. *Svetikas E.* Obelių kapinyno XIV a. pabaigos laužavietė — mirusiųjų palaikų kremavimo, grupinių degintinių kapų ar aukojimo vieta? // *Lietuvos archeologija*. 2018. T. 44. P. 117–172.
35. *Urbanavičius V.* Jakštaičių senkapis // *Lietuvos archeologija*. 1979. T. 1. P. 122–151.
36. *Urbanavičius V., Urbanavičienė S.* Archeologiniai tyrimai // *Lietuvos archeologija*. 1988. T. 6. P. 9–63.

Об авторах

Анатолий Алексеевич Валуев — зам. директора по развитию, Калининградский областной историко-художественный музей, Россия.

E-mail: anvaluev@mail.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7953-2581>

Сергей Александрович Денисов — канд. ист. наук, мл. науч. сотр., Институт археологии РАН, Россия.

E-mail: Densera@yandex.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>

Константин Николаевич Скворцов — мл. науч. сотр., Институт археологии РАН, Россия.

E-mail: sn_arch_exp@mail.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0861-3747>



A. A. Valuev¹, S. A. Denisov², K. N. Skvortsov²

HOUSEHOLD ITEMS OF THE 13th–15th CENTURIES
FROM THE NECROPOLIS OF ALT-WEHLAU

¹Kaliningrad Regional Museum of History and Art, Russia

²Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Received 21 March 2022

Accepted 12 August 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-3.

To cite this article: Valuev A. A., Denisov S. A., Skvortsov K. N. 2022, Household items of the 13th–15th centuries from the necropolis of Alt-Wehlau, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 22–37. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-3.

37

The article examines composition and morphology of household items that were found in burials of the second half of the 13th–15th centuries in necropolis of Alt-Wehlau situated in Prussian land Nadrovia. These items include razors, flints, whetstones, keys and comb that were common in everyday life of local population and were used as a part of burial inventory under the influence of pagan rite preserved until the 16th century. The study of items composition and morphology relied on the typological and comparative-historical methods that allowed to make following conclusions. Razors of type 1 and flints of types 1–4 were most frequently used in burials both separately and in combination with each other. Items were mainly located near pelvic and femoral bones due the tradition to wear them on the belt. During the specified period household items demonstrated tendency to unification on the form, composition and location in burials. Comparing them with the same items from other necropolis and cities of Order's state and neighboring Zhemaitiya, the authors concluded that, on the one hand, unified material culture influenced on the household use of inhabitants of Alt-Wehlau and, on the other hand, such usage reflected some regional differences.

Keywords: Prussians, material culture, household items, State of Teutonic Order, burial, Alt-Wehlau Necropolis

The authors

Anatoliy A. Valuev, Vice-director for development, Kaliningrad Regional Museum of History and Art, Russia.

E-mail: anvaluev@mail.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7953-2581>

Dr Sergey A. Denisov, Junior Research Fellow, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: Densera@yandex.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>

Konstantin N. Skvortsov, Junior Research Fellow, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: sn_arch_exp@mail.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0861-3747>

К. С. Воробьёв

СВИНЦОВО-ОЛОВЯННЫЕ ЗНАЧКИ
ИЗ РАСКОПОК ПРИГОРОДА АЛЬТШТАДТА

Институт археологии РАН, Россия

Поступила в редакцию 01.08.2022 г.

Принята к публикации 15.09.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-4

38

Для цитирования: Воробьёв К. С. Свинцово-оловянные значки из раскопок пригорода Альтштадта // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №3. С. 38–53. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-4.

Проанализированы свинцово-оловянные значки религиозного и светского содержания, найденные в ходе археологических работ в центральной части Калининграда в 2020 г. Дана характеристика морфологических особенностей, проведена иконографическая атрибуция находок. Установлено северогерманское происхождение части находок, относящейся к паломническим значкам. Три из них связаны с богородичным культом, ещё три значка относятся к местам паломничеств, связанным с евхаристическими чудесами. Анализ значков религиозного содержания позволил сделать предположения о направлениях паломничества из средневекового Кёнигсберга. Значки светского содержания предположительно являлись маркерами профессиональной принадлежности. Рассмотрение свинцовых значков, найденных на окраине альтштадтской Ластадии даёт первый набросок истории обращения предметов личного благочестия и носимых на одежде знаков профанит среди населения средневекового Кёнигсберга.

Ключевые слова: археология, позднее Средневековье, Альтштадт (Кёнигсберг), значки паломников, светские значки

В 2020 г. в Московском районе города Калининграда на территории по адресу ул. Гюго, 2 Самбийской археологической экспедицией ИА РАН были проведены спасательные археологические работы (руководитель раскопа — А. Б. Сиволапова).

Работы проводились в связи со строительством новой канализационной водонасосной станции, которая должна заменить старую, построенную в начале XX в. Насосная станция расположилась в квартале портовых складских помещений (шпайхеров). Портовый район Альтштадта Ластадия был перенесен с острова Кнайпхоф (остров И. Канта) на правый берег реки Прегель (совр. Преголя) в 1327 г. К северу от него находился пригород Лаак. Каменное здание шпайхера, на месте которого была построена насосная станция, датируется 1787 г. согласно изображению на уникальном изразце — хаусмарке [17]. В предшествующий период (XV—XVII вв.) хозяйственное освоение исследуемого участка было связано со скотоводством [3, л. 148].



Раскоп был расположен к западу от средневековых границ Альтштадта, примерно в 130 м от современной набережной Преголи. Несмотря на то что складские портовые помещения заняли эту территорию, вероятно, уже в Новое время, близость к участку реки, отведенному под пристань, не оставляет сомнений в том, что жизнь в этом месте всегда была тесно связана с Ластандией.

Согласно выводам зафиксировавшего результаты работ научного отчета, первый этап формирования культурного слоя соотносится с хозяйственной деятельностью на этой территории в XIV–XVII вв. В юго-восточной части раскопа слой был поврежден при сооружении старой канализационной насосной станции вплоть до материкового слоя. Характер залегания культурных напластований в остальной части исследованного участка позволяет предположить их целостность [3, л. 146].

В коллекции индивидуальных находок выделяется категория свинцовых значков, предназначенных для ношения на одежде. Они залегали на разных глубинах в пределах средневекового «мокрого» городского слоя. Свинцово-оловянные значки, в первую очередь религиозного содержания, являют собой характерную деталь быта западно-христианской Европы в XIV – начале XVI в.

Цель данной статьи — введение этих предметов в научный оборот. Для ее достижения поставлены следующие задачи: описать помещенные на значках изображения и определить их тематику, найти аналогии с уже известными науке значками, определить место и время их изготовления. Ожидается, что это позволит выявить репрезентативные функции этих значков, а также покажет географический охват культурных связей населения пригорода Альтштадта.

Источниковая база статьи состоит из восьми свинцово-оловянных значков хорошей степени сохранности (целых или почти целых), относящихся к двум коллекциям, сложившимся в ходе работы на одном участке. Вышеупомянутым раскопкам на ул. Гюго, 2 предшествовали разведочные работы, проведенные НПО «Балтспецахеология», в ходе их были найдены четыре свинцово-оловянных значка (рис. 2)¹. Еще четыре свинцово-оловянных значка (рис. 1) были обнаружены непосредственно в ходе работ в 2020 г. Помимо целых находок в работу включены семь свинцово-оловянных фрагментов (рис. 3).

Наличие среди находок в раскопках расположенного на реке приморского города свинцово-оловянных значков не является уникальным и соотносится с обширным и имеющим богатую историю исследования материалом с территории западно-христианской Европы [12].

При систематизации этого материала в различных каталогах и базах данных значки зачастую подразделяются в первую очередь по своему значению на религиозные, или паломнические, и светские, или профанные [16; 21²; 26; 30].

¹ Благодарю держателя открытого листа Ю. А. Жилиева за любезно предоставленное разрешение на публикацию материалов.

² Существуют онлайн-базы данных, в которых собраны, каталогизированы и картографированы известные науке свинцово-оловянные значки. Крупнейшей из них является созданная в университете Неймегена БД «Kunera». Прямые



Паломнические значки, или жетоны, выделяются среди прочих благодаря своему численному преобладанию и практическому назначению, наиболее понятному для исследователей. Начавшись в XI в. с использования раковин для свидетельства о пребывании их носителя в крупном паломническом центре св. Иакова в Сантьяго, традиция паломнических значков к XV в. распространилась на огромное количество мест паломничества по всей католической Европе [13, S. 142]. Эти предметы личного благочестия массово отливались в формах из сплавов свинца и олова, поэтому были достаточно дешевы, чтобы распространяться в большом количестве у представителей разных сословий. Такие находки помогают сделать вклад в изучение паломничества, которое было важным фактором культурных связей в христианской Европе.

Атрибуция значков с религиозным значением также является относительно легкой в силу того, что их иконография имеет множество аналогий как в материальных предметах, так и в текстах: язык христианской символики универсален и встречается повсеместно, что порождает проблему четкого разграничения сакрального и светского в Средневековье применительно к значкам. Изделия, в которых такая символика отсутствует, как правило, имеют более локальное распространение, не вписываются в какую-то общую символическую систему. Способ ношения паломнических жетонов лучше проиллюстрирован в современных им изображениях [29, s. 7]

Свинцово-оловянных значков светского содержания меньше, и в этой группе соседствуют значки самого разного содержания и назначения — геральдические и профессиональной принадлежности, значки с сатирическими, любовными и другими изображениями.

Среди городов, культурно и географически близких Альтштадту, стоит отметить Гданьск. Коллекция находок из этого города составляет более 1200 значков [26]. К. Брюмме отмечает, что он входит в десятку наиболее богатых находками такого типа городов [13, S. 127–142]. Несколько знаков паломников, в том числе связанных с культами в Сантьяго и Маастрихте, были найдены в ходе раскопок в расположенном на побережье Балтийского моря между Калининградом и Гданьском Эльбинге [14, s. 153, 154]. Введенных в научный оборот свинцово-оловянных значков, найденных в Калининграде, немного. Свинцовую ременную накладку с чешским гербом опубликовал В. И. Кулаков в материалах археологических работ, проведенных на Московском просп., 81 (территория Лёбенихта — другого города из прегельской агломерации) в 1999 г. [6, с. 71, 181]. В 2007 г. при археологических работах на ул. Вагнера (этот участок относился к Штайндамму, еще одному пригороду Альтштадта) был обнаружен свинцовый медальон с изображением Распятия [4, с. 113, рис. 722]. В 2021 г. при раскопках на набережной Преголи возле дворца спорта «Юность» (относится к Ластадии) найдены три паломнических значка. Один из них представляет собой раковину из Сантьяго-де-Ком-

ссылки на страницы находок могут меняться в связи с техническими работами на сайте, поэтому в тексте статьи здесь и далее в ссылках на значки из этой БД приведены номера, по которым можно найти указанные значки, введя их в поисковую строку.

постела, два других содержат изображение Девы Марии и связаны со святилищем Богоматери на Гуре Хелмской близ Кошалина (Польша) [2]. Помимо этого, в 2015 г. в ходе раскопок на наб. Трибуца (замковая слобода Закхайм) была обнаружена мастерская по изготовлению значков паломников [1, с. 62].

Паломнические значки

Первая из находок, к которой мы обратимся (рис. 1, 1), происходит из деревни Осеки, расположенной на берегу отделенного песчаной косой от Балтийского моря озера Ямно к северу от Кошалина (Кёслина). В Средние века озеро соединялось с морем и служило гаванью для города. Осеки (Вуссекен) функционируют как место паломничества на протяжении всего XV в. [26, s. 196].

41

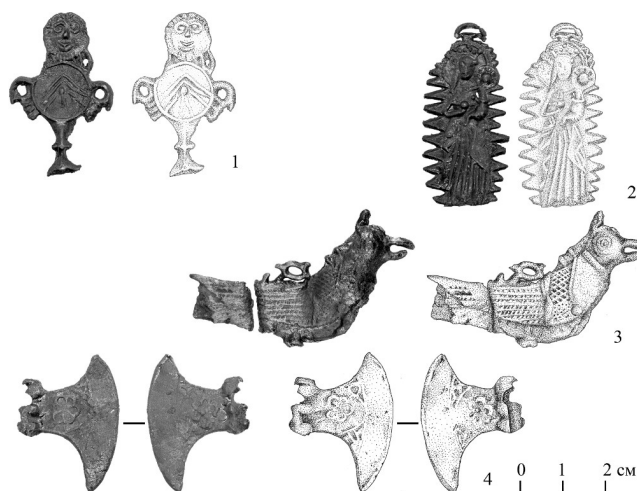


Рис. 1. Свинцово-оловянные значки из раскопок на ул. Гюго, 2 (2020 г.).

Рисунки А. Воробьева

В центре композиции помещено изображение гостии, которое венчается сверху головой Христа (он как бы держит ее либо она расположена на месте его туловища — композиция крайне символична), по сторонам — проушины для пришивания, снизу — основание в виде хвоста. Этот значок связан с местным культом чудотворной гостии в церкви Антония Падуанского. В основу культа легла легенда о том, что во времена епископа Николая фон Бока (1398—1410) в церкви между двумя прихожанками из разных социальных слоев произошел конфликт у причастия. Богатая женщина толкнула свинопаску, и гостия выпала у последней из рук. Обидчица утонула в каменном полу церкви по колению, а упавшая гостия закровоточила [11, S. 103].

Свинцово-оловянные значки, связанные с этим евхаристическим культом, в большом количестве найдены в Северной Европе. Около трех десятков обнаружено в Гданьске, в основном на территории Ластадии [26, s. 196, 198—207; 21, №20500—20529, 16236, 16210]. Они датируются



концом XIV — первой половиной XVI в.; иконография таких находок несколько вариативна, но твердых выводов для более точной периодизации сделать не представляется возможным. Значки паломников из Осек также найдены в Германии (в Грайфсвальде и Штральзунде [9, S. 103; 11, S. 139, 140; 10; S. 103]) и в Голландии (в Амстердаме [21, №16862]).

Второй из значков, найденных на ул. Гюго, 2 (рис. 1, 2), изображает стоящую женщину. Из-за ее спины исходят лучи (или языки пламени), на ее голове корона со звездами и нимб святости, в левой руке она держит младенца (тоже с нимбом). Изображение в целом построено на основе образа из 12-й главы Апокалипсиса: «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения. И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца. И родила она младенца мужского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его» (Откр. 12: 1—5).

В христианской традиции Жена с младенцем зачастую трактовалась как образ церкви. Существовали также персональные трактовки, среди которых доминировало прочтение этого образа как Марии с Иисусом.

Культ Марии имеет огромное значение в христианстве. Юго-Восточная Прибалтика в позднем Средневековье не была исключением. Более того, Дева Мария являлась покровительницей Тевтонского ордена. Это значение обнаруживается и при обращении к свинцово-оловянным значкам. В гданьской коллекции значков с культом Марии связаны 334 находки — около четверти от общего количества; там, вероятно, располагался центр их изготовления [27, s. 64].

Образ Девы с младенцем в мандорле широко использовался для свинцово-оловянных значков в разных регионах, среди которых Бавария [21, №06531, 10496], Гюрингия [21, №15918], Вестфалия [21, №00433r], Швейцария [21, №08139, 08478], Нидерланды [21, №06537], Дания [21, №03831] и др. Характерный пример использования «сияющей Мадонны» в церкви — подвешенная над алтарем скульптура, как в церкви св. Марии в Аахене [24, p. 7]. Находка с ул. Гюго обнаруживает морфологическое сходство с двумя значками, изображающими Марию с ребенком в мандорле, из Гданьска (GKPP 337, 876) [27, s. 227, 232].

Значки Марии и Святой Крови из Осек располагались в соседних квадратах (15 и 24) на расстоянии около 2 м друг от друга в северной части раскопа. Рядом (в пределах 4 м) было найдено несколько монет, которые позволяют уточнить время попадания свинцово-оловянных значков в культурный слой. Наиболее близко по высоте (–390 см) восточнее обнаружен гданьский шелонг Казимира IV (№83) [3, л. 64, рис. 250.2], чеканившийся с 1457 по 1520-е гг. Другие монеты, расположенные рядом, — шиллинг и дореформенный фирхен эпохи Винриха фон Книпрде (№510, –527 см, квадрат 14, 1380–1382 гг.; №577, –546 см, квадрат 15, 1364–1379 гг.) [3, л. 93, рис. 474.1; л. 97, рис. 508.2]; с нумизматическими источниками также связана монетная стопа эпохи наместничества

в Кёнигсберге Генриха Рейса фон Плауэна (№137, –420 см, квадрат 23) [3, с. 66, рис. 282.4]¹. По глубине залегания значки располагались между шелонгом Казимира и монетной стопой фон Плауэна, гораздо ближе к шелонгу. Все это позволяет сделать осторожное предположение о том, что их попадание в культурный слой связано с событиями Реформации, когда практика паломничества стала осуждаться.

Перейдем к анализу значков, обнаруженных в ходе археологических исследований 2017 г. (рис. 2)². В ходе этих разведок был выкопан шурф размером 2 × 2 м. Его следы зафиксированы в западной стенке раскопа в квадратах 55 и 46 [3, с. 138]. Таким образом, эти находки располагаются примерно в 9 м к юго-западу от вышеописанных значков. Важным обстоятельством является нахождение в одном пласте с ними гданьского шелонга Казимира IV. Это указывает на то, что время прекращения использования и попадания в культурный слой всех найденных паломнических значков совпадает.



Рис. 2. Свинцово-оловянные значки паломников из раскопок на ул. Гюго, 2 (2015 г.)

¹ Для атрибуции монет использовались каталоги нумизматических коллекций из Варшавы и Гданьска [25; 28].

² Эти значки были представлены 13 апреля 2022 г. в докладе Д.И. Вебера, И.А. Игтышевой, Е.А. Калашникова и Е.Л. Пагина «Западноевропейские паломнические жетоны. Новые находки, интерпретация, технология изготовления» [2]. Выводы авторов доклада относительно их происхождения аналогичны тем, к которым пришел автор этой статьи.



Две из четырех находок удалось точно локализовать благодаря более ранним исследованиям. Одной из них (рис. 2, 3) является фрагмент значка, посвященного местному культу Святой Крови из Штернберга. В полном виде паломнические знаки из Штернберга представляют собой две соединенные монстранции, содержащие две поддерживаемые ангелами гостии, на которых изображены Распятие и Воскресение Христа [26, s. 185—188].

В основу евхаристического культа в Штернберге, как и в Осеках легла история с окровавленной гостией как свидетельством чуда Святой Крови. Однако событие, давшее начало этим паломничествам, не столь локально и связано с жертвенным наветом. Процесс над евреями в Штернберге был лишь одним из случаев, когда проживавших в католической Европе иудеев обвиняли в приношении гостий (как тела Христова) в жертву путем закалывания (как агнца).

В результате состоявшегося в 1492 г. процесса в Штернберге были сожжены 27 евреев, а оставшаяся община оказалась вынуждена эмигрировать из города. Предметом поклонения стали гостии, которые, согласно легенде, были повреждены и закровоточили на свадьбе еврея Елеазара и которые его жена затем не смогла сжечь или утопить благодаря вмешательству свыше [23, S. 208—218].

События в Штернберге произошли в период активного распространения книгопечатания и быстро стали широко известны за пределами княжества. В том же 1492 г. в Магдебурге Симоном Кохом был выпущен «летучий листок» с описанием событий, содержащий призывы к правителям изгонять из своих владений евреев; более пространные памфлеты о штернбергских событиях появились не только в Магдебурге, но и в Кёльне, Любеке, Базеле, Бамберге [15]. Действительно, вслед за изгнанием евреев из Мекленбурга последовали аналогичные действия властей Померании (1492), Магдебургского архиепископства (1493) и его суффраганских епископств (городов Наумбург (1494) и Мерзебург (1515)), области графов Шварцбургских (1496).

В Штернберге быстро выросла и некоторое время активно развивалась связанная с паломничествами инфраструктура. В 1494—1496 гг. для демонстрации святынь была сооружена часовня Святой Крови в городском храме. Герцог Мекленбурга также выстроил на месте обнаружения захороненных часовником реликвий часовню и в 1500 г. основал там августинский монастырь [23, S. 226].

Штернберг не мог оставаться местом паломничества долго, поскольку уже через два десятилетия началась Реформация. Культ Святой Крови в Штернберге был упомянут среди прочих как недостойный М. Лютером в обращении к христианскому дворянству немецкой нации [7, с. 97]. С распространением лютеранства в северной Германии вообще и в Мекленбурге в частности приток паломников иссяк, и к 1533 г. поклонение этому местному культу сошло на нет [23, S. 226].

Оценить его популярность позволяют такие источники, как завещания горожан Северной Европы. В ходе исследования мест для паломничеств по завещанию в Штральзунде Штернберг упоминали 23 текста [10, S. 94, 95], из более близкого к Альтштадту Эльбинга — 3 завещания [19, s. 181, tab. 1]. Ожидаемо, что чаще паломничества совершались из городов, расположенных ближе к центру святости.



География находок евхаристического значка из Штернберга до сих пор ограничивалась Германией, Нидерландами, Данией и Польшей, находя свой восточный предел в Гданьске [26, s. 183]. находка с ул. Гюго позволяет расширить ареал его бытования на землях государства Тевтонского ордена.

Другой значок (рис. 2, 4) представляет собой всадника с поднятой рукой на стоящей лошади. Эта находка относится к часовне Святой Крови в Шверине — другому паломническому центру, связанному с евхаристическим культом. В его полной версии всадник несет в поднятой руке крест с распятием. Аналогичные значки обнаружены в Гданьске [26, s. 147], Шверине и Зехаузене. Еще четыре были найдены припаянными к колоколам в приходских церквях второй половины XIV — XV в. на территории земель Мекленбург-Верхняя Померания и Бранденбург [10, S. 93, Abb. 3 (6)].

Шверинский собор был освящен в честь св. Витта, Святой Крови была посвящена лишь часовня в его восточной части. Новое святилище впервые упоминается в 1217 г. Вероятно, поклонение Святой Крови было устроено в этой части храма лишь в 1222 г., когда граф Генрих привез из Святой земли и поместил в собор частицу крови Христа, заключенную в яшму. Папская булла об индульгенциях для паломников в соборе Шверина была впервые выдана в 1220 г. и затем неоднократно подтверждалась и расширялась вплоть до начала XVI в. Вероятно, появление последнего из документов (1506) связано с обретением чудотворных гостей в Штернберге и должно было восстановить пошатнувшуюся на фоне новой реликвии популярность Шверинского собора для паломников [22, S. 151—154]. Паломничества в часовню Святой Крови в Шверине прекратились с приходом Реформации около 1540 г. [24, p. 171].

Вероятно, оба значка могли быть получены в ходе одного паломничества, поскольку совпадают и местоположение (Штернберг находится примерно в 30 км к западу от Шверина), и назначение культу Святой крови.

Центральным элементом композиции других паломнических значков из разведочного шурфа (рис. 2, 1, 2) является изображение стоящей Марии в короне, держащей в левой руке Христа. На значке № 1 справа от них расположено дерево. Композиция заключена в плохо сохранившуюся рамку, левая (и правая, вероятно, тоже) часть которой изображает колонну, нижняя содержит надпись (не читается), а верхняя представляет собой килевидную арку, увенчанную цветком. Аналог этому значку есть среди находок, обнаруженных в Гданьске [21, № 16252], он датируется XV в.

На значке № 2 по сторонам от Марии в нижней части находятся две коленопреклоненные или стоящие фигуры меньшего размера (это могли быть ангелы либо паломники), держащие в руках шесты с разлапистыми наверху концами (эта деталь сохранилась с левой стороны, с правой — только та ее часть, что держится руками). Вероятно, это опашала либо пальмовые ветви. Изображение также заключено в рамку, верхняя часть которой представляет собой стрельчатую арку, сверху в центре и по краям увенчанную крестами (крест слева не сохранился). Точных аналогов этой находки найти не удалось.

Значки, которые удалось локализовать, были изготовлены и относятся к евхаристическим местам паломничества на южном побережье Балтийского моря. В позднем Средневековье в этом регионе было много таких центров. Остальные значки, не поддающиеся географической атрибуции, связаны с культом Марии. Места их изготовления стоит искать в первую очередь также в Южной Прибалтике (рис. 4). При этом не стоит полагать, что во всех паломнических местах изготавливались и распространялись значки. Известны значки из мест паломничества к Марии в Кенце [10, S. 106, Abb. 8] и в Голленберге [10, S. 102, Abb. 6]: в обоих случаях используется образ Девы с младенцем. Однако полного сходства с описанными выше изображениями нет.



Рис. 3. Происхождение найденных на ул. Гюго значков паломников и места паломничеств к Святой крови и Деве Марии в Померании

Составлено на основе Google Maps и данных БД: *Pilgerzeichendatenbank*. URL: <https://www.pilgerzeichen.de/> (дата обращения: 23.05.2022).

Значки *profanum*

Примерно в 4 м к западу от значков с Богородицей и Иисусом, но на большей глубине были обнаружены еще два значка, на которые стоит обратить пристальное внимание. Эти находки, вероятно, не относятся к категории значков паломников, их значение ближе к светской сфере (в той степени, в которой это разделение вообще может рассматриваться как актуальное применительно к Средним векам).

Один из этих значков изображает птицу (рис. 1, 3). Птицы найдены в Польше, Германии, Нижних землях, Англии, Франции. Голуби, попугаи, индейки, петухи и лебеди могли иметь различные значения. В одном только Гданьске найдено около 90 фигурок в виде птиц [21, №21759—21890]. Птица аналогична находке из коллекции Археологиче-



ского музея в Гданьске (GKPP 451) [18, s. 495], где она определяется как «попугай или горлица», по степени сходства можно предположить, что они были отлиты из одной формы. В таких находках часто утрачиваются характерные видовые признаки, располагающиеся на голове. Значок с ул. Гюго, 2 не стал в этом отношении исключением, но в обломанной части можно увидеть элемент гребня или короны на птичьей голове. Значки с изображениями птиц связывают с любовной, романтической или эротической символикой — в зависимости от вида изображенной птицы либо по сопровождающей надписи (например, в Гданьске была сделана находка с инскрипцией «AMOR VINCIT OMNIA» — «Любовь всё побеждает» [26, s. 495]), однако есть и другое возможное значение (особенно актуальное для птиц с короной) — такие значки могли быть связаны с городскими стрелковыми гильдиями. Я. Савицкий приводит выдержки из Познанского статута, в котором регламентируется соревнование членов гильдии в стрельбе по петуху, а подстреливший птицу называется «королем»; польский археологический материал имеет и другие подтверждения того, что с деятельностью гильдий стрелков связаны изображения (значки и статуэтки) коронованных птиц [29, s. 18].

Другой значок светского содержания отлит в форме миниатюрного топора (рис. 1, 4). Он представляет собой лезвие с остатками проушины; режущая кромка выгнута дугой и заостряется с двух сторон, несколько ассиметрично. На шейке топора помещено изображение шестилистника, вокруг которого выстроен фрагментарно сохранившийся орнамент, идентичный с обеих сторон топорика.

Крепление для топорика (сохранилось полностью в других похожих значках) сочетается с отсутствием каких-либо приспособлений для крепления к одежде. В недавнем издании Гданьского музея приводится аналогичная находка из слоев XVI—XVII вв. с целым топориком (GKPP 460) [18, s. 498—500]. Скорее всего, значок с ул. Гюго тоже имел его.

Аналогичные топорики, относящиеся к позднему Средневековью, в значительном количестве найдены в Польше [26, s. 381, 386—403], Скандинавии, Англии и Нижних землях, единичные экземпляры — во Франции [26, s. 380]. Часть топориков, преимущественно из Западной Европы (известны не только топорики, но также другие формы, например алебарды), имеют геральдические символы в изображениях, там хорошо известна культура ношения значков с символикой своего сюзерена. Б. Спенсер выдвигает гипотезу о том, что значки могли быть связаны с идентификацией болельщиков на турнирах [30, p. 303]. Однако топорики из Восточной Европы зачастую лишены геральдических изображений. Значительное число топориков из Польши и некоторое количество из Западной Европы [21, №02242, 03633] орнаментированы, и центром орнамента выступает цветок из нескольких лепестков. В Гданьске найдено несколько миниатюрных топоров со схожим орнаментом, выстроенным вокруг четырехлистника, они датируются XV в. [18, s. 500]. Однако следует обратить внимание на то, что лезвие у этих топориков, в отличие от находки с ул. Гюго, симметрично.

Обсуждалось религиозное значение четырехлистника [26, s. 383, 384], однако встречаются и цветки с другим количеством лепестков — к таким находкам относится и рассматриваемая здесь.



Другая обсуждаемая гипотеза — принадлежность топоришков к культу св. Олафа [29, s. 22]. В городах Ганзы этот важный для скандинавов святой также выступал покровителем торговцев. Материальным свидетельством этого в Альтштадте была привезенная в первой половине XIV в. с Готланда крестильная купель. На ее внешней стороне расположены фигурные изображения, в их центре был образ Олафа, восседающего на троне с секирой — орудием его убийства [5, с. 20, 22]. Ареал распространения миниатюрных топоришков (если не брать во внимание находки, украшенные геральдическими символами) действительно в некоторой степени соотносится с областью влияния Ганзы.

Традиция миниатюрных топоришков имеет очень богатую историю: медные и некоторое количество свинцово-оловянных топоришков XI—XIII вв. известны на территории Скандинавии, Польши и Руси. Происхождение этих находок связывается с культом св. Олафа в среде скандинавских христианизированных дружин. Была предложена гипотеза о влиянии этой практики на традицию изготовления топоришков вплоть до XVII в. в контексте воинской культуры и знаков отличия охраны правителя в различных странах Европы [8]. Следует обратить внимание на то, что такие значки могли указывать на принадлежность к профессиональной группе. Миниатюрные топорики, таким образом, могли определять принадлежность к культу св. Олафа, но не в качестве паломника, а в качестве представителя охраняемой им цеховой общности.

Для того чтобы хотя бы примерно определить, когда эти значки попали в культурный слой, вновь обратимся к упомянутому выше нумизматическому материалу, который планиграфически расположен к ним ближе других монет. Монетная стопа эпохи Г. Рейса фон Плауэна находилась гораздо выше. Стратиграфически ближе расположены фирхен и шиллинг Винриха фон Книпроде. Миниатюрный свинцовый топориш, таким образом, поместится ниже монет 1360—1380-х гг. Это дает возможность предположить, что он мог попасть в культурный слой в первой половине XIV в. Значок с изображением птицы находился между монетами Книпроде и монетной стопой 1460-х гг., вероятно, он относится к первой половине XV в.

Фрагменты свинцово-оловянных значков

Помимо восьми вышеописанных значков, сохранившихся в достаточно хорошем состоянии для анализа изображения и происхождения, на ул. Гюго, 2 было обнаружено некоторое количество фрагментов значков, состояние которых не позволило делать сколько-нибудь однозначные выводы о каждой из находок. Среди них есть обломок рамки — прямой, с пазом для крепления (зеркала?), с остатками креплений для звеньев цепочки (на двух из них осталось по круглому звену), орнаментированный на внешней поверхности (рис. 3, 1). Два фрагмента содержат инскрипции. Один из них представляет собой прямоугольную табличку с плохо читаемыми буквами «war» (рис. 3, 2). Второй обломок содержит часть надписи, а сверху — часть значка, покрытую жемчужной каймой как элементом орнамента. Просматриваются пять символов с началом

шестого. Инскрипция начинается с креста, обозначающего, вероятно, начало, далее идет надпись «G(HA)R» (вторая и третья буквы — предположительно) (рис. 3, 6). Другой фрагмент представляет собой три звена цепочки: два больше и с рельефом, третье меньше и без рельефа — вероятно, оно крепилось к самой подвеске (рис. 3, 3). Значок св. Марии, найденный на ул. Гюго, 2, может использоваться как подвеска; на значках из Гданьска, похожих на него, также есть отверстия, которые можно было использовать, чтобы пришить значок. Таким образом, такие предметы можно было носить по-разному.

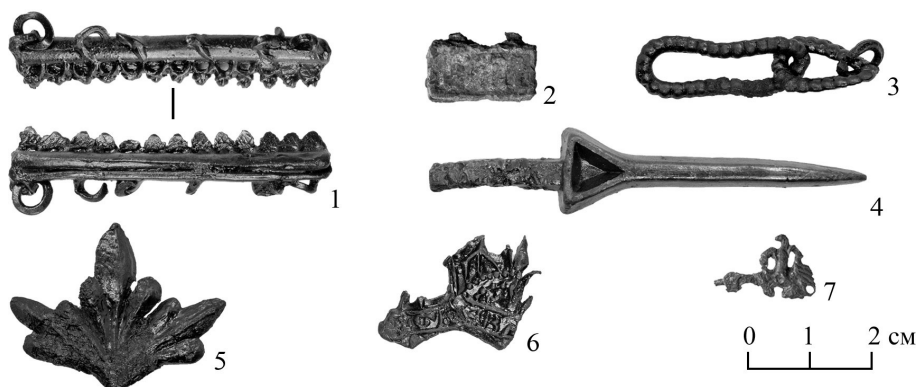


Рис. 4. Фрагменты свинцово-оловянных значков из раскопок на ул. Гюго, 2 (2020 г.)

На рисунке 3, 4 представлена фигурка меча. Различные части вооружения в миниатюрном виде встречаются по всей Европе. Среди находок, сделанных в Гданьске, есть два миниатюрных меча [26, s. 475, 476]. Рукоять одного из них увенчана короной [21, №16272]. Известны миниатюрные мечи, обнаруженные в Париже [21, №18282, 01684—01688] и Валансьене [21, №10103]. Фигурки мечей, найденные во Франции, связываются с аббатством Мон-Сен-Мишель в Нормандии [20, S. 129; 21, №12899], английские находки — с поклонением Томасу Бекету в Кентерберии [30, p. 95—97, 99; 21, №06029, 07485, 09691, 12392, 19145]; также фигурки мечей найдены в Нидерландах [21, №17410, 25335]. Еще один фрагмент, вероятно, представляет часть оперения птицы или навершие пальмы (рис. 3, 5). Наиболее глубоко располагавшаяся находка из категории свинцово-оловянных предметов происходит из зоны контакта культурного слоя с пластом торфа. Это крохотный обломок диадемы с изображением, возможно, птицы (рис. 3, 7).

Выводы

Жители пригорода Альтштадта активно использовали свинцово-оловянные значки в позднем Средневековье. Происхождение знаков паломников позволяет предположить популярность пути на запад вдоль побережья Балтийского моря в качестве паломнического маршрута.



Три из них относятся к богородичному культу. Это не вызывает удивления в силу его широкой распространенности по всей христианской Европе; для государства Тевтонского ордена Дева Мария, кроме того, была и «политической» святой, покровительницей политики, под влиянием которой находились три города в устье Прегеля.

Еще три значка относятся к местам паломничеств, связанным с ехаристическими чудесами. Количество таких чудес и связанных с ними паломничеств стало активно расти после обнародования доктрины пресуществления на IV Латеранском соборе в 1215 г. Чудо гостии в некоторых случаях было связано с жертвенным наветом, и интересы паломников из Альшштадта не обошли стороной этот сюжет.

Государство Тевтонского ордена появилось довольно поздно, чтобы породить достаточное количество местных святых и связанных с ними традиций, поэтому религиозное почитание могло быть обращено на общехристианские культы Богоматери и Святой Крови. Соответствующие места поклонения находились в Померании, и путешествие туда было достаточно длинным (расстояние от Калининграда до Шверина — около 600 км по прямой), но могло быть совершено по морю. Посвященные одному и тому же объекту места паломничества, будучи расположенными близко, могли соперничать друг с другом, но паломниками такая близость могла оцениваться иначе, давая возможность посетить больше мест и увидеть больше реликвий. Если мы посмотрим на карту центров паломничества, которая отражает географию происхождения значков, найденных в Гданьске [25, s. 498], будет видно, что они в основном сконцентрированы в Северной Германии.

Фрагменты свинцовых значков найдены по всей толще культурного слоя, что дает возможность предположить их бытование в пригороде Альшштадта с самого начала освоения этой территории. Группа целых паломнических значков обнаружена в верхней части средневекового культурного слоя рядом, нумизматический материал указывает на вторую половину XV — первую четверть XVI в., и следует связать прекращение практики ношения паломнических значков с приходом в регион Реформации, осудившей паломничества.

Среди сделанных находок присутствуют также значки, принадлежность которых можно предположительно определить как цеховую. Однако нельзя с полной уверенностью назвать их светскими, поскольку религиозное значение могло накладываться на профессиональный смысл.

Рассмотрение свинцовых значков, найденных на окраине альшштадтской Ластадии, таким образом, дает первый набросок истории обращения предметов личного благочестия и носимых на одежде знаков profanum среди населения средневекового Кёнигсберга.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Археологические древности Калининградского региона от неолита до позднего Средневековья и Нового времени» (№ НИОКТР 122050400122-9).



Список литературы

1. Бахтин А. П. Пилигримы-крестоносцы в Пруссии // Калининградские архивы. №13. Калининград, 2016. С. 53–63.
2. Вебер Д. И., Иптышева И. А., Калашиников Е. А., Пагин Е. Л. Западноевропейские паломнические жетоны. Новые находки, интерпретация, технология изготовления : устный доклад // 67-е заседание семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли». Псков, 12–14 апреля 2022 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0etU29Xh36k> (дата обращения: 30.04.2022).
3. Зальцман Э. Б. Отчет о спасательных полевых археологических работах, проведенных на территории выявленного объекта культурного наследия «Участок культурного слоя XV–XVI вв. г. Кёнигсберга» (г. Калининград, ул. В. Гюго, 2) в 2020 г. 2021 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
4. Зальцман Э. Б. Отчет об археологических раскопках в г. Калининграде на ул. Вагнера (ул. Салтыкова-Щедрина). 2008 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
5. Кожевникова И. В. Крестильная купель из кафедрального собора Кёнигсберга // Калининградские архивы: материалы и исследования : сб. ст. Вып. 14. Калининград, 2017. С. 19–34.
6. Кулаков В. И. Раскопки Лёбенихта в 1999 г. Кёнигсберг под Калининградом. Калининград, 2005. (Prussia Antiqua ; т. 3).
7. Лютер М. Избр. произведения. СПб., 1994.
8. Меньшиков М. Ю. Секира Перуна или топор святого Олафа. Исторический контекст миниатюрных топориков (амулетов-топориков) в XI–XVII веках // Археология Подмосквья : материалы науч. семин. Вып. 13. М., 2017. С. 117–131.
9. Ansorge J. Pilgerzeichen sowie religiöse und profane Zeichen aus der Grabung für das Ozeaneum in Stralsund // Das Zeichen am Hut im Mittelalter: europäische Reisemarkierungen. Symposium in memoriam Kurt Köster (1912–1986) und Katalog der Pilgerzeichen im Kunstgewerbemuseum und im Museum für Byzantinische Kunst der Staatlichen Museen zu Berlin / hrsg. von H. Kühne, L. Lambacher, L. Vanja. Frankfurt a/M, 2008. S. 83–114.
10. Ansorge J. Pilgerzeichen und Pilgerzeichenforschung in Mecklenburg-Vorpommern // Wallfahrer aus dem Osten Mittelalterliche Pilgerzeichenzwischen Ostsee, Donau und Seine. Beiträge der Tagung. Perspektiven der europäischen Pilgerzeichenforschung 21. bis 24. April 2010 in Prag / hrsg. von H. Kühne, L. Lambacher, J. Hrdina. Frankfurt a/M, 2013. S. 81–143.
11. Brumme C., Kühne H. Jenseits von Wilsnack und Sternberg: Pilgerzeichen spätmittelalterlicher Heilig-Blut-Wallfahrten // Varia Campanologiae Studia Cyclica – 25 Jahre Deutsches Glockenmuseum auf Burg Greifensteinn. Zugleich eine Festschrift für Jörg Poettgen zur Vollendung des 70. Lebensjahres = Schriften aus dem Deutschen Glockenmuseum. H. 6 / hrsg. von K. Bund, R. Pfeiffer-Rupp. Greifenstein ; Hessen, 2009. S. 129–142.
12. Brumme C., van Asperen H. Kleine Objekte und große Kontexte: 170 Jahre Forschung zu mittelalterlichen Zeichen = Small objects, larger contexts: 170 years of research into medieval badges // Tragezeichen – Social Media of the Middle Ages = Badges – Social Media des Mittelalters. Lübeck, 2020. S. 150–178.
13. Brumme C. Pilgerzeichen – Erhaltungsbedingungen und Verbreitungsräume // Das Zeichen am Hut im Mittelalter: europäische Reisemarkierungen : Symposium in memoriam Kurt Köster (1912–1986) und Katalog der Pilgerzeichen im



Kunstgewerbemuseum und im Museum für Byzantinische Kunst der Staatlichen Museen zu Berlin / hrsg. von H. Kühne, L. Lambacher, L. Vanja. Frankfurt a/M., 2008. S. 127–142.

14. *Fonterek J., Marcinkowski M., Sieńkowska U.* Elbląg — życie codzienne w porcie hanzeatycki. Everyday life in the Hanseatic port. Elbląg, 2012.

15. *Gesamtkatalog der Wiegendrucke.* URL: <https://gesamtkatalogderwiegendrucke.de/docs/STERNBE.htm> (дата обращения: 23.05.2022).

16. *Heilig en Profaan.* Vols. 1–4. Cothen, 1993–2018.

17. *Königsberg, Hausmarke des Wallfischspeichers* // Визуальный архив Восточной Пруссии. URL: <https://bildarchiv-ostpreussen.de/suche/index.html?ids=6955> (дата обращения: 23.05.2022).

18. *Kościński B.* Lastadia — najstarsza stocznia Gdańska w świetle badań archeologicznych. Gdańsk, 2020.

19. *Kubicki R.* Pielgrzymki w testamentach mieszczan elbląskich w XV — początkach XVI w. // *Z dziejów średniowiecza. Pamięci Profesora Jana Powierskiego (1940–1999)* / red. W. Długokęcki. Gdansk, 2010. S. 179–188.

20. *Kühne K., Brumme C., Koenigsmarkova H.* Jungfrauen, Engel, Phallustiere: Die Sammlung mittelalterlicher französischer Pilgerzeichen des Kunstgewerbemuseums in Prag und des Nationalmuseums Prag. Berlin, 2012.

21. *Kunera,* late medieval badges and ampullae. URL: <https://database.kunera.nl> (дата обращения: 23.05.2022).

22. *Lisch G. C.* Geschichte der Heiligen-Bluts-Kapelle im Dome zu Schwerin // *Jahrbücher des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde.* 1848. Bd. 13. S. 143–187.

23. *Lisch G. C.* Hauptbegebenheiten in der ältern Geschichte der Stadt Sternberg // *Jahrbücher des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde.* 1847. Bd. 12. S. 187–306.

24. *Lutz G.* Introduction to Late Medieval Pilgrimage Architecture // *Peregrinations: Journal of Medieval Art and Architecture* Medieval Art and Architecture. 2004. Vol. 1, iss. 4.

25. *Miehle D.* Katalog monet ziem historycznie z Polską związanych. Monety Zakonu Krzyżackiego. Warszawa, 1998.

26. *Paner H.* Gdańsk na pielgrzymkowych szlakach średniowiecznej Europy. Gdańsk, 2016.

27. *Paner H.* Średniowieczne świadectwa kultu maryjnego. Pamiątki pielgrzymie w zbiorach Muzeum Archeologicznego w Gdańsku. Gdańsk, 2013. (*Fontes Commentationesque ad res gestas Gedani et Pomeraniae ; vol. IV.*)

28. *Paszkiewicz B.* Moneta w dawnym Gdańsku : badania archeologiczne w latach 1997–2009. Gdańsk, 2013.

29. *Sawicki J.* Średniowieczne świeckie odznaki w Polsce na tle europejskim. Wrocław, 2014.

30. *Spencer B.* Pilgrim Souvenirs and Secular Badges. L., 1998. (*Medieval Finds from Excavations in London ; [vol.] 7.*)

Об авторе

Константин Сергеевич Воробьев — мл. науч. сотр., Институт археологии РАН, Россия.

E-mail: original_don@kanet.ru



K. S. Vorobyov

LEAD-TIN BADGES FROM EXCAVATIONS IN ALTSTADT SUBURB

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Received 1 August 2022

Accepted 15 September 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-4

To cite this article: Vorobyov K.S. 2022, Lead-tin badges from excavations in Altstadt suburb, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 38–53. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-4.

53

The article analyzes lead-tin badges of religious and secular character found in the archaeological excavations in the central part of Kaliningrad in 2020. The author describes morphological features and makes the iconographic attribution of the finds. The research identifies some of the finds, namely pilgrimage badges, as those of North German origin. Three of them belong to the cult of the Blessed Virgin, another three badges are associated with pilgrimage sites linked to Eucharistic wonders. An analysis of the icons with religious content resulted in assumptions about the destinations of pilgrimages from medieval Königsberg. Secular badges presumably marked professional affiliation. The examination of lead badges found on the outskirts of Lastadie in Altstadt gives a first outline of the history of the circulation of personal piety items and the profanum signs worn on clothing among the population of medieval Königsberg.

Keywords: archaeology, Late Middle Ages, Altstadt (Königsberg), pilgrim badges, secular badges

The author

Konstantin S. Vorobyov, Junior Research Fellow, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: original_don@kanet.ru

И. О. Дементьев

«КОРОЛЕВСКАЯ ИГРА» НА «КОРОЛЕВСКОЙ ГОРЕ»:
ШАХМАТЫ В КЁНИГСБЕРГЕ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 14.07.2022 г.

Принята к публикации 09.08.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-5

54

Для цитирования: Дементьев И. О. «Королевская игра» на «королевской горе»: шахматы в Кёнигсберге // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №3. С. 54–71. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-5.

В статье охарактеризована история шахматной игры в Кёнигсберге XIX – первой половины XX в. Приведены сведения о проведенных в столице Восточной Пруссии соревнованиях, биографические данные о живших там игроках и шахматных композиторах, а также о посещавших Кёнигсберг мастерах шахмат. Реконструкция истории шахматного движения включает также локализацию шахматных клубов в городе. Отмечается, что в 1850 – 1870-е гг. происходил расцвет шахматных клубов, среди которых были клубы как с общим членством, так и профильные – например, Кёнигсбергский академический шахматный клуб. С 1878 г. до конца столетия шахматная жизнь в Восточной Пруссии проходила под знаком Восточногерманского шахматного союза, созданного для компенсации трудностей участия местных шахматистов в общегерманских турнирах в силу географической удаленности. В XX в. в Кёнигсберге оказались шахматисты мирового уровня из числа как гостей города (Э. Ласкер), так и местных жителей (П. С. Леонгардт). Леонгардт стал, вероятно, главной фигурой, представлявшей Восточную Пруссию на национальных и международных турнирах после Первой мировой войны. Годы нацизма сопровождалась гонениями в Кёнигсберге на местных шахматистов еврейского происхождения, а сама шахматная жизнь города оставалась провинциальной. Завершает шахматную историю Кёнигсберга штурм города Красной армией в 1945 г., среди участников которого были и советские шахматисты. Представленный материал адресован историкам шахмат, краеведам и экскурсоводам.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, Кёнигсберг, Пауль Саладин Леонгардт, шахматы

А равно сам игрок зажат в тиски
(Как говорил Омар) другой доски:
Где ночь черна, а день блистает светом.
Игрок играет, Бог играет им.
Но кто стоит над Господом самим
И над его божественным сюжетом?

Х.Л. Борхес. Шахматы (1960)
пер. Б. Ковалева [2, с. 65]

История шахмат в Кёнигсберге не только представляет краеведческий интерес, но и обогащает наши знания о характере и динамике развития интеллектуальной и спортивной жизни в Восточной Пруссии.



сии XIX — первой половины XX в. Это была во многих отношениях типичная провинция, куда редко приезжали именитые шахматисты и где еще реже проводились соревнования. И тем не менее история шахмат в Кёнигсберге отражает общие тенденции в развитии Германии рассматриваемого периода (включая становление ферайнов как социальных институтов в рамках умеренно-либеральной модели общественного развития), а также позволяет уточнить характер российско-немецких культурных контактов на этой транзитной территории.

Наше внимание будет сфокусировано на ключевых шахматистах местного, национального и европейского значения, родившихся или проживавших в Кёнигсберге¹.

Среди первых авторитетных шахматистов Кёнигсберга — Мозес Самуэль Лёве (Moses Samuel Löwe), гравер и художник еврейского происхождения, масон и мастер шахматной игры. Он родился в Кёнигсберге 24 июня 1756 г., учился в Берлине и снискал славу одного из влиятельнейших живописцев в Германии. Умер он в родном городе 10 мая 1831 г. [36, S. 102].

Долгое время загадочным считалось происхождение другого берлинского шахматиста — Юлиуса Мендхайма (Julius Mendheim), самого знаменитого немецкого мастера начала XIX в. Недавнее исследование [48] позволило пролить свет на основные вехи биографии мастера. Он родился в богатой семье еврейского торговца в Кёнигсберге в 1780 или 1781 г.; возможно, был слушателем И. Канта в Альбертине; умер 25 августа 1836 г. в Берлине. Берлинское шахматное общество было основано в 1827 г. Игроки встречались по традиции летом в саду, а зимой в кафе. Среди завсегдатаев этих поединков наряду с Мендхеймом был и еще один кенигсбержец — профессор Иоганн Эдуард Вольф (Johann Eduard Wolff, 27 ноября 1786, Кёнигсберг — 6 сентября 1868, Берлин). Учившийся в Берлинской академии художеств, а затем, в 1805—1816 гг., в Париже у знаменитого Ж.-Л. Давида, Вольф состоялся как художник в прусской столице. В 1829—1836 гг. он предпринял попытку вновь обосноваться в родном городе, но безуспешно, и в результате вновь уехал в Берлин [65].

Наши представления о том, как была организована шахматная жизнь Кёнигсберга в первой половине XIX в., скудны. По всей видимости, первые формы организации шахматного движения относятся к 1840-м гг. Об этом говорит ранняя биография Теодора Лихтенгейна (Theodor

¹ Некоторые европейские шахматисты имели восточнопрусские корни. Так, один из сильнейших игроков начала XX в. Карл Шлехтер (Carl Schlechter, 1874—1918), уроженец Вены, был внуком известного драматурга Карла Шлехтера (1804—1876). Последний родился в Кёнигсберге, учился в престижном Фридрихсколлегиуме, но в 16 лет присоединился к бродячей труппе артистов и, проехав разные германские земли, в конечном счете обосновался в Вене [68, S. 33]. Дед берлинца Курта фон Барделебена (Curt Carl Alfred von Bardeleben, 1861—1924) [20, с. 28], прототипа героя романа В. В. Набокова «Защита Лужина», тоже Курт фон Барделебен (1796—1854), был крупным прусским политиком умеренно-либерального толка. Он родился в Ринау (совр. пос. Чайкино Гурьевского городского округа Калининградской области), также учился во Фридрихсколлегиуме, участвовал в Наполеоновских войнах, был депутатом Франкфуртского национального собрания (1848). Умер в Кёнигсберге.



Lichtenhein; биография: [33, p. 412–413; 59, S. 137]). Он родился в 1829 г. в Кёнигсберге, где в 16-летнем (!) возрасте стал председателем *одного из шахматных клубов*. После изучения медицины в Альбертине поступил на службу в армию, а затем эмигрировал в США. Там он занимался торговлей, но не оставлял и «королевскую игру» — одно время даже председательствовал в Нью-Йоркском шахматном клубе. В историю шахмат он вошел прежде всего благодаря тому, что играл в турнире первого американского шахматного конгресса (1857) с величайшим шахматистом П. Ч. Морфи (1837–1884) на старте головокружительной карьеры последнего. Умер Лихтенгейн 19 мая 1874 г. в Чикаго, Морфи пережил его менее чем на два месяца.

Расцвет шахматных клубов (1850–1870-е гг.)

Главный шахматный клуб (Schach-Verein) Кёнигсберга был основан, по некоторым данным, в марте 1850 г. [61, S. 26]. На 1859 г. в нем насчитывалось 22 члена. Они собирались по средам и воскресеньям с 18 часов в ресторане Домбровски (Dombrowski) на Флиссштрассе, 13/14 (сейчас на этом месте новое здание — бизнес-центр на ул. Университетской, 2г) [61, S. 26; 49, Т. 3, S. 238]. Клуб действовал под председательством асессора Гёца (Götz) [50, S. 264], правда, в новой локации — Трагхаймер Пульверштрассе, 17, в ресторане торговца и ресторатора Зудикатиса (C. J. Sudikatis; сейчас на месте этого ресторана новая застройка в начале ул. Минской) [50, S. 264]. Кроме председателя в источниках фигурируют секретарь — профессор Фридрихсколлегиума Фридрих Левиц (Friedrich Lewitz, 1805–1878), преподававший древнегреческий, латинский, немецкий и французский языки, и кассир — живший в соседнем с рестораном доме Шлеммер (C. von Schlemmer). Состав руководства сохранился и на 1866 г., когда играли в ресторане «Bauerschen Garten», и на 1871 г., когда собирались уже в ресторане «Schlosshalle» на Альтштедштише Бергштрассе, 9 (совр. участок подъема на эстакадный мост южнее Дома Советов) [51, Nachweis, S. 98]. Дни недели при всех этих переездах не менялись. Шахматный клуб оказался долгожителем — в адресной книге 1873 г. отмечено, что место президента вакантно, но Левиц и Шлеммер оставались на своих позициях. Клуб теперь собирался на Первой Флиссштрассе, 13, то есть вернулся к истокам [52, S. 223]. Вскоре после этого, по всей видимости около 1874 г., активность клуба сошла на нет.

В апреле 1859 г. берлинская «Шахматная газета» сообщила, что получила «приятную весть» о создании в ноябре предыдущего года Кёнигсбергского академического шахматного клуба (Königsberger akademischer Schachclub / Schachverein) [61, S. 107]. Его инициаторами выступили 13 студентов Альбертины. Они тренировались друг с другом (в том числе за призы), практиковали игру по переписке. Сохранился ряд партий, сыгранных против клуба в Тильзите в 1860 г. [62, S. 181, 224, 248]. Такие баталии между городами пользовались большой популярностью в середине позапрошлого столетия. Академический клуб собирался по вторникам и пятницам с 18 часов в том же ресторане Домбровски. В декабре 1860 г., как с сожалением констатировала «Шахматная газета», *академический союз*, включавший сильных игроков, прекратил существование [62, S. 417].



Руководили студенческим клубом изучавшие право Айххольц (Eichholz) и Филипп Хиршфельд (Philipp Hirschfeld) [61, S. 407]. Хиршфельд родился 1 октября 1840 г. в Кёнигсберге (биография: [28, S. 3; 59, S. 122; 62, S. 113]). С детства проявлял незаурядные способности к игре в шахматы, что заметил его отец, владелец чайной компании (жила семья в Фордере Форштадте, 86/87, рядом с фирмой; сейчас это район д. 109 по Ленинскому просп.). В 17 лет Хиршфельд стал студентом Кёнигсбергского университета, где изучал историю и право. В студенческом клубе он играл настолько сильнее всех, что быстро потерял интерес к этой затее. Уже в 1859 г. Хиршфельд уехал учиться в Берлин, где и состоялся как один из сильнейших немецких мастеров. Он принадлежал к числу основателей Берлинского шахматного клуба, встречаясь в матчах с выдающимися шахматистами — А. Андерсеном и Г. Нейманом. В мае 1862 г. он сыграл в Кёнигсберге вничью (2 : 2) матч с Фридрихом Амелунгом (Friedrich Ludwig Balthasar Amelung, 1842–1909), известным балтийским шахматным журналистом [35]. Несмотря на очевидные успехи, Хиршфельд, однако, ушел из шахмат в семейный бизнес. В 1863 г. в Лондоне он основал Кёнигсбергскую чайную компанию (фирма имела филиалы в Кёнигсберге и Москве). Поселившись в столице Великобритании, он не имел возможности участвовать в турнирах, однако периодически играл с величайшими шахматистами своего времени, включая И. Цукерторта и В. Стейница, будущего чемпиона мира. В 1866 г. он проиграл в Москве небольшой товарищеский матч одному из первых русских шахматистов — князю С. С. Урусову (1827–1897), другу Л. Н. Толстого. В 1890 г. Хиршфельд вернулся в Берлин, где и умер в 1896 г.

В Кёнигсберге, похоже, равных Хиршфельду игроков не осталось, однако после отъезда шахматная жизнь, как ни парадоксально, заметно оживилась. За отсутствием архивных документов нам сегодня трудно уловить последовательность появления разных сообществ, но очевиден факт их многочисленности. В начале 1860-х гг. возник еще один клуб, «Гармония», собиравшийся в ресторане Кнайпхофской общины (другие источники называли датой учреждения 1866 г. [59, S. 203]). На 1860 г. действовало еще одно неформальное сообщество — кружок из пятнадцати друзей составителя шахматных задач А. Мозера¹ в кафе «Siegel» на Французской ул., 7 (здание не сохранилось, сейчас территория парковки по ул. Шевченко севернее Дома Советов) [62, S. 417].

Процесс оформления шахматного движения на востоке страны приобрел масштабность после образования Германской империи. В 1873 г., вероятно, начало действовать еще одно собрание игроков — «Новое

¹ В Кёнигсберге жили и известные в Европе шахматные композиторы, в том числе Адальберт Мозер (Adalbert Moser), который работал техником и был корреспондентом берлинской «Шахматной газеты»; его творчество приходится на 1860-е гг. [60]. К его кругу, вероятно, принадлежал и Фридрих Райман (Friedrich Reimann), который прежде жил в Бромберге [59, S. 160; 60]. Он также активно публиковал свои задачи в немецкоязычной шахматной периодике вплоть до начала XX в. Адрес Раймана в Кёнигсберге — Мольтекштрассе, 8 (совр. участок д. 2 на ул. Мл. лейтенанта Ротко) [63, S. 160].



шахматное общество» (Neuer Schach-Verein) под руководством Грабовски (Grabowski). Эти шахматисты встречались на Кнайпхофе в том же ресторане, что и «Гармония» [52, S. 223].

Далее игроки собирались в разных местах (здесь и далее информация на основе ежегодника [59] и данных адресных книг). На 1874 г. — в отеле «Bellevue», председатель общества — торговец Х. Хагельвайде (Hagelweide); на 1876 г. председателем уже числился торговец Х. Блок (Block), а шахматисты встречались в «Wiener Café» — по всей видимости, в ресторане у Вильгельма Шлихтинга (Schlichting) на Альтштеттшше Бергштрассе, 6/7 (южнее Дома Советов). На 1881 г. это общество насчитывало 36 членов [59, S. 203]. Играли в ресторане «Bürger-Ressource» (совр. участок южнее д. 46 по ул. Пролетарской на берегу Нижнего пруда) по вторникам. На тот момент председателем в клубе отмечен торговец Г. Шаумбург (Schaumburg), секретарем — вышедший на пенсию Х. Блок, кассиром — торговец В. Вунш (Wunsch) [53, Nachweis, S. 36]. На 1887 г. местом встреч была заявлена кондитерская «Пассаж» у госпожи М. Гудель (Gudell), по вторникам (здание не сохранилось, участок к западу от д. 11 по ул. Фрунзе). На 1892 г. в обществе все еще председательствовал Шаумбург. Далее судьба этого клуба неизвестна. Заметно, впрочем, что первые роли в шахматных клубах играли представители торговой буржуазии, академическая общественность занимала на всех этапах скромные позиции.

Под эгидой Восточногерманского шахматного союза (1878—1901 гг.)

Именно Шаумбург выступил с инициативой создания Восточногерманского шахматного союза (Ostdeutsche Schachbund)¹. В 1878—1883 гг. этот союз провел 4 конгресса, призванных компенсировать затруднения с участием восточнопрусских игроков в общегерманской шахматной жизни в связи с географической удаленностью. Первый состоялся в Кёнигсберге с 6 по 9 июля 1878 г. Газетные публикации сохранили описание условий: в зависимости от количества заявленных участников (8 или 16) предусматривались два или четыре приза. Правила были довольно строгими: проигравшие выбывали из соревнования; вступительный взнос составлял 5 марок; играть полагалось не менее восьми часов в день и делать не менее пятнадцати ходов в час [23, p. 164].

В рамках конгресса прошло два турнира. Участники приехали преимущественно из Восточной Пруссии — из Бартенштайна, Бромберга, Грауденца (совр. Бартошице, Быдгощ и Грудзёндз, Польша), Мемеля и Пакамонена (Клайпеда и Пакамоняй, Литва). В первом состязании одержал победу Р. Хасфорд (R. Hasford, ум. до 1893) из поместья Бахмана под Мемелем (сегодня в черте Клайпеды) [59, S. 119, 203]. Серебро досталось железнодорожному чиновнику из Бреслау Г. Рамму (G. Ramm) [59, S. 159]. Во втором турнире выиграл Зандер (C. Sander) из Грауденца [59, S. 165], а второе-третье место разделили берлинский фабрикант и журналист,

¹ В петербургском «Шахматном листке» сообщалось, что это объединение создано по примеру западногерманского (1862) следом за северогерманским (1868) и среднегерманским (1871) [11; 12].



теоретик шахматной игры Оскар Кордель (Oscar Cordel, 1843–1913; его именем назван вариант защиты в испанской партии) и Ф. Леман (F. Lehmann, ум. не ранее 1880), мастер из Бромберга [59, S. 102, 135].

Участие шахматистов восточных регионов в общих конгрессах, однако, первоначально было под вопросом. «Участие в общегерманском союзе, — отмечала редакция «Шахматного листка», — пока признано неудобным, так как в первое время все средства общества должны быть употреблены на собственное упрочение и развитие» [12]. Позднее конгрессы Восточногерманского шахматного союза прошли в Мемеле (1879, первое-второе место разделили М. Михаэльсон¹ и Кордель), Бромберге (1880, победил Зандер) и Данциге (1883, победил Хоппе, пастор из Молтайнена, совр. Молтайны в Польше).

Качество игры участников турниров на востоке страны было недостаточно высоким — никто из них не вышел на общенациональную арену. Тем не менее к началу 1880-х гг. в Кёнигсберге сложился свой круг шахматистов, пусть даже не первого ряда. По иронии судьбы в провинции, правда, жил игрок мирового уровня — Густав Рихард Людвиг Нейман (Gustav Richard Ludwig Neumann, 1838–1881). Ученик А. Андерсена, победитель турнира Берлинского шахматного общества в 1865 г. (Нейман одержал 34 победы в 34 партиях!), во второй половине 1860-х гг. он выдвинулся в число сильнейших шахматистов Европы. Перенапряжение, впрочем, не прошло бесследно: с 1872 г. Нейман находился на лечении в психиатрических клиниках. Он умер 16 февраля 1881 г. в больнице Алленберга (совр. пос. Дружба Правдинского городского округа Калининградской области) [20, с. 268; 47]. Нейман не мог принимать участие в местной шахматной жизни и занялся изучением филологии в Кёнигсбергском университете, но реализовать в новой сфере ему не было суждено — смерть настигла выдающегося шахматиста в возрасте 42 лет.

Кёнигсберг не стал в последней четверти XIX в. шахматной меккой, но в этом ландшафте появилась все же еще одна значительная фигура в истории шахмат — Йоганнес Коц (Johannes Kohtz, 1843–1918; биография: [22; 59, S. 130]). Уроженец Эльбинга (Эльблонг, Польша), он работал инженером и самозабвенно занимался шахматами. Провел долгое время в Брауншвейге и Нюрнберге (езде состоял в шахматных клубах), потом поселился в Кёнигсберге. Первая публикация шахматной задачи Коца относится к 1860 г., но настоящую славу он приобрел благодаря соавторству с одноклассником по школе в Кельне Карлом Коккелькорном (Carl Kockelkorn, 1843–1914). Этот тандем был хорошо известен в шахматном мире, хотя профессиональная деятельность разбросала друзей по разным концам Германии. О них знали и в дореволюционной (см., напр., «Шахматный вестник» за 1913 г. [19, с. 161]), и в Советской России. Очерк,

¹ Кёнигсбергский шахматист доктор Макс Михаэльсон (Max Michaelson, ум. не ранее 1894) прежде всего был известен как игрок по переписке; вершиной его карьеры офлайн стало разделенное первое-второе место на турнире в Мемеле в 1879 г. [59, S. 145]. В 1890 г. его партию, сыгранную по переписке, опубликовал «Немецкий шахматный еженедельник», проводивший заочные турниры [28, S. 281]. Среди противников Михаэльсона были шахматисты из Данцига, Тильзита, Эссена и других городов.



посвященный тандему, опубликовал в «Шахматах в СССР» в 1935 г. Р. Н. Александров¹ [1]. Оценки тандему Коца и Коккелькорна Александров дал самые высокопарные — в частности, сравнил их с братьями Гонкурами, подробно охарактеризовав суть их новаторства в шахматной композиции [1, с. 57].

По адресным книгам можно определить места проживания Коца в городе — появляется он в списке жителей в 1880 г. по адресу Домштрассе, 9 (участок к югу от Кафедрального собора на о. Канта), где числится до 1882 г.; в 1883—1885 гг. его адрес — Нойер Маркт, 4 (совр. территория д. 68 по Московскому просп.); в 1887 г. — Вайдендамм, 10 (участок перед современным д. 27 по ул. Октябрьской), жилье находилось в непосредственной близости от вагоностроительного завода Штайнфурт, где он и работал (на базе этого предприятия в советское время появился Калининградский вагоностроительный завод). В 1893—1899 гг. адрес Коца — Вайдендамм, 29 (возможно, тот же дом после перенумерации). В 1901 г. Коц вышел на пенсию и переселился в Дрезден.

«История в крошках» (1902—1914 гг.)

В начале XX столетия шахматный Кёнигсберг оставался глухой провинцией. Любопытно, что город сыграл некоторую роль в становлении одного из самых влиятельных шахматистов и теоретиков первой трети XX в. Арона Исаевича Нимцовича (1886—1935). Будущего гроссмейстера в 8 лет научил играть отец, рижский лесоторговец, он же отправил 15-летнего сына в Кёнигсберг. Нимцович писал позже: «В первый год своего пребывания за границей я усиленно играл в шахматы к крайнему неудовольствию моего отца, непременно требовавшего от меня сдачи дополнительного экзамена и поступления в университет» [7, с. 15—16]. Студентом Альбертины Нимцович не стал и в начале 1903 г. переехал в Берлин, где нашел более сильных соперников. Больше в Кёнигсберг он, вероятно, не приезжал.

Имена основных деятелей шахматного движения Кёнигсберга начала XX в. покрыты мраком тайны. Известна фигура доктора немецкой филологии Вильгельма Уля (Wilhelm Uhl, 1864—1921). Ученик Э. Р. Курциуса и У. Виламовица-Мёллендорфа, с 1893 г. он преподавал в Альбертине (с 1901 г. — профессор) [67, S. 635]. На 1905 г. он состоял членом Мюнхенского академического шахматного клуба, вместе с ним в это объединение входил Йоханнес Бруски (Johannes Bruski), кандидат права из Кёнигсберга [26, S. 542—543]². В 1921 г. имя Уля фигурирует

¹ В то время заведующий отделом композиции журнала. В 1937 г. был снят с должности за публикацию своих задач в германской шахматной периодике. Во время войны как журналист сотрудничал с нацистами.

² Видимо, это была распространенная практика — в Кобургском шахматном союзе числился доктор Арриен Йонсен (Arrien Johnsen, 1877—1934), приват-доцент из Кёнигсберга, специалист по геологии и минералогии. Он окончил гимназию в Кобурге, потом учился в Йене, в 1901—1908 гг. преподавал в Альбертине, откуда переехал в Гёттинген и потом в Киль [26, S. 524; 67, S. 557]. Проживал он в Кёнигсберге в д. 52d по Хинтертрагхайму (примерно на месте д. 33/39 по ул. Сергеева). Неподалеку, на Шёнштрассе, 6 (совр. ул. Генерала Соммера) жил Уль.



в списке меценатов Германского шахматного союза; не очень понятно, состоял ли он при этом в Кёнигсбергском шахматном клубе, насчитывавшем тогда 79 членов [43]. Уль умер 26 октября 1921 г., похоронен в Кёнигсберге.

Незадолго до Первой мировой войны в шахматной жизни столицы Восточной Пруссии произошло важное событие — в город по приглашению местного клуба приехал действующий чемпион мира Эмануил Ласкер (1868—1941)¹. Сеанс одновременной игры был дан 7 декабря 1913 г. в большом зале “Jubiläumhalle” на Коггенштрассе, 42 (совр. участок немного юго-западнее д. 32 по Ленинскому просп.). Сеанс был назначен на 19.30 (де-факто состоялся в 20.30), игре предшествовал доклад. Ласкер выиграл 23 партии при двух ничьих [39; 40]². С Кёнигсбергом Ласкера связывало одно важное обстоятельство — по совету Давида Гильберта (1862—1943), великого математика и бывшего профессора Кёнигсбергского университета, он взялся за подготовку докторской диссертации по математике, которую и защитил в 1901 г. в Эрлангене. Так что в 1913 г. Ласкер давал сеанс игры в родном городе своего учителя.

О шахматной жизни в последние годы перед Первой мировой войной пока известно немного. В «Немецкой шахматной газете» была опубликована «свободная партия» (сыгранная вне соревнований) некоего А. Ленца (Lenz) против доктора Ст. В. (St. W.), игранная в кафе «Plouda» 15 июня 1914 г. [27, S. 271—272]. Кафе известного кондитера и производителя марципана Штефана Плоуды располагалось на Кнайпхофе (Кнайпхофише Ланггассе, 6; не сохранилось). Ленц победил за 33 хода — вероятно, это обстоятельство побудило редакцию скрыть имя проигравшего. Имя победителя, впрочем, также ничего нам не говорит.

Под звездой Леонгардта (1920-е гг.)

Мы столь же мало знаем о шахматной жизни первого послевоенного десятилетия. Вероятно, на первую половину 1920 гг. выпал кёнигсбергский период в жизни Пауля Вексельмана (Paul Wechselmann). Он родился в Мемеле (Клайпеде) 25 июня 1902 г. (биография: [55]). Кёнигсберг он представлял на XX конгрессе Немецкого шахматного союза в Берлине 26 сентября — 9 октября 1920 г., где занял с 4,5 очками 7-е место из 12 на одном из турниров [73]. Он женился в Кёнигсберге 20 мая 1926 г. на Хелле Розенталь (Hella Rosenthal) из Бреслау (Вроцлав, Польша). Менее чем

¹ По всей видимости, до окончания Второй мировой войны ни действующие, ни бывшие чемпионы мира не приезжали сюда. В июне 1943 г. планировался визит в Кёнигсберг Александра Алехина, с сеансами одновременной игры для солдат вермахта. Нацистская пропаганда использовала авторитет Алехина в своих целях, в прессе появились анонсы его приезда, но уже в июле 1943 г. визит был отложен и, видимо, так и не состоялся [56, р. 83—84]. Есть курьезная ошибка в биографии Х.Р. Капабланки, которому приписан сеанс одновременной игры в Калининграде (бывш. Кёнигсберге) в... 1936 г. [58, р. 421]. Биограф перепутал Калининград и Калинин [16, с. 107]. После войны в советском Калининграде были Б.В. Спасский и А.Е. Карпов, но уже в ранге экс-чемпионов [18].

² Благодарю Я.Г. Шепеля за помощь в уточнении деталей пребывания Ласкера в Кёнигсберге.



через месяц после свадьбы супруги уехали через Мемель в Гаагу, затем в Роттердам. Там у четы родилось двое детей, которые после развода в 1935 г. остались жить с матерью. Судьба Вексельмана сложилась трагически — он стал жертвой Холокоста и погиб в Аушвице 22 марта 1944 г.

В 1920 гг., однако, не Вексельман стал важнейшей фигурой в шахматном Кёнигсберге. В городе наконец-то поселился шахматист европейского уровня — Пауль Саладин Леонгардт (Paul Saladin Leonhardt). Он родился 13 ноября 1877 г. в Позене (Познань, Польша), закончил медицинский факультет Берлинского университета и приехал в Кёнигсберг заниматься врачебной практикой (биография: [20, с. 204; 54]). Леонгардту удавалось сочетать оба дела: в 1907 г. он занял 3-е место на международном турнире в Карлсбаде, в 1911 г. выиграл матч у А. Нимцовича (4,5 : 0,5), а во время Первой мировой войны работал врачом на Восточном фронте. В 1920-х гг. вернулся в шахматы. «Один из лучших немецких шахматистов, живет в Кёнигсберге, где занимается журнальной деятельностью», — так характеризовал Леонгардта в 1926 г. советский «Календарь шахматиста» [15, с. 122].

Леонгардт вступил в борьбу за титул чемпиона страны в 1906 г. (XIV первенство Германии в Нюрнберге). Результат оказался не очень высоким — 14-е место с 5 очками из 16. В сентябре 1922 г. он принял участие в XXII конгрессе Немецкого шахматного союза в Бад-Эйнхаузене [72]. Тогда он уверенно занял место в середине турнирной таблицы (6-е место с 6 очками из 11). Леонгардт, правда, нанес поражения обоим первым призерам, включая ставшего чемпионом Германии Эрхарда Поста. Далее в течение нескольких лет он не участвовал в национальных первенствах, сосредоточившись на врачебной работе.

Снова мы встречаем его среди практикующих игроков в 1926 г. в Кёнигсберге, где 26–31 декабря прошел турнир при спонсорской поддержке Восточногерманского радио (Ostdeutsche Rundfunk A.-G., Orag) [38; 45]. Леонгардт победил (7,5 очков из 9), вторым финишировал латвийский шахматист Германис Матисонс (или Маттисон; Hermanis Matisons, 1894–1932) с 7 очками¹, третьим стал С. Фукс (Fuchs) из Данцига с 6,5 очками. На четвертом месте был известный берлинский игрок Вилли Шлаге (Willi Schlage, 1888–1940) с 6 очками, на пятом — Х. Гофман² из Кёнигсберга с 5 очками. Далее следовали Ганс Мюллер (Hans Müller) из Прейсиш-Эйлау (4 очка), Х. Шлее (H. Schlee) из Эльбинга

¹ В этом турнире была сыграна известная партия, в которой противник Маттисона «зевнул» ладью, и партия закончилась за 13 ходов. Правда, в публикациях латвийской шахматной печати противника называли *R. Millers*, но Э. Винтер предполагает, что это ошибка и имелся в виду Мюллер [70]. К сожалению, другие партии этого состязания пока не обнаружены. Леонгардт писал, что Маттисон на этом «небольшом турнире» победил в трех партиях, в которых играл королевский гамбит [6, с. 2].

² Хайнц Гофман (Heinz Hoffmann) представлял Кёнигсберг на XXV конгрессе Германского шахматного союза в Магдебурге, где занял второе место в полуфинале группового турнира, а потом завершил финал, набрав равное количество очков (по 5) с Фёрдером (Foerder) из Бреслау, однако в решающей партии за титул чемпиона Германского шахматного союза уступил последнему [25, S. 12].



(2,5 очка), Зенц (Senz), Айнбродт (Einbrodt)¹ из Кёнигсберга и еще один Мюллер из Тильзита (по 1,5 очка).

Леонгардт принял участие как представитель Кёнигсберга в турнире маэстро в рамках XXV юбилейного конгресса Германского шахматного союза в Магдебурге (17–31 июля 1927 г.), однако вновь выступил не очень удачно — выиграв две партии и заключив четыре ничьи, занял 12-е место из 14 [25, S. 11].

В феврале 1928 г. Леонгардт разделил 11–13-е места из 14 в международном турнире к 100-летию Берлинского шахматного общества. Турнир выиграл А. Нимцович, вторым финишировал Е. Д. Боголюбов, третьим — С. Тартаковер. Все участники делали шуточные декларации, корреспондент московского журнала передал слова кёнигсбергского шахматиста: «Как старейший в этом турнире, я заявляю, что шахматы — лучшее средство для омоложения» [4, с. 3].

В 1929 г. на XXVI конгрессе Германского шахматного союза в Дуйсбурге Леонгардт занял 2-е место (8,5 очков из 13), всего на пол-очка отстав от победителя — Карла Оскара Ауэса [74]. Это стало последним его серьезным успехом в турнирной игре. В 1933 г., уже будучи тяжелобольным, Леонгардт выступил в первом чемпионате Великогерманского шахматного союза в Бад-Пирмонте, но занял в нем лишь последнее место [75].

Леонгардт был известным шахматным журналистом. Перевод одной из его статей опубликовал даже московский журнал «Шахматы и шашки в рабочем клубе» в 1928 г. [6]. Кроме того, на кёнигсбергском радио он вел передачи о шахматах. В конце 1927 г. в Берлине, как сообщала советская шахматная периодика, состоялся «оригинальный турнир» — состязание между заведующими «радио-шахотделами». Шахматные журналисты представляли 7 радиостанций германских городов. Леонгардт завоевал 1-е место (6 очков, то есть, вероятно, выиграл все партии) [9].

Леонгардт умер во время игры в шахматы в Кёнигсбергском клубе 14 декабря 1934 г. В некрологе, опубликованном в советском журнале «Шахматы в СССР», отмечалось, что «приверженец композиционной школы, Леонгардт известен в шахматной литературе как творец ряда художественных произведений, в которых прекрасно проведенная атака с жертвами увенчивается заслуженной победой» [8]. Некролог в «Венской шахматной газете» подчеркивал значение радиопередач Леонгардта: в этой сфере «его уход будет ощущаться особенно болезненно» [54].

Имя литератора Леонгардта еще числится в адресной книге 1935 г. по адресу Шёнштрассе, 17 [29, S. 317]. На месте этого дома — участок на углу современных улиц Пролетарской и Генерала Соммера между

¹ Точно идентифицировать его пока не удалось, но единственный Айнбродт, проживавший в Кёнигсберге на 1935 г., — Вальтер, старший инспектор Имперской железной дороги [29, S. 105; 31, S. 56], проживавший по адресу Веркштеттенштрассе, 12 (район совр. д. 13 в Тихорецком тупике). Его послевоенная судьба неизвестна, по крайней мере в 1949 г. Вальтера и его жену Шарлотту разыскивал Вернер Айнбродт из Зеельбаха в Гессене [66].



пешеходным переходом и школой 31. По тому же адресу в 1937 г. указана кассирша Адельгейда Леонгардт, в дальнейшем отмечена как вдова. Судьба ее неизвестна.

Память о Леонгардте какое-то время чтили в Кёнигсберге. По крайней мере, один мемориал его памяти был проведен в ноябре 1938 г., в нем играл, в частности, Людвиг Энгельс (Ludwig Engels), выигравший 4 партии, проигравший 1 и заключивший 2 ничьи [41]. Других сведений об участниках и результатах турнира найти не удалось.

Говоря о шахматной журналистике, следует указать, что наличие своего издания можно считать признаком зрелости шахматного движения. В Кёнигсберге такое издание появилось в 1924 г., когда под эгидой Восточногерманского шахматного союза в течение недолгого времени выходили «Восточногерманские шахматные новости» (*Ostdeutsche Schach-Nachrichten*). В Национальной библиотеке Нидерландов хранятся первые четыре выпуска (с марта до 15 апреля; данные каталога <https://www.kb.nl/>).

К шахматной периодике относятся и колонки в обычных газетах. На 1930 г. в Кёнигсберге такую колонку в коммунистической газете «Echo des Ostens» (выходила до 1933 г.) вел Фр. Клошински (Fr. Kloschinsky) [69]¹. Вероятно, в Кёнигсберге, как и в других регионах послереволюционной Германии, действовали рабочие шахматные кружки в рамках Немецкого рабочего шахматного союза (Deutscher Arbeiter-Schachbund), существовавшего в 1912–1933 гг. Можно полагать, что их активность возросла благодаря влиянию Советской России — так, рабочая шахматная организация Кёнигсберга участвовала в третьем матче по телеграфу между Ленинградом и Европой, проходившем с сентября 1931 по июль 1933 г. Кенигсбержцы (названия предприятий неизвестны) играли с ленинградскими организациями: Балтийский судостроительный завод «Балтвод» проиграл, а Институт им. Лесгафта выиграл. В отчете о матче отмечалось, что «фашистская реакция» делает «невозможным дальнейшее общение с революционными германскими товарищами» [14]. Над Кёнигсбергом, как и над всей Германией, в 1933 г. сгустилась мрачная тень национал-социализма.

«Игра закончена» (1933–1945 гг.)

Нацистское руководство воспринимало шахматы как инструмент пропаганды, что привело ко многим печальным последствиям. Так, гонениям подверглись шахматисты еврейского происхождения. В угоду расистской идеологии пронацистски настроенные авторы переписывали историю шахмат, исключая из нее евреев. Рейхсминистр пропаганды Й. Геббельс стал председателем Великогерманского шахматного союза, учрежденного в 1933 г. Геббельс сам играл в шахматы и охотно апеллировал к игре в своих выступлениях. В декабре 1937 г. в Кёнигсберге он, в частности, сказал: «Политика — это игра. При игре в шахматы иногда случается, что жертвуешь две фигуры, чтобы взять ферзя... или чтобы поставить мат королю. Игра еще не закончена, но у меня есть уверенность, что мы будем победителями» [24, р. 22].

¹ В адресных книгах 1935–1941 гг. фигурирует только один Фриц Клошински — столяр, проживавший в д. 28 по Шёнбергерштрассе (на Кнайпхофе).



Тем не менее провинциальность Кёнигсберга так и не была преодолена. На рубеже 1930—1940-х гг. в городе функционировало два клуба. В оба допускались женщины, что оговаривалось специально. На 1937 г. главный клуб собирался на Большой Шлосстайхштрассе, д. 11, в ресторане, принадлежавшем Элизабет Пеликан («Pelikan-Klause»; в настоящее время на этом месте — участок лестницы на набережной Нижнего пруда со стороны ул. Пролетарской перед мостом в сторону Калининградского областного историко-художественного музея). Его председателем на 1937 г. был Генрих Потхоф (Heinrich Potthoff). Играли в этом клубе довольно часто — по понедельникам и четвергам с 19 часов и по воскресеньям с 10 до 13 часов [30, Т. 1, S. 415; Т. 3, S. 19]. На 1941 г. руководителем шахматного клуба «Кёнигсберг» числился уже учитель Франц Хальман (Franz Hallmann), игроки собирались по понедельникам с 20 часов в здании ресторана «Zur Schlosshalle» (Штейнхауптштрассе, 29, ранее Польская ул.; в настоящее время — участок между Домом Советов и Московским просп.) [31, Т. 1, S. 92; Т. 3, S. 17].

Местная группа «Ратсхоф» на западе города на 1937 г. собиралась в ресторане «Имперский сад» («Reichsgarten») на Лавскер-аллее по вторникам и пятницам с 20 часов (в настоящее время участок между д. 62 и 70 по просп. Победы). Этим шахматным клубом руководил живший неподалеку дантист Ханс Краусс (Hans Krauss) [30, Т. 3, S. 19]. На 1941 г. руководителем клуба значился Вальдемар Бронст (Waldemar Bronst), инспектор имперской железной дороги; теперь играли по вторникам с 20 часов в здании ресторана по Краус-аллее, д. 19а (здание сохранилось по адресу Каштановая аллея, 81) [31, Т. 1, S. 35; Т. 3, S. 19].

Оба этих ферайна объединяли любителей, не выходивших за пределы своего круга, и нет оснований полагать, что местное шахматное движение рассматривалось нацистскими властями всерьез. Сохранились сведения о VIII чемпионате Кёнигсберга 1938 г. В четвертый раз одержал победу Хайнц Гофман с 8,5 очками из 11; на втором месте оказался победивший Гофмана Карбоннель с 8 очками, далее следовали Цолленкопф (Zollenkopf) с 7,5, Штайн (Stein) и слепой ветеран войны Збиковски (Zbikowski) с 6,5 очками [46, S. 13].

Из всех названных игроков можно уверенно идентифицировать только одного — Хайнца де Карбоннеля (Heinz de Carbonnel, 1916—1986; биография: [44]). Он родился в Кёнигсберге в знатной семье — его предки бежали из Франции после революции в Восточную Пруссию. Его отец Пауль де Карбоннель был судьей. Хайнц играл в шахматы и изучал право в Альбертине, но университет закончить не успел — началась война. Он воевал на Восточном фронте и попал в советский плен, где выжил, по его словам, благодаря тому, что комендант лагеря был увлеченным шахматистом. После освобождения Карбоннель поселился в Баварии, где продолжил играть, участвуя в том числе в международных турнирах по переписке.

Автор заметки о первенстве Кёнигсберга сожалел, что в нем не принял участие вне конкурса Ауэс, как это делал покойный Леонгардт. По всей видимости, речь идет о крупном шахматисте Карле Оскаре Ауэсе



(Carl Oscar Ahues, 1883–1968)¹. В VII чемпионате страны, прошедшем в Бад-Эйнхаузене 4–18 августа 1940 г., он играл от Кёнигсберга и с 7,5 очками разделил 6–7-е место [71]. Вторым финишировал данцигский мастер Пауль Феликс Шмидт (Paul Felix Schmidt, 1916–1984), родом из Эстонии, но при нацистах переехавший в Германию и неоднократно бывавший в Кёнигсберге, давая там, в частности в 1942 г., уроки шахматной игры [42, S. 74]. Жена Шмидта Ева Луиза Кон (1920?–2010) была родом из Кёнигсберга: выпускница Альбертины, она бежала осенью 1944 г. из Восточной Пруссии в Гейдельберг, где и вступила в брак с Шмидтом. После войны супруги эмигрировали в США [32].

Вероятно, по возрасту в первенстве 1938 г. не мог принять участие еще один уроженец Кёнигсберга – Хайнц Герхард Леман (Heinz Gerhard Lehmann, 1921–1995; биография: [34])². Он получил степень магистра права в Альбертине и уже в 18 лет дебютировал на турнире памяти В. Шлаге в Берлине (1940), где разделил 5–6-е место из 10 (победителем стал Е. Боголюбов). На турнире в Ростоке (1942) представлявший Кёнигсберг Леман с тремя очками разделил 8–9-е место из 10 [57]. После войны он, будучи международным мастером, успешно играл в соревнованиях в ФРГ, став чемпионом Берлина (1956). Участвовал также в международных турнирах – как командных, так и индивидуальных.

История вольного и невольного сотрудничества шахматистов (как немецких, так и русских – эмигрантов из Советской России, как А. А. Алехин или Е. Д. Боголюбов) с нацистским режимом в Германии привлекает в последние десятилетия пристальное внимание исследователей. Без

¹Время переезда и обстоятельства его пребывания в Восточной Пруссии не очень понятны. В 1935 г. Ауэс играет небольшой матч с Ефимом Боголюбовым (1889–1952) в Кёнигсберге, выиграв его со счетом 1,5:0,5 [21], что говорит о его мастерстве – ведь Боголюбов годом раньше был соперником А. Алехина в матче за звание чемпиона мира. Сын Карла Ауэса Герберт Зигфрид Оскар Ауэс (Herbert Siegfried Oskar Ahues, 1922–2015; биография: [64]) также оказался к моменту начала Второй мировой войны в Кёнигсберге, где изучал право в университете и откуда был призван в вермахт. После войны Ауэс-младший поселился в Бремене. Он, опубликовавший первую шахматную задачу в возрасте 15 лет, стал в конечном счете одним из крупнейших западногерманских шахматных композиторов.

²Мы практически ничего не знаем о кёнигсбергских шахматистках, но одна из них все же отметилась в истории города. Юлиана Хунд (Juliane Hund, урожденная Майер, 1928–1999) не была уроженкой Кёнигсберга, но провела там детство. Незадолго до окончания Второй мировой войны она с семьей бежала в Тюрингию. Обучаясь во Франкфуртском университете, Юлиана основала студенческий шахматный клуб и потом преуспела в качестве шахматистки. Самый большой ее успех на национальном уровне – 2-е место на чемпионате ФРГ среди женщин (1959); в 1970–1980-х гг. она выиграла несколько национальных чемпионатов по переписке, а с 1989 г. – турниров среди сеньоров как германского, так и европейского уровня. В 1997 г., незадолго до смерти, Юлиана Хунд успела посетить Калининград. Ее дочь Барбара Хунд (род. 1959) стала первым в Германии международным гроссмейстером среди женщин (1982), с 1990-х гг. выступает под швейцарским флагом [37].



сомнения, их опыт важен не столько для постижения сути шахматного искусства, сколько для лучшего понимания природы преступного режима и противоречивости морального выбора, который делают люди творческих профессий при этом режиме. Тем не менее следует констатировать, что среди кёнигсбергских шахматистов, по всей видимости, военных преступников не оказалось; во всяком случае, после войны они продолжили шахматную карьеру в ФРГ.

Последняя страница в истории Кёнигсберга (апрель 1945 г.)

На момент штурма в апреле 1945 г. шахматная жизнь в осажденном городе неизбежно должна была замереть. В нашем распоряжении нет источников, которые отражали бы последние события в истории местных клубов. Впрочем, есть один загадочный случай. По свидетельству голландского шахматиста Й.Х. Доннера, которое датируется 1968 г. и воспроизведено в книге Г. Сосонко [17, с. 52], один из крупнейших немецких шахматистов Фридрих Земиш (Friedrich Sämisch, 1896–1975) оказался в Кёнигсберге во время его осады Красной армией. При каких обстоятельствах Земиш, помещенный нацистами в 1944 г. в лагерь по доносу и освобожденный благодаря заступничеству высокопоставленного покровителя, попал на крайний восток Германии и что там делал? Ответа на этот вопрос нет. После войны жизнь Земиша, который был достаточно откровенен в своем презрении к нацистам, сложилась благополучно — он продолжал играть и умер в Западном Берлине в преклонном возрасте.

Участие советских шахматистов в штурме немецкой крепости в апреле 1945 г. — это тоже часть истории шахматного Кёнигсберга. Среди них можно назвать по меньшей мере троих. Григорий Абрамович Гольдберг (1908–1976) стал мастером спорта СССР в 1939 г. (биография: [20, с. 88]). В годы Великой Отечественной войны он был капитаном интендантской службы, участвовал в обороне Ленинграда и штурме Кёнигсберга (награжден медалью за взятие крепости 18 декабря 1945 г.). Гольдберг представлял Военно-морской флот в XIV чемпионате СССР в Москве 1 июня — 3 июля 1945 г., но занял последнее место (4 очка из 17). В обзоре чемпионата о причинах неудачного выступления было написано прямо: «Прибывший на турнир прямо из Кенигсберга, Гольдберг не мог рассчитывать сыграть намного лучше» [5, с. 71].

Не прошло бесследно участие в боевых действиях и для Петра Васильевича Дубинина (1909–1983). Он также еще до войны стал мастером спорта в Горьком, участвовал в финале чемпионата СССР (1940). Сражался на Северо-Западном фронте с осени 1941 г., в конце войны был контужен под Кёнигсбергом. Награжден орденом Красной Звезды 24 мая 1945 г. Ранение помешало ему продолжать шахматную карьеру, и он занялся игрой по переписке. Тем не менее в Горьковской области Дубинин оставался одним из сильнейших шахматистов, неоднократно выигрывая первенства города и области [10; 20, с. 117].

Евгений Сергеевич Бальмонт (1925–2001) с 18 лет служил в РККА, дошел до Кёнигсберга в звании ефрейтора, капитана медицинской службы. Был награжден медалью «За взятие Кёнигсберга» 21 июня 1945 г.



После войны проживал в Шуе Ивановской области, где работал врачом. Научился играть в шахматы в детстве, в 1950–1960-х гг., будучи кандидатом в мастера спорта, неизменно выигрывал чемпионаты города. В память Бальмонта в Шуе проводятся мемориалы [13]¹.

Среди участников штурма наверняка было и много других шахматистов. Неизвестно, выпадал ли им случай играть в шахматы на фронте. Если бы история пошла другим ходом, возможно, Г. А. Гольдберг или П. В. Дубинин сразились бы очно, по переписке или по телеграфу с П. Вексельманом или Х. де Карбоннелем. Однако Борхесов «божественный сюжет» — или, в более точном переводе М. Л. Гаспарова [3, с. 288], «круг праха и времен и снов и смертей» (“la trama... de polvo y tiempo y sueño y agonía”) — приобрел совсем иной оборот.

Список литературы

1. Александров Р. Коц и Коккелькорн (ново-немецкая школа) // Шахматы в СССР. 1935. №3. С. 57–59.
2. Борхес Х.Л. Создатель. СПб., 2022.
3. Гаспаров М.Л. Экспериментальные переводы. СПб., 2003.
4. Зейц А. Международный турнир в Берлине // Шахматы и шашки в рабочем клубе. 1928. 5 марта. С. 2–4.
5. Котов А. Итоги турнира // Шахматы в СССР. 1945. №3. С. 67–72.
6. Леонгардт П. С. Королевский гамбит во второй руке // Шахматы и шашки в рабочем клубе. 1928. 30 янв. С. 2–3.
7. Нимцович А.И. Как я стал гроссмейстером. Л., 1929.
8. П. Леонгардт (1877–1934) // Шахматы в СССР. 1935. №1. С. 14.
9. Партии различных состязаний // Шахматы и шашки в рабочем клубе. 1928. №1. С. 8–9.
10. Петр Дубинин. 30.06.2022. URL: https://ruchess.ru/persons_of_day/petr_dubinin_pd/ (дата обращения: 01.06.2022).
11. По всему свету // Шахматный листок. 1878. №5-6. С. 170–171.
12. По всему свету // Шахматный листок. 1879. №1. С. 15.
13. Рыбкин М. В Шуе завершился Мемориал Е. Бальмонта. 26.04.2018. URL: https://ruchess.ru/news/all/v_shue_zavershilsya_memorial_e_balmonta/ (дата обращения: 01.06.2022).
14. С.В. 3-й матч по телеграфу Ленинград – Европа // Шахматы в СССР. 1933. №9. С. 129.
15. Сведения о сильнейших русских и иностранных мастерах // Календарь шахматиста на 1926 год. Л., 1926. С. 110–129.
16. Сизоненко А.И. Капабланка. Встречи с Россией. М., 1988.
17. Сосонко Г. Диалоги с шахматным Нострадамусом. М., 2006.
18. Хитров П. А. Летопись шахмат Калининградской области. Калининград, 2014.
19. Шахматный вестник. 1913. №10.
20. Шахматы : энциклопедический словарь. М., 1990.
21. Ahues, C.O. — Bogoljubow, E.D. 1935. URL: <http://www.edochess.ca/matches/m3971.html> (дата обращения: 01.06.2022).

¹ Благодарю за содействие в получении биографической информации Федерацию шахмат Ивановской области.



22. Büsing G. Zum 100. Todestag von Carl Kockelkorn. URL: <https://www.dieschwalbe.de/schwalbe268.htm#ck> (дата обращения: 01.06.2022).
23. Chess Intelligence // The Chess Player's Chronicle. L., 1878. Vol. 2. P. 159 – 165.
24. Chronology / Royal Institute of International Affairs // Bulletin of International News. 1937. Dec. 25. Vol. 14, №13. P. 14 – 35.
25. Der fünfundzwanzigste Kongress (Jubiläums-Kongress) des Deutschen Schachbundes in Magdeburg 1927. Berlin, 1927.
26. Der Internationale Schachkongress des Barmer Schachvereins 1905. Zürich, 1984.
27. Deutsche Schachzeitung. Leipzig, 1914. Bd. 69.
28. Deutsches Wochenschach. Braunschweig, 1890. Jg. 6.
29. Einwohnerbuch von Königsberg und den Vororten. 1935. Königsberg, 1935.
30. Einwohnerbuch Königsberg (Pr.) 1937. Königsberg, 1937.
31. Einwohnerbuch Königsberg (Pr.) 1941. Königsberg, 1941.
32. Eva Schmidt obituary. URL: <https://www.legacy.com/us/obituaries/press-connects/name/eva-schmidt-obituary?id=27569351> (дата обращения: 01.06.2022).
33. Fiske D.W. The Book of the First American Chess Congress. N. Y., 1859.
34. Heinz Lehmann. URL: <https://www.chessgames.com/perl/chessplayer?pid=45096> (дата обращения: 01.06.2022).
35. Hirschfeld, P.M. – Amelung, F.L. 1862. URL: <http://www.edochess.ca/matches/m2645.html> (дата обращения: 01.06.2022).
36. Jolowicz H. Geschichte der Juden in Königsberg i. Pr. Posen, 1867.
37. Juliane Hund. URL: <https://www.teleschach.com/Juliane/> (дата обращения: 01.06.2022).
38. Königsberg 1926. URL: <http://www.edochess.ca/tournaments/t2926.html> (дата обращения: 01.06.2022).
39. Lasker in Königsberg // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1913. 8 Dez. S. 4.
40. Lokales und Allgemeines // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1913. 7 Dez. S. 2.
41. Ludwig Engels. URL: <http://www.brasilbase.pro.br/jenge.php> (дата обращения: 01.06.2022).
42. Magacs E. R., Negele M. Paul Felix Schmidt A Winning Formula. Berlin, 2017.
43. Mitgliederzahlen des Deutschen Schachbundes von 1921. URL: <https://www.schachbund.de/mitgliederzahlen-1921.html> (дата обращения: 01.06.2022).
44. Müller W., Reiß M. Heinz de Carbonnel. URL: <https://www.msc1836.de/mehr20180727.php> (дата обращения: 01.06.2022).
45. Nachrichten // Wiener Schach-Zeitung. 1927. №3. S. 35 – 36.
46. Nachrichten // Wiener Schach-Zeitung. 1938. №1. S. 12 – 13.
47. Negele M. Gustav Richard Ludwig Neumann. URL: <https://www.schachbund.de/news/gustav-richard-ludwig-neumann.html> (дата обращения: 01.06.2022).
48. Nickel A. Julius Mendheim. Genialer Meister des frühen 19. Jahrhunderts. Berlin, 2018.
49. Nürnberger C. Adreßbuch der Haupt- und Residenzstadt Königsberg i. Pr. für 1859. Königsberg, 1859.
50. Nürnberger C. Adreßbuch der Haupt- und Residenzstadt Königsberg i. Pr. für 1864. Königsberg, 1864.
51. Nürnberger C. Adreßbuch der Haupt- und Residenzstadt Königsberg i. Pr. für 1871. Königsberg, 1871.
52. Nürnberger C. Adreßbuch der Haupt- und Residenzstadt Königsberg i. Pr. für 1873. Königsberg, 1873.



53. *Nürmberger C.* Adreßbuch der Haupt- und Residenzstadt Königsberg i. Pr. für 1881. Königsberg, 1881.
54. *Paul Saladin Leonhardt* // Wiener Schach-Zeitung. 1935. №1. S. 12–13.
55. *Paul Wechselmann*. URL: <https://www.joodsmonument.nl/en/page/125213/paul-wechselman> (дата обращения: 01.06.2022).
56. *Rohrer Ch.* World Chess Champion and Favourite of Hans Frank? Assessing Alexander Alekhine's Closeness to the National Socialist Regime. Stuttgart, 2021. URL: https://elib.uni-stuttgart.de/bitstream/11682/11576/1/2021_Rohrer_Alekhine.pdf (дата обращения: 01.06.2022).
57. *Rostock 1942*. URL: <https://www.schachbund.de/rostock-1942.html> (дата обращения: 01.06.2022).
58. *Sánchez M. A.* José Raúl Capablanca. A Chess Biography. Jefferson, 2015.
59. *Schach-Jahrbuch* für 1892/93. Leipzig, 1893.
60. *Schachkompositionen* 1865. URL: <https://www.schach-chess.com/Schachgeschichte/schachkompositionen-1865.htm> (дата обращения: 01.06.2022).
61. *Schachzeitung* der Berliner Schachgesellschaft. Leipzig, 1859. Jg. 14.
62. *Schachzeitung* der Berliner Schachgesellschaft. Leipzig, 1860. Jg. 15.
63. *Schachzeitung* der Berliner Schachgesellschaft. Leipzig, 1902. Jg. 57.
64. *Seehofer W.* Herbert Ahues // Harmonie-Aktiv. 2015. Jg. 29, H. 127. S. 87.
65. *Struckmeyer N.* Wolff, Johann Eduard // Pariser Lehrjahre. Ein Lexikon zur Ausbildung deutscher Maler in der französischen Hauptstadt / hrsg. von B. Savoy, F. Nerlich. Berlin ; Boston, 2013. Bd. 1 : 1793–1843. S. 318–319.
66. *Suchanzeigen* // Wir Ostpreussen. 1949. 15. April. S. 7.
67. *Tilitzki Ch.* Die Albertus-Universität Königsberg. Ihre Geschichte von der Reichsgründung bis zum Untergang der Provinz Ostpreußen (1871–1945). Berlin, 2012. Bd. 1: 1871–1918.
68. *Weiß S.* Schlechter, Carl // Neue Deutsche Biographie. Berlin, 2007. Bd. 23. S. 33–34.
69. *Willeke G.* Informationen über Arbeiterschach in Deutschland. URL: <https://www.schachbund.de/arbeiterschach-in-deutschland.html> (дата обращения: 01.06.2022).
70. *Winter E.* Chess Notes Archive. URL: <https://www.chesshistory.com/winter/winter18.html> (дата обращения: 01.06.2022).
71. 7. *Deutsche Meisterschaft*, Bad Oeynhausen 1940. URL: <https://www.schachbund.de/dem1940.html> (дата обращения: 01.06.2022).
72. 20. *Deutsche Schacheinzelmeisterschaft 1922* in Bad Oeynhausen. URL: <https://www.teleschach.de/historie/oeynhausen1922.htm> (дата обращения: 01.06.2022).
73. 20. *DSB-Kongress* Berlin 1920. URL: <https://www.schachbund.de/dem1920.html> (дата обращения: 01.06.2022).
74. 24. *Deutsche Schacheinzelmeisterschaft 1929* in Duisburg. URL: <https://www.teleschach.de/historie/duisburg1929.htm> (дата обращения: 01.06.2022).
75. 26. *Deutsche Schacheinzelmeisterschaft 1933* in Bad Pyrmont. URL: <https://www.teleschach.de/historie/pyrmont1933.htm> (дата обращения: 01.06.2022).

Об авторе

Илья Олегович Дементьев — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: idementev@kantiana.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5530-1108>



I. O. Dementev

**“ROYAL GAME” ON THE “ROYAL MOUNTAIN”:
CHESS IN KÖNIGSBERG**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 14 July 2022

Accepted 9 August 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-5

To cite this article: Dementev I.O. 2022, “Royal game” on the “royal mountain”: chess in Königsberg, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 54–71. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-5.

71

The article explores the history of chess in Königsberg in the 19th century and the first half of the 20th century. The author gives the data on competitions held in the capital of East Prussia, as well as biographical data on players and chess composers who lived there and visited Königsberg. The reconstruction of the history of the chess movement includes the localization of chess clubs in the city. The researcher states, that in the 1850s – 1870s chess clubs with general and specialized membership flourished in the city. The Königsberg Academic Chess Club was the example of the latter. From 1878 until the end of the century chess life in East Prussia was under the umbrella of the East German Chess Union, founded to offset the difficulties of participation of local chess players in all-German tournaments because of geographical remoteness. In the 20th century several world-class players both from among the city’s visitors (Emanuel Lasker) and local residents (Paul Saladin Leonhardt) appeared in Königsberg. Leonhardt became probably the main figure representing East Prussia at national and international tournaments after the First World War. The years of Nazism witnessed persecution of local chess players of Jewish origin in Königsberg. Chess life of the city itself remained provincial. The chess history of Königsberg ceased with the Red Army storming the city in 1945. Among the participants of the storming there were also Soviet chess players. The article is addressed to chess historians, local historians and tour guides.

Keywords: East Prussia, Königsberg, Paul Saladin Leonhardt, chess

The author

Dr Ilya O. Dementev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: idementev@kantiana.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5530-1108>

Я. Г. Шепель

**ТРОЦКИСТЫ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ:
«ИСТОРИЯ В ОСКОЛКАХ»**Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Поступила в редакцию 15.07.2022 г.

Принята к публикации 29.08.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-6

72

Для цитирования: Шепель Я. Г. Троцкисты в Восточной Пруссии: «история в осколках» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №3. С. 72–84. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-6.

На основе малоизвестных и неопубликованных источников из «Архива Троцкого» Хогтонской библиотеки Гарвардского университета, Федерального архива Германии (Берлин) и Российского государственного архива социально-политической истории (Москва) впервые реконструирована история групп Объединенной левой оппозиции Коммунистической партии Германии (большевиков-ленинцев) в Восточной Пруссии в 1930–1933 гг. Представлены деятели кёнигсбергской группы, отдельные из которых (например, Г. Плев и О. Зейпольд) были активны не только на региональном, но и на общегерманском уровне. Описаны политические действия левых оппозиционеров (проведение дискуссионных вечеров, рассылка циркулярных писем по малым городам Восточной Пруссии, разбрасывание листовок на собраниях рабочих и т.д.) и показано, как влияли на местных троцкистов конфликты между лидерами Объединенной левой оппозиции – Р. Веллем, А. Грилевичем, К. Ландау и О. Зейпольдом. Также затронуты некоторые трансграничные связи троцкистов с группами в Польше. Изучение данной темы позволяет расширить представления о развитии германского троцкистского движения в его региональной перспективе и иначе посмотреть на политический ландшафт Восточной Пруссии, в котором наряду с официальными партиями существовали также и различные оппозиционные группы.

Ключевые слова: Восточная Пруссия, левая оппозиция КПГ, Лев Троцкий, Оскар Зейпольд, троцкизм

Созданная вскоре после Ноябрьской революции Коммунистическая партия Германии (КПГ) менялась в течение 1920-х гг. в сторону снижения уровня демократичности. Историк Г. Вебер охарактеризовал этот процесс как «сталинизацию», то есть «превращение КПГ из партии с высокой степенью внутренней демократии, партии, раздираемой внутренними фракционными конфликтами, в дисциплинированную партию с централизованным аппаратом управления» [43, С. 8]. Однако против такой трансформации боролись различные внутрипартийные оппозиционные течения. В 1925–1927 гг. партийное руководство вело с ними



борьбу, последовательно исключая левых (и правых) оппозиционеров из партии. В результате к 1928 г. левая оппозиция (ЛО) внутри партии была уничтожена [43, S. 182].

Левооппозиционные группы, такие как Ленинбунд и Веддингская оппозиция, действовали теперь вне партии и постепенно консолидировались. В марте 1930 г. произошло объединение Веддингской оппозиции и троцкистского меньшинства Ленинбунда и была создана Объединенная левая оппозиция КПП (большевики-ленинцы) — первая троцкистская¹ организация в Германии, число членов которой, по подсчетам историков, в конце 1932 г. составляло 600 человек в 44 группах, в том числе в Кёнигсберге [27].

В 2000-х гг. в историографии германского троцкистского движения обозначилось новое направление — история локальных групп. В 2007 г. Ф. Энгельхардт защитил в Техническом университете Хемница диссертацию «Развитие и политика троцкистской левой оппозиции в Лейпциге с 1924 г.» [38], в которой проанализировал истоки оппозиционного движения в Лейпциге второй половины 1920-х гг., ход борьбы между берлинской и лейпцигской группами троцкистов, влияние на группу «агентов ГПУ» и т.д. Также в 2007 г. была издана книга П. Беренса, смещающая фокус исследования ЛО с востока на запад Германии. В книге «Троцкисты против Гитлера» [28] П. Беренс сосредоточил внимание на важной и малоизученной теме — участии троцкистов из Рурской области в движении антифашистского Сопротивления.

В 2014 г. вышла монография М. Буа «Коммунисты против Гитлера и Сталина. Левая оппозиция КПП в Веймарской республике» [30] — масштабное исследование левооппозиционных групп, сочетающее политическую и социальную историю. Один из параграфов М. Буа посвятил региональным различиям между оппозиционными группами [30, S. 436—447] и дал общую оценку региональному аспекту истории ЛО (не только троцкистской). Также М. Буа впервые за долгое время обратился к истории Веддингской оппозиции [31, S. 58—67]. Примечательно, что тема «топографии оппозиции» нашла отражение и в российской историографии. Например, А. В. Резник изучал группы левой оппозиции в Хамовническом районе Москвы и в Пермском крае [22, с. 209—260], А. А. Фокин, В. В. Шабалин и другие историки провели исследование уральских левооппозиционных групп [25, с. 88—94]. Таким образом, об-

¹ Хотя в изученных мной источниках (в письмах и прессе) большевики-ленинцы ни разу не обозначали себя «троцкистами». В переписке О. Зейпольда с Л. Троцким О. Зейпольд употребляет слово «троцкист», лишь цитируя статью о троцкистах в Советском Союзе [7]. Это обозначение также использовали в официальной прессе КПП и в полицейских отчетах. На сегодняшний день в историографии сложился консенсус (см., напр.: [27; 28; 39; 42]), согласно которому Объединенная левая оппозиция (ОЛО) была троцкистской организацией. Такое определение имеет свои основания: ОЛО входила в Международную левую оппозицию, ее лидеры были в тесном контакте с Л. Троцким, некоторые (как, например, О. Зейпольд) находились под сильным влиянием «изгнанного пророка», главная газета левых оппозиционеров называлась *Permanente Revolution*. Я продолжу употреблять это понятие, не упуская из внимания его условность.



ращение к региональному уровню троцкистского движения — тенденция не только в германской, но и в российской историографии. В данной статье я хотел бы дополнить «топографию оппозиции» и реконструировать историю троцкистского движения в Восточной Пруссии.

При чтении монографий и статей о политической истории Восточной Пруссии в межвоенный период создается впечатление однородности и невзрачности партийного ландшафта провинции, который часто описывается таким нарративом: взлет популярности СДПГ после Ноябрьской революции, «консервативный поворот» в сторону Немецкой национальной народной партии и сползание населения провинции в национал-социализм в начале 1930-х. Обращение к истории троцкистской оппозиции дает возможность расширить представления о политической жизни Восточной Пруссии, в которой существовали не только официальные партии, но и различные оппозиционные группы, ранее ускользавшие от внимания исследователей.

На данный момент краткий обзор истории троцкистской оппозиции в провинции сделала А. Шюле в книге «Троцкизм в Германии до 1933 года» [42, S. 108–110]. На основе изучения *Permanente Revolution* исследовательница пришла к выводу, что действия кёнигсбергской группы были успешны, но локально ограничены. Исследователи рабочего движения в Восточной Пруссии дали следующую оценку троцкистам (впрочем, без ссылки на источники): «...были малочисленны и задолго до 1933 г. работали в подполье, долгое время не попадали в поле зрения гестапо и получали достоверные сообщения [из-за границы]» [40, S. 172].

Изучение троцкистских ячеек в Восточной Пруссии — нетривиальная исследовательская задача. Она осложнена ограниченностью источниковой базы: местные троцкисты, насколько известно, не вели протоколы групповых собраний и не издавали газету; не удалось найти листовки или другие агитационные материалы; в просмотренных мною фондах Федерального архива Германии нет полицейских отчетов из Кёнигсберга за 1930–1933 гг., также восточнопруссские троцкисты не оставили воспоминаний или дневников. Однако некоторые сведения о положении левых оппозиционеров в Восточной Пруссии содержатся в источниках, сохранившихся в «Архиве Троцкого» в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета: прежде всего переписка Льва Троцкого с Оскаром Зейпольдом¹ (1889–1966) и переписка между кёнигсбергским троцкистом Густавом Племом и одним из лидеров оппозиции Антоном Грилевичем (1885–1971).

Переписка между Зейпольдом и Троцким началась в феврале 1930 г. и длилась до января 1933 г. В нескольких десятках писем Зейпольд от-

¹ Оскар Зейпольд родился в 1889 г. в Лодзи (Российская империя). Перед Первой мировой войной он работал на различных ткацких предприятиях в Германии, в этот же период вступил в Социал-демократическую партию Германии. Зейпольд встретил войну на службе в русской армии, в первые недели попал в германский плен. После окончания войны получил прусское гражданство и поселился в г. Даркемене (ныне г. Озёрск Калининградской области). В 1920 г. вступил в КПГ, участвовал в подготовке революционного восстания в 1923 г. После провала восстания был арестован и до 1927 г. находился в тюрьме. После осво-



правлял Троцкому отчеты не только о ситуации в управленческом органе (рейхсляйтунге) Объединенной левой оппозиции, но и о состоянии кёнигсбергской группы. Ценность отчетов заключается в том, что Зейпольд, будучи депутатом Прусского ландтага, имел право бесплатного проезда на поезде, благодаря чему мог посещать различные местные группы ОЛО в разных частях Германии. Отложившиеся в архиве письма Г. Плепа также ценны, так как он, в отличие от Зейпольда, постоянно работал в Кёнигсберге. Также при написании данной статьи были использованы некоторые оцифрованные статьи из центральной газеты ОЛО *Permanente Revolution*, выходившей с июля 1931 по февраль 1933 г.

На сегодняшний день сложно сказать, как сталинизация КПГ отражалась на восточнопруссских коммунистах и когда в провинции появились первые троцкисты. Из письма А. Грилевича Л. Д. Троцкому известно, что кёнигсбергская группа левых оппозиционеров «не была принята Урбансом в Л[енин]Б[унд], так как она настаивала на платформе оппозиции в Л[енин]Б[унде]» [4]. Следовательно, после 1928 г. (основание Ленинбунда) в Кёнигсберге уже существовала некая левооппозиционная группа, которая имела конфликт с Г. Урбансом (1890–1946). Исследователь Ленинбунда Р. Циммерман отмечал, что «в Восточной Пруссии были локальные организации [Ленинбунда] в Кёнигсберге и Эльбинге» [47, S. 96], которые сохранились несмотря на уход из союза восточнопруссского коммуниста Карла Германа [47, S. 181]. На выборах в Рейхстаг в 1928 г. ЛБ участвовал с отдельным от КПГ партийным списком, где набрал всего 80 тыс. голосов (0,26 %), а в Восточной Пруссии – 0,3 % [46].

Первым известным на сегодняшний день троцкистом в Кёнигсберге, вероятно, был Оскар Зейпольд. В 1929 г. на митинге в честь Ленина – Либкнехта – Люксембург он произнес речь, в которой заявил, что, «если Советский Союз будет в опасности, только [Троцкий] и никто другой (нужно понимать, что не Сталин)¹ должен вести революционный фронт, как в 1917 году» [18], позднее Зейпольд также распространял в Кёнигсберге «Завещание Ленина» [18]. Несмотря на эти действия, он не был сразу изгнан из партии, а в феврале 1930 г. даже стал депутатом Прусского ландтага от КПГ. Перед этим он уже сблизился с меньшинством Ленинбунда, в частности с А. Грилевичем. Партия потребовала

бождения возглавил восточнопрусское отделение Союза красных фронтовиков. Примерно в 1928–1929 гг. вступил в Ленинбунд, а в 1930 г. – в ОЛО. В том же году из-за смерти Эрнста Мейера (1887–1930), шедшего перед ним в партийном списке на выборах в Прусский ландтаг, Зейпольд получил депутатский мандат. Партийное руководство потребовало от него отказаться от мандата из-за его симпатий к ЛО, но безуспешно, вследствие чего Зейпольд был исключен из КПГ. В марте 1933 г. был арестован и до декабря находился в тюрьме, затем отпущен, некоторое время жил в Кёнигсберге. После доноса на него был вынужден бежать в Прагу, где продолжил политическую деятельность. В 1937 г. бежал из Праги в Лодзь, где жил под фамилией «Зепольд» до 1945 г. После Второй мировой войны жил сначала в Советской зоне оккупации, а затем на западе Германии. Умер в 1966 г. О биографии О. Зейпольда см.: [3, с. 64–65; 44, S. 861–862].

¹ Этот комментарий в скобках написан самим Зейпольдом.



от Зейпольда отказаться от мандата, но он не выполнил это требование, был изгнан из партии, однако остался в ландтаге как внефракционный депутат.

В марте 1930 г. в Берлине состоялась объединительная конференция ЛО. В ней приняли участие делегаты от Кёнигсберга [32, Вл. 42 (на обороте)] — Оскар Зейпольд [30, S. 321] и, возможно, Густав Плеп¹. О Г. Плепе известно, что в апреле 1930 г. он вслед за О. Зейпольдом пытался вступить в контакт с Троцким, но его письмо, скорее всего, не дошло до адресата, Троцкий написал Зейпольду, что не получал писем от Плепа. Последний высказал свое недовольство Зейпольду: «С 1925 года я сражался за товарища Троцкого, как лев, я буду делать это и дальше, но больно видеть, что он не может написать пару строчек для пролетариев; я не докучал ему несущественной ерундой» [16].

76

В начале 1930 г. Г. Плеп участвовал в переправке в СССР «Бюллетеня оппозиции» (большевиков-ленинцев) — печатного органа русской секции Четвертого интернационала, который редактировал Лев Троцкий. Судя по письму Г. Плепа А. Грилевичу, существовал следующий маршрут: бюллетени (10—20 штук каждого номера) отправлялись в Кёнигсберг Г. Плепу от Г. Урбанса или А. Грилевича из Берлина, далее Г. Плеп передавал экземпляры журнала советским морякам или служащим советского торгпредства в Кёнигсберге. На основе письма можно предположить, что маршрут функционировал плохо или не функционировал вовсе:

Также в данный момент мы не имеем возможности распространять получаемые от Вас Бюллетени. Признание этого для нас всех и в особенности для меня очень неприятно... Мы непрерывно работаем над тем, чтобы установить связь с пребывающими здесь русскими. Вы, конечно, должны иметь в виду, что отношения здесь строятся иначе, чем у Вас в Берлине. В зимние месяцы мы не имеем сообщения с русскими товарищами, так как с поздней осени до весны русские корабли к нам не заходят из-за льда на Неве. Также в торговом представительстве «Дерутра»² в последнее время так часто менялись служащие, что мы даже не знаем, сколько всего русских здесь есть. Связь с торгпредством мы имеем только через одну женщину-товарища, которая принадлежит фракции Брандлера. Другие КПГ-человечки [KPD-Leutschen] все, конечно, десять раз отсеяны и присягнули Сталину — Тельману. Также с русскими. Они не вступают в разговор на улицах. Сейчас мы узнаем их адреса и разыщем каждого лично. В любом случае будьте уверены, товарищ, что мы применим все силы, все испробуем, чтобы установить сообщение для платного сбыта русского бюллетеня [5].

¹ Г. Плеп участвовал в переговорах по подготовке объединительной конференции. См.: [34, p. 148, 215].

² Дерутра (Deutsch-Russische Transport-Aktiengesellschaft — «Немецко-русское транспортное акционерное общество») — совместная советско-немецкая транспортная компания, существовавшая в 1921—1934 гг. Штаб-квартира находилась в Берлине, также имелись представительства в других городах Германии, в том числе в Кёнигсберге [39, S. 31].



Стоит отметить, что обозначенный маршрут (из основной части Германии в Кёнигсберг, а дальше через посредников в Россию) не был новым, подобная схема доставки контрабандной литературы сложилась еще во второй половине XIX — начале XX в., когда различные революционные группы, находясь в европейских странах, использовали посредников в Восточной Пруссии и с их помощью переправляли в Россию запрещенные издания, например журнал «Колокол» или газету «Искра» [3, с. 45—49]. Однако неизвестно, насколько хорошо была налажена поставка «Бюллетеня оппозиции».

Описание Г. Плепа свидетельствует о том, что контрабанда печатных изданий шла в Берлине лучше, чем в Кёнигсберге. Преимущества географической близости Восточной Пруссии к Советскому Союзу нивелировались зимой, когда затруднялось пароходное сообщение между Ленинградом и Кёнигсбергом. Судя по письму, контроль за кадрами в советских учреждениях в Кёнигсберге был строже, чем в Берлине. Это дает новую оптику для понимания места Восточной Пруссии — провинции, которая на протяжении второй половины XIX в. была убежищем для разных российских революционеров, переправлявших на восток запрещенную литературу, а в межвоенный период, не имея общей границы с Советским Союзом, она стала местом, где подобная трансграничная революционная деятельность была сильно осложнена.

После создания ОЛО в марте 1930 г. в ней продолжились конфликты между группами Ландау (Веддингская оппозиция) и Грилевича (меньшинство Ленинбунда). Раскол в верхах негативно повлиял и на региональные группы: в частности, Зейпольд в конце апреля 1930 г. рапортовал Троцкому, что из-за постоянных конфликтов в рейхсляйтунге ОЛО из кёнигсбергской группы ушли шесть человек из четырнадцати [16]. При этом в июне того же года он сообщал, что уже из-за противодействия Г. Урбанса группу покинули семь человек из шестнадцати [9]. Исследователь В. Аллес без ссылки на источник пишет, что в кёнигсбергской группе после раскола ОЛО (на группу А. Грилевича и группу К. Ландау) было десять человек [27]; М. Буа приводит сведения, что в Кёнигсберге также существовала группа сторонников К. Ландау [30, S. 336]. Видимо, в группе была текучка кадров, но, несмотря на это положение, троцкистам удавалось проводить некоторые политические акции. Например, в июне 1930 г. они разбросали листовки на конференции делегатов «Красной помощи» — благотворительной организации КПП, что вызвало недовольство местного секретаря компартии, который посвятил этому партийное собрание, где подверг критике коммунистов, симпатизирующих оппозиции, так что им пришлось публично каяться [9].

Конфликты среди членов рейхсляйтунга ОЛО продолжались. Осенью 1930 г. Г. Плеп был настолько потрясен внутренними ссорами, что хотел вернуться в КПП [21], но остался в оппозиции и принял участие во внутренней дискуссии о профсоюзах. Он имел собственную профсоюзную программу и выступал против К. Ландау, считавшего, что ОЛО не должна принципиально отказываться от сотрудничества с близкой к КПП организацией — Революционной профсоюзной оппозицией (Revolutionäre Gewerkschafts Opposition) [5; 30, S. 325—326].



В июне 1931 г. Плеп все-таки ушел из троцкистской группы. Таким образом он хотел оказать давление на А. Грилевича и его сторонников, чтобы те заключили соглашение с К. Ландау и прекратили ссоры [13]. Группы так и не примирились, но Г. Плеп вскоре вернулся в кёнигсбергскую ячейку. В ответ кёнигсбергские троцкисты потребовали, чтобы вернувшийся Г. Плеп больше не возглавлял группу, так как он «их не понимает, слишком груб и т.д., дерется и выживает товарищей [из группы]» [13]. Новым председателем был избран Оскар Зейпольд [13], но уже в августе его сменил другой человек, имя которого пока не удалось установить [10]. Все эти события свидетельствуют о плачевном состоянии кёнигсбергской группы большевиков-ленинцев.

Осенью 1930 г. лидер правоконсервативной организации «Стальной шлем» Ф. Зельдте инициировал начало обсуждения референдума о роспуске Прусского ландтага. С осени 1930 г. в контексте завершившихся выборов в рейхстаг Прусский ландтаг с его социал-демократическим большинством (137 мандатов [45]) считался «последним прибежищем» демократии. Впоследствии КПГ фактически поддержала этот референдум, чтобы победить «социал-фашистов» [2, с. 519–520]. Члены кёнигсбергской группы указали О. Зейпольду на недостаток оппозиционных пропагандистских материалов по референдуму, самостоятельно составили циркулярное письмо, напечатали 70 копий и разослали их по разным адресам в провинции [10]; к сожалению, его содержание неизвестно.

В марте 1932 г. Пауль Плеп, брат Густава, который также состоял в группе, писал в газете *Permanente Revolution*, что в конце января в Кёнигсберге состоялся дискуссионный вечер на тему «Что такое левая оппозиция КПГ и чего она хочет?». Были приглашены все сочувствующие оппозиции коммунисты, в том числе сторонники Генриха Брандлера [41], то есть правой оппозиции КПГ. Подобное взаимодействие между левыми и правыми оппозиционерами было довольно редким [30, S. 368–370].

Осенью 1932 г. О. Зейпольд писал Л. Троцкому, что группа в Кёнигсберге прекратила свою деятельность (была «заморожена») [8]. Сам он в этот период находился в Берлине и хотел вскоре вернуться в Кёнигсберг, чтобы совместно с коммунистом из круга Франца Пфемферта, редактора журнала *Die Aktion*, создать новую группу [8]. Нет сведений о том, что эта инициатива увенчалась успехом.

Троцкистские группы существовали и в других городах Восточной Пруссии – в Гольдапе и Даркемене. Группу из троих человек в Даркемене организовал Оскар Зейпольд в сентябре 1931 г. [14] Вероятно, она просуществовала лишь несколько месяцев, поскольку в конце года Зейпольд писал, что в Даркемене основана новая группа уже из двух человек [19]. О группе в Гольдапе известно лишь то, что после раскола ОЛО в ней состояло пятеро [27; 42, S. 83–84].

Хотя Оскар Зейпольд довольно часто писал о локальных делах, Льву Троцкому были более интересны другие темы: конфликты между левыми оппозиционерами, выступление Оскара Зейпольда в Прусском ландтаге. На новости из Восточной Пруссии он никак не реагировал и не интересовался ими.

Среди корреспондентов Л. Троцкого был еще один кенигсбержец – Август Бунк (1855–?). В декабре 1932 г. О. Зейпольд попросил Л. Троцкого поздравить А. Бунка с днем рождения. Зейпольд описал «старейшину» кёнигсбергских троцкистов следующим образом:



...25 декабря ему исполнится 78 лет, с 1882 года [он] в политической организации. Два года назад был исключен из К[оммунистической] П[артии] из-за левооппозиционной пропаганды. Теперь он приблизился к пятидесятилетию политической деятельности и членства в организации. Несмотря на свои 78 лет, он очень активен политически. Был одним из первых социал-демократов в Кёнигсберге, из-за бисмарковского закона о социалистах был «последним человеком», потерял работу и хлеб за свою верность делу пролетариата. Был в КПГ с ее основания. На него произвело бы сильное впечатление, если бы Вы отправили ему небольшое поздравление, можно иногда делать подобные исключения [11].

Через десять дней Л. Троцкий послал Августу Бунку короткое поздравительное письмо:

Дорогой и любимый товарищ Бунк!

От Ваших друзей, которые также и мои друзья, я узнал, что в эти дни Вы приближаетесь к пятидесятилетию юбилею политической деятельности на службе пролетариату. У нас не так много стариков, которые сохранили свою свежесть спустя половину столетия. Тем энергичнее мое глубочайшее поздравление с Вашей «золотой свадьбой» с пролетарской революцией.

С коммунистическим рукопожатием по-братски обнимаю Вас [6].

В следующем письме Зейпольд передал благодарность от А. Бунка: «Товарищ Бунк прочитал добросердечное приветствие и сказал, что посвятит последние годы своей жизни нашей совместной работе. Он очень рад Вашим словам. “Когда бы Сталин написал Бунку”, — сказал он» [17].

Эта короткая переписка между Кёнигсбергом и Принкипо в канун Рождества 1932 г. хотя и не является значимым политическим событием, позволяет по крайней мере установить имя еще одного кёнигсбергского троцкиста.

В декабре 1932 г. в кёнигсбергской группе произошел раскол — Густав Плеп и его товарищи окончательно покинули троцкистскую группу. По словам Зейпольда, поводом для отделения от группы для Плепа стало прочтение книг советских невозвращенцев — чекиста Г. С. Агабекова и дипломата Г. С. Беседовского¹: «Все же Г. Плеп доверился ГПУ после того, как он прочитал книги Агабекова и Беседовского (!), “Тьфу, к черту”, — сказал он. Да, это принесло нам немного хлопот» [15]. Г. Плеп также отвернулся от Л. Троцкого, Зейпольд писал, что его авторитеты — это Аркадий Маслов и Рут Фишер [12]. На сегодняшний день из-за недостатка источников сложно понять, на какие именно позиции перешел Г. Плеп, когда покинул оппозицию.

В январе 1933 г. завершилась переписка О. Зейпольда с Л. Троцким, прекратился выпуск *Permanente Revolution*. После разоблачения внедренного в среду троцкистов агента ГПУ Романа Велля, который долгое время был влиятельным оппозиционером, ОЛО вошла в еще более острый (и последний) кризис, чем тот, который сопровождал ее на протяжении трех лет существования. Вслед за приходом к власти национал-социалистов в Пруссии были проведены аресты политически неблагонадежных

¹ Возможно, имеются в виду книги: [26; 29].



граждан [33, S. 37]. Коммунисты из разных городов Германии покинули страну, были арестованы, «залегли на дно», прекратив политическую деятельность, или приняли участие в движении Сопротивления.

Оскар Зейпольд был арестован «двумя полицейскими в штатском» в марте 1933 г. в Инстербурге (совр. г. Черняховск Калининградской области), несколько месяцев его переводили из одной тюрьмы в другую, не предъявляя при этом обвинения [1]. В итоге он был выпущен из тюрьмы в декабре 1933 г., что, возможно, связано с рождественской амнистией — пропагандистской акцией нацистского государства, приуроченной к победе НСДАП на выборах в рейхстаг 12 ноября 1933 г. В ходе акции, призванной «примирить народ», из тюрем было освобождено несколько тысяч человек. Отбор кандидатов для амнистии был возложен на тюремное начальство. На свободе амнистированные находились под пристальным вниманием полиции. Вернувшись в Кёнигсберг, Зейпольд, по его собственным словам, распространял «листовки против режима Гитлера» [1]. Длилось это недолго, вскоре на него написал донос в гестапо «бывший коммунист» Фриц Бауман, но Зейпольду удалось покинуть квартиру до прихода полицейских. Он бежал в Прагу, где тогда собирались многие германские политические эмигранты.

Единственные сведения о кёнигсбергских троцкистах в движении Сопротивления содержатся в стенограмме доклада о работе «Абвер-Аппарата», который заведомо кадров Коминтерна Георгий Алиханов 31 января 1937 г. отправил Димитрову, Пику, Мануильскому и Эрколи [23, л. 10]. Один из разделов доклада посвящен троцкистам. Там сказано, что до сих пор существующая группа троцкистов в Кёнигсберге «управляется извне Эрихом Волленбергом, Зейпольдом и Шайером» [23, л. 19–20]. Эрих Волленберг (1892–1973), известный коммунист и уроженец Кёнигсберга¹, действительно взаимодействовал с О. Зейпольдом в Праге, однако более точные сведения о связях «пражского центра» с кёнигсбергскими троцкистами найти пока не удалось. В личном деле О. Зейпольда из архива Коминтерна также содержится информация, что он поддерживал связь с троцкистами в Восточной Пруссии и после эмиграции из Праги в Лодзь [24, л. 47]. Как складывалась судьба Густава и Пауля Плепов после 1933 г., неизвестно, но их имена значатся в адресных книгах Кёнигсберга за 1935 и 1937 гг. [35, S. 427; 37, S. 417] — возможно, это свидетельствует о том, что они остались на свободе после 1933 г. В адресной книге 1941 г. значится только имя Густава [36, S. 209].

Известная нам на сегодняшний день история кёнигсбергской троцкистской группы — это «история в осколках». Данная метафора применительно к рассматриваемой теме отражает как фрагментарность наших знаний о троцкистах, так и стремление к расколу среди них. Письма из Архива Троцкого свидетельствуют о взаимосвязи положения в руководстве ОЛО с ситуацией на местах — раскол в верхах отрицательно влиял на кёнигсбергскую ячейку. Актив ячейки в 1930–1933 гг., судя по имеющимся источникам, не превышал шестнадцати человек. Важно, что лидеры ячейки Оскар Зейпольд и Густав Плеп обладали некоторым влиянием не только в провинциальной группе, но и на общегерманском

¹ Подробнее о Э. Волленберге см.: [3, с. 67–68; 44, S. 1044–1045].



уровне: Зейпольд был депутатом Прусского ландтага и делегатом ОЛО на парижской конференции Международной левой оппозиции в апреле 1930 г., Плеп активно участвовал в дискуссиях внутри ОЛО.

Обращает на себя внимание тот факт, что в самой восточной провинции Пруссии имелась и региональная специфика, которая требует отдельного изучения, — трансграничные связи троцкистов (например, с группой в Лодзи, где в апреле 1931 г. О. Зейпольд рассчитывал создать оппозиционную группу [20]). В условиях ограниченности источников можно сделать вывод о том, что действия местных троцкистов — разбрасывание листовок, рассылка циркулярных писем, проведение дискуссионных вечеров — едва ли имели какое-либо влияние на политическую жизнь провинции, в которой стремительно увеличивалось число избирателей НСДАП¹. Однако обращение к истории маргинальной группы оппозиционеров дает возможность увидеть разнообразие политического ландшафта провинции. Более глубокое изучение темы противодействия официальных коммунистов и левых оппозиционеров, взаимодействия левых оппозиционеров с правыми еще впереди.

Автор выражает признательность Лео Зепольду за копии материалов из семейного архива Оскара Зейпольда, а также сотрудникам Хогтонской библиотеки Гарвардского университета за терпение при сканировании бесчисленных писем из «Архива Троцкого».

Список литературы

1. *Автобиография* Оскара Зейпольда (1950-е гг.) // Личный архив Лео Зепольда (Leo Sepold).
2. Винклер Г. А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М., 2013.
3. Дементьев И. О, Шепель Я. Г. Русские революционеры в Восточной Пруссии: «забытые места памяти» // Калининградские архивы. 2020. Вып. 17. С. 41–73.
4. *Письмо* А. Грилевича Л. Троцкому от 20.02.1930 // Trotsky Archive (TA) Harvard, MS Russ 13.1, 1729.
5. *Письмо* Г. Плепа А. Грилевичу от 12.01.1930 // TA Harvard, MS Russ 13.1, 15260.
6. *Письмо* Л. Троцкого А. Бунку от 23.12.1932 // TA Harvard, MS Russ 13.1, 7442.
7. *Письмо* О. Зейпольда Л. Троцкому 13.04.1932 // TA Harvard, MS Russ 13.1, 4995.
8. *Письмо* О. Зейпольда Л. Троцкому от 08.10.1932 // TA Harvard, MS Russ 13.1, 4997.
9. *Письмо* О. Зейпольда Л. Троцкому от 11.06.1930 // TA Harvard, MS Russ 13.1, 4970.
10. *Письмо* О. Зейпольда Л. Троцкому от 13.08.1931 // TA Harvard, MS Russ 13.1, 4989.
11. *Письмо* О. Зейпольда Л. Троцкому от 13.12.1932 // TA Harvard, MS Russ 13.1, 4998.

¹ От 22,5 % на выборах в рейхстаг в 1930 г. до 56,5 % на выборах в рейхстаг в 1933 г. [47].



12. Письмо О. Зейпольда Л. Троцкому от 17.01.1933 // TA Harvard, MS Russ 13.1, 5001.
13. Письмо О. Зейпольда Л. Троцкому от 23.06.1931 // TA Harvard, MS Russ 13.1, 4986.
14. Письмо О. Зейпольда Л. Троцкому от 27.09.1931 // TA Harvard, MS Russ 13.1, 4991.
15. Письмо О. Зейпольда Л. Троцкому от 28.12.1932 // TA Harvard, MS Russ 13.1, 4999.
16. Письмо О. Зейпольда Л. Троцкому от 30.04.1930 // TA Harvard, MS Russ 13.1, 4966.
17. Письмо О. Зейпольда Л. Троцкому от 31.12.1932 // TA Harvard, MS Russ 13.1, 5000.
18. Письмо О. Зейпольда Л. Троцкому от 04.08.1930 // TA Harvard, MS Russ 13.1, 4973.
19. Письмо О. Зейпольда Л. Троцкому. Без даты. Приблизительно конец 1932 г. // TA Harvard, MS Russ 13.1, 4993.
20. Письмо О. Зейпольда Л. Троцкому. Без даты. Приблизительно начало 1933 г. // TA Harvard, MS Russ 13.1, 5002.
21. Письмо О. Зейпольда Л. Троцкому от 14.10.1930 // TA Harvard, MS Russ 13.1, 4974.
22. Резник А. В. Троцкий и товарищи. Левая оппозиция и политическая культура ВКП(б), 1923 – 1924 годы. СПб., 2018.
23. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 12. Д. 158 (Переписка Эрколи с Отделом кадров и Управделами ИККИ).
24. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 272. Д. 3228. Личное дело (коллективное). Док. 29 (Личное дело Зейпольд Оскар).
25. Фокин А. А., Шабалин В. В. Левая оппозиция на Урале после 1927 года: планы и судьбы // Исторический журнал: научные исследования. 2019. №6. С. 88 – 94.
26. Agabekov G. S. Die Tscheka bei der Arbeit. Stuttgart, 1932.
27. Alles W. German Trotskyism in the 1930s // Revolutionary History. 1989. Vol. 2, №3. URL: <https://www.marxists.org/history/etol/revhist/backiss/vol2/no3/gertrots.html#n10> (дата обращения: 13.06.2022).
28. Berens P. Trotzlisten gegen Hitler. Köln, 2007.
29. Bessedowsky G. Im Dienste der Sowjets. Leipzig, 1930.
30. Bois M. Kommunisten gegen Hitler und Stalin. Die linke Opposition der KPD in der Weimarer Republik. Eine Gesamtdarstellung. Essen, 2014.
31. Bois M. Vergessene Kommunisten. Die "Weddinger Opposition" der KPD // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. Berlin, 2008. S. 58 – 67.
32. Bundesarchiv. R 1501/20214 (Linke und Splittergruppen der KPD).
33. Dröbisch K., Wieland G. System der NS-Konzentrationslager 1933 – 1939. Berlin, 1993.
34. Durand D. Opposants à Staline. T. 2 // Cahiers Leon Trotsky. 1988. №33.
35. Einwohnerbuch Königsberg. 1937. Jg. 85. Königsberg, 1937.
36. Einwohnerbuch Königsberg. 1941. Jg. 89. Königsberg, 1941.
37. Einwohnerbuch von Königsberg und Vororten. 1935. Jg. 83. Königsberg, 1935.
38. Engelhardt F. Entwicklung und Politik der trotzkistischen Linksoption in Leipzig ab 1924 : Magisterarbeit. Chemnitz, 2007.



39. Heeke M. Reisen zu den Sowjets. Der ausländische Tourismus in Rußland 1921 – 1941. Münster, 2003.

40. Matull W., Sommerfeld M. Der Anteil der ostpreußischen Arbeiterbewegung gegen den Nationalsozialismus // Jahrbuch der Albertus-Universität Königsberg/Pr. Würzburg, 1967. Bd. 17. S. 164 – 178.

41. P. P. Königsberg // Permanente Revolution. 01.03.1932. Jg. 2. № 5. URL: <https://sites.google.com/site/sozialistischeklassiker2punkt0/permanente-revolution/2-jahrgang-nr-5/permanente-revolution-die-opposition-im-kampf> (дата обращения: 13.06.2022).

42. Schüle A. Trotzismus in Deutschland bis 1933. „Für die Arbeitereinheitsfront zur Abwehr des Faschismus“. Köln, 1989.

43. Weber H. Die Wandlung des deutschen Kommunismus. Die Stalinisierung der KPD in der Weimarer Republik. Frankfurt a/M, 1969. Bd. 1.

44. Weber H., Herbst A. Deutsche Kommunisten. Biographisches Handbuch 1918 bis 1945. Berlin, 2008.

45. Weimarer Republik 1918 – 1933. Landtagswahlen. Freistaat Preußen. URL: <https://www.wahlen-in-deutschland.de/wlPreussen.htm> (дата обращения: 13.06.2022).

46. Weimarer Republik 1918 – 1933. Reichstagswahlen. Provinz Ostpreußen. URL: <https://www.wahlen-in-deutschland.de/wuupostpreussen.htm> (дата обращения: 29.04.2022).

47. Zimmermann R. Der Leninbund. Linke Kommunisten in der Weimarer Republik. Düsseldorf, 1978.

Об авторе

Яков Геннадьевич Шепель – магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: iakovshep@gmail.com

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9160-2140>

Ia. G. Shepel

THE TROTSKYISTS IN EAST PRUSSIA: “HISTORY IN SHARDS”

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Received 15 July 2022

Accepted 29 August 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-6

To cite this article: Shepel Ia. G. 2022, The Trotskyists in East Prussia: “history in shards”, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 72 – 84 doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-6.

Based on little-known and unpublished sources from the “Trotsky Archive” at the Harvard University’s Hogton Library, the German Federal Archives (Berlin) and the Russian State Archive of Social and Political History (Moscow), the article for the first time reconstructs the



history of the United Left Opposition groups of the German Communist Party (Bolshevik-Leninists) in East Prussia in 1930-1933. The research highlights the figures of the Königsberg group, some of whom (e.g. Gustav Plep and Oskar Seipold) were active not only regionally, but also at the all-German level. The author describes the political activities of the leftist opposition (holding discussion evenings, sending circular letters to small towns in East Prussia, distributing leaflets at workers' gatherings, etc.), and shows how local Trotskyists were influenced by conflicts between the leaders of the United Left Opposition - Roman Well, Anton Grylewicz, Kurt Landau and Oskar Seipold. The article considers some cross-border links of Trotskyists with groups in Poland. The study of this topic makes it possible to broaden the understanding of the development of the German Trotskyist movement in its regional perspective and to look differently at the political landscape of East Prussia, in which various opposition groups existed alongside the official parties.

Keywords: East Prussia, Left opposition of KPD, Leon Trotsky, Oskar Seipold, Trotskyism

The author

Iakov G. Shepel, Master's Student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

E-mail: iakovshep@gmail.com

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9160-2140>

УДК 32.019.51 + 94(470) + 303.446.4 + 81'373.4

А. А. Давиденко

**ПОНЯТИЕ «ВОЙНЫ ПАМЯТИ»
В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 16.07.2022 г.

Принята к публикации 12.08.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-7

85

Для цитирования: Давиденко А. А. Понятие «войны памяти» в современных исследованиях коллективной памяти // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №3. С. 85–95. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-7.

Анализируется применение исследователями понятия «войны памяти» / «мемориальные войны» в современной литературе о конфликтах коллективных представлений о прошлом. Автор демонстрирует, что в конце 1990-х – начале 2000-х гг. данный термин еще не был связан исключительно с политической сферой, в рамках которой разные социальные группы транслировали исторические нарративы, однако уже в 2000–2010-е гг. утвердилось современное понимание словосочетания «войны памяти», ставшего с этого момента общеупотребительным в современных исследованиях коллективной памяти для характеристики ее конфликтности. Отмечается, что в исследованиях столкновений исторических нарративов активное внимание уделяется содержательной стороне изучаемых процессов, на фоне чего попытки дать строгую дефиницию понятию «войны памяти» являются заметно более редкими. Исходя из изучения практики применения понятия «войны памяти» делается вывод о том, что оно еще не получило должного осмысления в качестве элемента категориального аппарата *memory studies*, и вопрос о его релевантности задачам современных исследований заслуживает отдельного внимания.

Ключевые слова: войны памяти, исторический нарратив, коллективная память, мнемонический конфликт, *memory studies*

Последние три десятилетия стали временем становления и активного развития в мировой науке нового междисциплинарного направления, тесно связанного с изучением прошлого, – исследований памяти (*memory studies*). Об этом процессе свидетельствуют учреждение в 2008 г. журнала *Memory Studies*, появление с 2010 г. специализированной книжной серии *Palgrave Macmillan Memory Studies* (только в ней к настоящему моменту издано уже 83 монографии, и еще 3 планируются к публикации в течение 2022 г.). К этому можно добавить целый ряд монографий



и статей в журналах и сборниках, вышедших в других издательствах. Маркером оформления корпоративной академической культуры в этой сфере стала регистрация в 2017 г. в Нидерландах Ассоциации исследований памяти (*Memory Studies Association*), оргкомитет которой ежегодно собирает крупные международные коллективы участников конференций.

Предметом изучения в рамках данного направления является коллективная память субкультур, этнических и религиозных групп, наций и пр. С учетом сложной конфигурации обществ, особенностей их исторического развития, наконец, специфических свойств человеческой памяти естественно, что представители социума нередко оказываются носителями разных, зачастую конфликтных, воспоминаний об одних и тех же событиях прошлого. Для изучения коллективной памяти в целом и мнемонических конфликтов в частности исследователи применяют набор аналитических категорий, среди которых широкоупотребительным стало понятие «войны памяти» / «мемориальные войны». Цель данной статьи — определить теоретико-методологическую специфику применения термина «войны памяти» в научных исследованиях, направленных на изучение коллективной памяти.

Наиболее ранние работы о проблемах памяти, авторы которых применяли данное понятие, посвящены гендерной проблематике и относятся к концу 1990-х — началу 2000-х гг. В статье американской исследовательницы Шелли Парк «Пересматривая войны памяти. Некоторые феминистские философские размышления», опубликованной в сборнике «Фрагмент за фрагментом: феминистские перспективы в сфере памяти и детского сексуального насилия» (1999), термином «войны памяти» описывался гендерный конфликт в американском обществе, вызванный деятельностью Организации синдрома ложной памяти (*False Memory Syndrome Foundation*) (1992—2019). Ее сотрудники по итогам ряда психологических экспериментов пришли к выводу о возможности формирования «ложной памяти» — воспоминаний человека о не происходивших в действительности событиях, что стало аргументом исследователей в пользу критического отношения институтов правопорядка к воспоминаниям женщин о пережитом сексуальном насилии [20, р. 289]. Спустя четыре года канадская исследовательница Сьюзан Кэмпбелл в статье «Относительное воспоминание: переосмысляя войны памяти» указывала, что термин «войны памяти» характеризовал дебаты в среде психологов и психотерапевтов, где обозначились принципиально противоположные позиции по вопросу о том, существует ли в действительности «восстановленная память» о таких явлениях, как пережитое в детском возрасте насилие, или подобные воспоминания искусственно возникают у человека под влиянием активного внимания к этой проблеме в обществе и СМИ [13, р. 9]. Таким образом, раннее обращение к феномену войн памяти происходило в науке в рамках антропологического направления с акцентом на изучении свойств индивидуальной памяти, то есть на внутреннем (нейроментальном) уровне, как его определял Ян Ассман [10, р. 109].

В 2000-е гг. произошел переход от изучения индивидуального мемориального опыта к коллективным практикам памяти о прошлом. По итогам этого процесса понятие «войны памяти» оказалось прочно вплетено



в канву исследований того, как противостоят друг другу исторические нарративы современных больших и малых социальных групп. Актуализация коллективной памяти такого рода происходила в сложной обстановке трансформации политической и мемориальной культуры как в Западной, так и в Восточной Европе рубежа XX—XXI вв. (см. подробнее об этом: [5; 9; 16; 28]).

В 2003 г. вышла монография российского антрополога В.А. Шнирельмана «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье», где автор демонстрирует, как споры о прошлом становились почвой для вооруженных конфликтов, разгоревшихся в регионе в конце 1980-х — начале 1990-х гг.: армянско-азербайджанского, грузино-абхазского и грузинско-южноосетинского. По убеждению В.А. Шнирельмана, одну из ключевых ролей в национальных и этнических конфликтах памяти играют историки, руками которых конструируется «историческая истина» (здесь исследователь ссылается на специалистов по методологии истории) [8, с. 15]. Словосочетание «историческая истина» автор берет в кавычки, подчеркивая условность этого явления с учетом того, что работа историка определяется не исключительно научными установками, но также широким набором других факторов. В.А. Шнирельман использует категории «национальный историк» и «местный историк» для того, чтобы показать специфику генезиса национальных версий прошлого. Согласно В.А. Шнирельману, конфликтогенность создаваемого национальным историком нарратива обуславливается тем, что конструктор «исторической истины» изначально оказывается под давлением одновременно с нескольких сторон — официальной в лице власти и неофициальной, представленной обществом, к которому принадлежат родственники, друзья и коллеги историка [8, с. 19—20]. В книге показаны и примеры, когда историки сопротивлялись этому давлению. Несмотря на то что автор напрямую не использует понятие «войны памяти», он раскрывает часть механизма формирования мнемонических конфликтов, тем самым пунктиром намечая возможную траекторию дальнейших исследований в этой области.

Среди зарубежных ученых на понятии «войны памяти» заостряет внимание немецкая исследовательница Астрид Эрл в книге «Память в культуре» (2011). Она отмечает, что понятие «войны памяти» было адаптировано французской интеллектуальной средой (*guerres de mémoires*) для описания дискуссий внутри французского общества по вопросу о том, какие представители социума имеют право на создание картины прошлого. В дальнейшем этот термин французские исследователи перенесли на похожие процессы в других странах [14, р. 10].

Свой взгляд на понятие «войны памяти» отразил российский историк Г.А. Бордюгов в книге «“Войны памяти” на постсоветском пространстве» (2011). По поводу этого термина автор писал следующее: «Появилось понятие “войны памяти”, которое дополнило трагический перечень “горячих” и “холодных”, космических и информационных войн. Эти “войны памяти” могут происходить внутри одной страны или между разными странами. В XXI веке они охватили пространство стран СНГ, Балтии и Центральной и Восточной Европы с участием некоторых западных держав. Их запускает само растревоженное прошлое



после длительного сокрытия фактов, противоречивый процесс создания национальных историй, национальной культуры памяти, а еще — националистические движения и современные политические элиты, позволяющие себе инициировать в определенные моменты либо диалог по поводу истории в европейском масштабе, либо с ее помощью противопоставлять себя другим государствам, создавать конфронтационные образы» [2, с. 12–13]. Далее Г. А. Бордюгов переходит к рассмотрению содержательной стороны войн памяти в постсоветском регионе.

Опыт обращения предшественников к проблематике мнемонических конфликтов был осмыслен немецкой исследовательницей Сюзанной Попп и изложен в статье «Войны памяти» (“Memory Wars”), опубликованной в третьем томе англоязычной «Энциклопедии глобальных исследований» (2012) под редакцией Гельмута Анхаера и Марка Юргенсмайера. Автор отмечает, что происхождение термина «война памяти» не поддается точному определению и, вероятно, является аналогичным происхождению термина «культурная война», отражавшего конфликт внутри разных групп американского общества в период его модернизации с 1980-х гг. [23, р. 1148]. Рассматривая практику применения термина «войны памяти», С. Попп указывает, что этим термином характеризуются публичные дебаты о том, что может служить подходящей или уместной памятью нации, международного сообщества, социальной подгруппы определенной гендерной, региональной, этнической или культурной принадлежности или, наконец, религиозной идентичности [23, р. 1147]. С. Попп выделяет несколько уровней конфликтов в сфере памяти: 1) конфликты внутри одной национальной культуры; 2) конфликты между двумя или более нациями / государствами, имеющими разные интерпретации общего прошлого; 3) противостояние между социальными группами, претендующими на преобладание их картины прошлого, и академическим сообществом [Ibid.]. Также автор обращает внимание на важную роль, которую играют средства массовой информации: они способны пробуждать интерес общественности к историческому опыту, по ряду причин оказавшемуся вытесненным господствующим историческим нарративом [Ibid.]. В предложенном определении заметен акцент на тематическом содержании понятия, при этом за рамками рассмотрения остались теоретико-методологические аспекты его использования в исследованиях.

Феномену войн памяти в Европе на рубеже XX–XXI вв. посвящена статья британского историка Дэна Стоуна «Войны памяти в “новой Европе”» (2012). Такую характеристику он дает, например, столкновению исторических нарративов во Франции, в связи с которым там законодательно была закреплена трансляция в рамках школьного преподавания позитивных черт колониализма [28, р. 722]. Характеризуя географию войн памяти, исследователь отмечает, что они происходят «по всему миру, особенно в обществах, переживших гражданскую войну, геноцид и авторитаризм, как, например, в Южной Африке в годы после апартеида, Руанде, Гватемале и Аргентине. Кроме того, многие из европейских войн памяти имеют гораздо более широкий резонанс, чем можно предполагать исходя из их национальных или внутриевропейских контекстов; в конце концов многие дебаты вокруг памяти затрагивают про-



блемы колониального наследия, и потому полемика по поводу роли, например, Бельгии в Конго или Франции в Алжире и Индокитае касается, очевидно, не только европейских проблем» [28, р. 726].

В коллективном исследовании «Память и теория в Восточной Европе» (2013) Алейда Ассман уделила внимание содержательной стороне понятия «войны памяти», отметив, что, «несмотря на непрерывающуюся скрупулезную работу историков, пока не видно конца случаям возобновившихся столкновений и оспариваний вокруг национальных границ, когда речь заходит об интерпретации, репрезентации и коммеморации европейской истории. Длинная тень жестокого прошлого Европы продолжается в ряде линий разлома, объединенных под заголовком европейских “войн памяти”» [9, р. 26]. В остальном исследователи используют этот термин для обозначения мнемонических конфликтов между странами центральной части Восточной Европы и Россией [11, р. 8], Польшей и ее соседями в контексте проблемы постколониализма [29, р. 104], Россией и Украиной в сфере «цифровой памяти» [25, р. 219], а также внутринациональных столкновений исторических нарративов в постсоветский период в Белоруссии [18, р. 201], России [15, р. 257] и Украине [24, р. 233].

Следуя за С. Попш, к роли медиасреды в мнемонических конфликтах обратились авторы коллективного труда «Память, конфликт и новые медиа: интернет-войны в постсоциалистических государствах» (2013). Во введении Элен Руттен и Вера Зверева указывают, что термин «войны памяти» был недавно введен международным исследовательским коллективом для изучения «противоречивого и болезненного аспекта транснационального процесса переваривания прошлого» [26, р. 2]. Справедливости ради стоит отметить, что еще за 10 лет до этого данную проблему изучал В.А. Шнирельман, в названии работы которого понятие «войны памяти» было использовано в таком же ключе. Конкретизируя применение этого понятия, Э. Руттен и В. Зверева уточняют: «Команда исследователей проекта “Память на войне” использует этот термин для анализа того, как в Польше, России и Украине — странах, представляющих особый интерес для этой команды, — исторические события неизменно используются для легитимации текущих политических конфликтов, а изменение трактовки истории в одной стране порождает яростную реакцию в других странах» [Ibid.]. Далее в тексте понятие применяется для обозначения конкретных примеров конфликтов исторических нарративов.

Оригинальным подходом к изучению коллективной памяти в исторической ретроспективе стало осуществленное группой авторов исследование «Память до модерности: мемориальные практики в Европе в раннее Новое время» (2013). В первом разделе, посвященном политике памяти и войнам памяти, Яспер ван дер Стеен рассматривает религиозный спор между арминианами и гомаристами в Нидерландах, возникший во время перемирия Республики Соединенных провинций с Испанией 1609 — 1621 гг. В рамках спора обе религиозные группы в качестве аргумента своей правоты апеллировали к антииспанскому восстанию, создав таким образом две конкурирующих нарратива о прошлом. Применяя к предмету своего исследования термин «война памяти», Я. Ван



дер Стеен указывает: «Термин “война памяти”, используемый в данном разделе тома, относится к конфликтам, которые сами по себе не являются конфликтами по поводу прошлого, но в которых тем не менее на прошлое ссылаются, чтобы подкрепить аргументы в настоящем» [30, р. 46]. Автор заключает, что фактическая победа гомаристов привела и к их победе в войне памяти, в результате чего антииспанское восстание стало ассоциироваться с ортодоксальным кальвинизмом, представителями которого и были противники арминиан [30, р. 61]. Коллега Я. Ван дер Стеена Ульрих Нигтеман анализирует попытки государства, а также нескольких групп давления формировать общественную память о Славной революции, для чего также применяет словосочетание «война памяти»: «... “война памяти”, как она понимается в данной статье, имеет дело с борьбой за присвоение значений и осуществление контроля над общественной памятью о Славной революции» [19, р. 63]. Как и в предыдущем случае, изучение войны памяти на материале давних исторических событий позволяет автору рассуждать об этой проблеме в модальности завершенности с использованием категорий «победа» и «поражение» [19, р. 74], что оказывается нерелевантным в случае относительно недавних или современных мнемонических конфликтов.

Проблематике войн памяти в контексте Великой Отечественной войны посвящена статья российского историка Д. О. Чуракова, имеющая говорящее название «Войны памяти: отстоять правду победы» (2015). Стилистически и содержательно статья близка к публицистическому жанру — автор отчетливо выражает свое отношение к феномену войн памяти, ссылаясь при определении соответствующего понятия на Г. А. Бордюгова: «Этим термином в научной литературе и публицистике называют неприглядное явление, которое вот уже примерно четверть века разворачивается на советском, а потом и на постсоветском пространстве» [7, с. 11]. Автор продолжает: «“Войны памяти” — это особый компонент или даже особая форма идеологической войны. Именно так к этому явлению и следует относиться, делая его объектом научного анализа» [Ibid.]. Таким образом, в авторской интерпретации войны памяти представляют собой негативное явление, в ходе которого осуществляются попытки исказить историческую правду.

Активное внимание проблематике войн памяти было уделено в очередной коллективной работе «Война и память в России, Украине и Белоруссии» (2017). В предисловии Александр Эткин, описывая феномен войн памяти, подчеркивает участие в них государства: «Войны за память не имеют четко очерченных фронтов. Для всех практических целей правительства ведут эти войны в пределах национальных границ в той же степени или даже больше, чем за их пределами» [31, р. IX]. В остальных материалах сборника изучались частные аспекты мнемонических войн трех стран.

Рассматривая термин «войны памяти» наряду с другими применяемыми в изучении коллективной памяти, известный российский историк Н. Е. Копосов в своей фундаментальной монографии «Законы памяти, войны памяти» (2018) пишет: «Определение “войны памяти” начало широко использоваться в 1990-е и 2000-е годы не потому, что раньше не было острых политических разногласий по поводу прошлого, но пото-



му, что они не ранее этого времени стали пониматься как конфликты, типологически относящиеся к эпохе памяти» [16, р. 12]. Основное внимание Н. Е. Копосов уделяет отражающему существующую и одновременно формирующему новую действительность мемориальному законодательству в странах Западной и Восточной Европы, выделяя отдельно российскую и украинскую практику в этой сфере.

Другой известный российский историк А. И. Миллер, как и его предшественники, отмечает в статье «Вторая мировая война в “войнах памяти”» (2020) закрепление понятия «войны памяти» за ожесточенным противостоянием государств в Европе и в Азии вокруг истории Второй мировой войны [6, с. 224].

В последние годы появились исследования, посвященные национальной специфике войн памяти на Кубе [12], в Литве [32], Польше [21; 22], Украине [27], а также пересекающимся конфликтным сюжетам коллективной памяти в Южной Корее и Японии [17], где авторы понятием «войны памяти» характеризуют противостояние исторических нарративов.

Целенаправленный анализ категориального аппарата исследований мемориальной культуры в целом начался сравнительно недавно. Одним из примеров этого стала опубликованная в 2020 г. статья российской исследовательницы О. Ю. Малиновой, в которой рассматривается аналитический потенциал понятия «режим памяти». Характеризуя сложившуюся практику применения понятия, автор пишет: «Термин *режим памяти* нередко используется для описания статике и динамики коллективной памяти как на национальном, так и на международном уровнях. Однако ему редко дают определения. Таким образом, он выступает скорее в качестве интуитивно понятной метафоры, нежели строгого понятия» [4, с. 30].

Приведенный выше обзор существующей литературы говорит о том, что аналогичная ситуация сложилась и вокруг понятия «войны памяти». В целом можно отметить, что в рассмотренных работах встречаются отдельные попытки авторов очертить границы применяемого понятия, в большинстве же случаев использование термина указывает на негласную конвенцию исследователей понимать под войнами памяти противостояние имеющих свою специфику моделей коллективной памяти. При этом в отдельных исследованиях вынесенное в название работы понятие «войны памяти» не раскрывается и не фигурирует в тексте [21].

Поворот к изучению теоретико-методологических аспектов понятия «войны памяти» наметился в публикациях российских исследователей в 2021 г. [1; 3]. В своих работах они рассматривают процесс концептуализации понятия «войны памяти», иными словами, переход от соответствующей метафоры к научному понятию, для чего анализируют метафору войны. Д. А. Аникин и А. А. Линченко вслед за другим российским ученым А. Д. Куманьковым обращают внимание на категории темпоральности и пространства войн, отмечая, что современные конфликты зачастую не соотносятся с привычной схемой периодизации войн, в том числе в том, что касается их завершения [1, с. 55]. Не менее сложным является определение ролей участников этих войн. Те же сложности, по мнению авторов статьи, присущи и войнам памяти [Там же]. О. В. Голо-



вашаина делает вывод о том, что «распространение метафоры “мемориальные войны” приводит к активизации военной лексики в дискурсе о памяти» [3, с. 48].

Говоря о термине «войны памяти», Д. А. Аникин и А. А. Линченко подчеркивают, что «процесс концептуализации данного понятия сопряжен с выбором теоретического подхода, позволяющего вписать возникновение “мемориальных войн” в определенные методологические рамки» [1, с. 55], что побуждает исследователей привлекать к анализу данного понятия комплекс идей, изложенных в проекте политики времени Б. Бевернажа и теории фронта Ф. Тернера. О. В. Головашина отмечает незавершенность концептуализации понятия «войны памяти» на данный момент, так как, по ее мнению, еще не сформировалась система «различения первоначального слова / словосочетания и термина, употребляемого как научная категория» [3, с. 49].

92

При обсуждении понятия «войны памяти» стоит добавить еще несколько слов о семантике войны. Она не ограничивается только категорией «противостояние», лежащей в основе понятия «войны памяти», но включает такие близкие по смыслу категории, как, например, *жертвы, оружие, ресурсы, силы*, синонимические пары *солдат / воин, перемирие / мир*, а также оппозиции *союзник / противник, победа / поражение* и др. Кроме того, рассмотрение конфликтующих исторических нарративов в этой логике предполагает внимание к динамике конфликта, его становлению, возобновлению и, наконец, завершению в том или ином виде. При символическом сопоставлении конфликта памяти и войны любопытным оказывается и то, что в военных действиях расходуются априори конечные ресурсы — люди, территория, финансы, вооружение и пр., что обуславливает и конечность противостояния, тогда как конфликты в области коллективной памяти имеют потенциал длительности, обеспечиваемый работой механизмов в виде мемориальной инфраструктуры, межпоколенческих связей и прочих инструментов, обеспечивающих устойчивость исторических нарративов. Если в рамках физической войны проявляется не просто конфронтация, а антагонистичность противостояния с единственно приемлемым для его сторон исходом — поражением (уничтожением) противника, то в рамках коллективной памяти о прошлом полная победа одного исторического нарратива над другим едва ли достижима, так как связана с очень серьезными издержками — изоляцией или даже ликвидацией носителей альтернативной модели памяти, что потенциально переводит конфликт в плоскость физического противостояния. Таким образом, диапазон смыслов понятия «войны памяти» за счет привлечения метафоры войны оказывается очень широким и, не будучи редуцированным до значений «конфликт» или «противостояние», побуждает исследователей включать в свои модели конфликтов коллективных представлений о прошлом элементы, которые, пожалуй, еще только предстоит осмыслить ученым, работающим в направлении *memory studies*.

Итак, изучение практики применения понятия «войны памяти» / «мемориальные войны» в литературе показывает, что в конце 1990-х — начале 2000-х гг. данный термин еще не был связан исключительно с политической сферой, в рамках которой разные социальные группы



транслировали исторические нарративы, однако уже в 2000–2010-е гг. утвердилось современное понимание словосочетания «войны памяти», ставшего с этого момента общеупотребительным в современных исследованиях коллективной памяти. В рамках изучения конфликтов коллективных моделей памяти о прошлом на протяжении последних десятилетий в основном происходило накопление эмпирического материала, на фоне чего попытки дать строгую дефиницию понятию «войны памяти» были заметно более редкими. Чаще всего этим термином обозначалась конфликтность исторических нарративов внутри государств или между ними. С учетом изложенного представляется, что смысловое содержание концепта «войны памяти» является более широким, чем тот смысл, который в него обычно вкладывается, что актуализирует вопрос его релевантности задачам существующих исследований. На резонансность такого вопроса указывают и сделанные исследователями в последние годы шаги в сторону критического осмысления существующего категориального аппарата изучения коллективных представлений о прошлом.

Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Приоритет-2030» «Историческая память как фактор геополитической безопасности на западных рубежах России».

Список литературы

1. Аникин Д. А., Линченко А. А. Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронта: в поисках методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. 2021. №466. С. 55–63.
2. Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011.
3. Головашина О. В. «Мемориальные войны»: между метафорой и концептом // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2, №1. С. 43–52.
4. Малинова О. Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы : монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб., 2020. С. 26–39.
5. Миллер А. И. Большие перемены. Что нового в политике памяти и ее изучении? // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы : монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб., 2020. С. 8–24.
6. Миллер А. И. Вторая мировая война в «войнах памяти» // Новое прошлое. 2020. №4. С. 222–231.
7. Чураков Д. О. Войны памяти: отстоять правду Победы // Гуманитарные науки. 2015. №1. С. 7–24.
8. Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.
9. Assmann A. Europe's Divided Memory // *Memory and Theory in Eastern Europe* / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. Basingstoke, 2013. P. 25–41.
10. Assmann J. Communicative and Cultural Memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin ; N. Y., 2008.
11. Blacker U., Etkind A. Introduction // *Memory and Theory in Eastern Europe* / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. Basingstoke, 2013. P. 1–22.



12. *Bustamante M. J.* Cuban Memory Wars: Retrospective Politics in Revolution and Exile. Chapel Hill, 2021.
13. *Campbell S.* Relational Remembering: Rethinking the Memory Wars. Oxford, 2003.
14. *Erl A.* Memory in Culture. N. Y., 2011.
15. *Kalinin I.* The Struggle for History: The Past as a Limited Resource // Memory and Theory in Eastern Europe / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. Basingstoke, 2013. P. 255 – 265.
16. *Koposov N.* Memory Laws, Memory Wars. The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge, 2018.
17. *Lee J.* Memory War: Activist Rhetoric for Historical Justice // Activism and Rhetoric: Theories and Contexts for Political Engagement / ed. by J. Lee, S. Kahn. 2nd ed. N. Y. ; Abingdon, 2020. P. 96 – 110.
18. *Lewis S.* Toward Cosmopolitan Mourning: Belarusian Literature between History and Politics // Memory and Theory in Eastern Europe / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. Basingstoke, 2013. P. 195 – 216.
19. *Niggemann U.* 'You Will See Who They Are that Revile, and Lessen Your... Glorious Deliverance'. The 'Memory War' About the 'Glorious Revolution' // Memory before modernity: practices of memory in early modern Europe. Leiden ; Boston, 2013. P. 63 – 75.
20. *Park Sh.* Re-Viewing the Memory Wars. Some Feminist Philosophical Reflections // Fragment by Fragment: Feminist Perspectives on Memory and Child Sexual Abuse / ed. by M. Rivera. Charlottetown, 1999. P. 283 – 307.
21. *Plocker A.* The expulsion of Jews from communist Poland: memory wars and homeland anxieties. Bloomington, 2022.
22. *Poland's memory war: essays on illiberalism* / ed. by J. Harper. Budapest ; N. Y., 2018.
23. *Popp S.* Memory Wars // Encyclopedia of Global Studies / ed. by H. K. Anheier, M. Juergensmeyer. L.A., 2012. Vol. 3. P. 1147 – 1148.
24. *Portnov A.* Memory Wars in Post-Soviet Ukraine (1991 – 2010) // Memory and Theory in Eastern Europe / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. Basingstoke, 2013. P. 233 – 254.
25. *Rutten E.* Why Digital Memory Studies Should Not Overlook Eastern Europe's Memory Wars // Memory and Theory in Eastern Europe / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. Basingstoke, 2013. P. 219 – 231.
26. *Rutten E., Zvereva V.* Introduction: Old conflicts, new media: post-socialist digital memories // Memory, Conflict and New Media: Web wars in post-socialist states / ed. by E. Rutten, J. Fedor, V. Zvereva. Abingdon, 2013. P. 1 – 18.
27. *Shkandrij M.* Revolutionary Ukraine, 1917 – 2017: history's flashpoints and today's memory wars. N. Y. ; Abingdon, 2020.
28. *Stone D.* Memory Wars in the "New Europe" // The Oxford Handbook of Post-war European History / ed. by D. Stone. Oxford, 2012. P. 714 – 732.
29. *Uffelmann D.* Theory as Memory Practice: The Divided Discourse on Poland's Postcoloniality // Memory and Theory in Eastern Europe / ed. by U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. Basingstoke, 2013. P. 103 – 124.
30. *Van der Steen J.* A Contested Past. Memory Wars during the Twelve Years Truce (1609 – 21) // Memory before modernity: practices of memory in early modern Europe. Leiden ; Boston, 2013. P. 45 – 61.
31. *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* / ed. by J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko. Cham, 2017.



32. Žmuida E. Lietuvių atminties kultūra: įsivaizduojamos bendruomenės ir atminties karai // *Lituanistica*. 2022. T. 68, №1 (127). P. 19–32.

Об авторе

Алексей Анатольевич Давиденко — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: AADavidenko@kantiana.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4386-607X>

A. A. Davidenko

THE CONCEPT OF “MEMORY WARS” IN CONTEMPORARY STUDIES OF COLLECTIVE MEMORY

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 16 July 2022

Accepted 12 August 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-7

To cite this article: Davidenko A.A. 2022, The concept of “memory wars” in contemporary studies of collective memory, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 85–95. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-7.

The article analyses how the terms “memory wars” / “memorial wars” are applied in the contemporary research papers on conflicts of collective perceptions of the past. The author shows that in the late 1990s and early 2000s the concept was not yet associated exclusively with the political sphere, within which different social groups were producing historical narratives, but in the 2000s and 2010s modern understanding of the phrase “memory wars” was already established and since then it has become common in contemporary studies of collective memory to reveal its conflicting nature. It is noted that in the studies of clashes of historical narratives an active attention is paid to the content of the processes under the study, against which the attempts to give a strict definition to the term “memory wars” are noticeably rarer. The use of the “memory wars” concept shows that it has not yet received proper understanding as an element of categorical apparatus of memory studies and the issue of its relevance to the objectives of the contemporary research deserves special attention.

Keywords: memory wars, historical narrative, collective memory, mnemonic conflict, *memory studies*

The author

Dr Aleksei A. Davidenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: AADavidenko@kantiana.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4386-607X>

Е. В. Суслов

**ПОТРЕБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В БЕЗОПАСНОСТИ
КАК ФАКТОР КОНФЛИКТОГЕННОСТИ
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

Поступила в редакцию 04.07.2022 г.

Принята к публикации 10.10.2022 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-8

96

Для цитирования: Суслов Е. В. Потребность человека в безопасности как фактор конфликтности в системе международных отношений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 3. С. 96–107. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-8.

Предпринята попытка определить возможности снижения уровня противоречия между потребностью человека в безопасности и априори конфликтным состоянием системы международных отношений, подверженной перманентным изменениям. В качестве методологических «ключей» исследования предпочтение отдается методологии антропологического измерения международных отношений, позволяющей сделать вывод о том, что антропология международных отношений не отрицает роль государства, а лишь корректирует его функции, чтобы избежать их гиперболизации и способствовать превращению отдельного человека в приоритетный объект безопасности. Другим теоретико-методологическим основанием стала теория секьюритизации в анализе политики, демонстрирующая противоречия, которые возникают между процессом обеспечения национальной безопасности и реализацией потребности в безопасности отдельного человека, когда приходится жертвовать одним в пользу другого. Еще одним теоретическим основанием для статьи является теория иерархии потребностей А. Маслоу, вызвавшая наше возражение в адрес тезиса о том, что потребность в безопасности редко выступает как активная сила. Анализ эволюции парадигм обеспечения безопасности в системе международных отношений позволяет заключить, что сменяющаяся друг друга череда миропорядков формировалась как производное от закончившихся миром войн, в которых обнаруживается причинно-следственная связь между инстинктом к самосохранению и агрессивными действиями, между потребностью в безопасности и попытками ее удовлетворения любыми средствами. Предлагается решение комплексной задачи по удержанию на приемлемом уровне безопасности человека, что возможно только при условии тесного взаимодействия с государством.

Ключевые слова: миропорядок, секьюритизация, иерархия потребностей А. Маслоу, референтный объект безопасности

Введение

Феномен безопасности человека своими корнями уходит в глубь мировой истории, когда люди жили заботами о выживании, движимые инстинктами самосохранения и продолжения рода человеческого. С те-



чением времени эти потребности составили базовую часть витальных потребностей, то есть таких потребностей, без которых жизнь человека немислима. Позже сформировались иные потребности, связанные с его интеллектуальным взрослением. При этом потребность в безопасности человека не потеряла своей значимости, даже можно сказать, приобрела еще большее значение.

Сама эволюция термина «безопасность» представляет научный интерес. Примечательно, что термин «безопасность» тесно увязан с историей России. По словам И. В. Радикова, «уже в период расцвета Киевской державы, в XI в., встречается древнерусское слово “опась”, “опасение”, обозначающее не что иное, как внимательность, осторожность, тревогу в предвидении какой-либо неприятности... С XIII в. употребляется слово “опаси”, то есть спасти. Обезопасить, спасти, но не сохраниться, что говорит о понимании опасности как преходящей, не постоянной. И только с XV в. мы встречаем вариант “опасати ся”, то есть бояться, робеть, трусить, предвидя худое, не решаться на что-либо» [1, с. 32]. В словаре В. И. Даля безопасный (опасливый) уже понимается как «осторожный, предусмотрительный, защищенный, неопасный, неугрожающий, не могущий причинить зла или вреда» [3, с. 460].

Развитие человеческой цивилизации, растянувшись на века, с одной стороны, гуманизировало с некоторыми оговорками человеческую жизнь, называя ее самым дорогим, что есть у человека, с другой же — обесценивало ее, постоянно втягивая человека в конфликты самого широкого спектра: от вполне бескровных до кровопролитных.

Для системы международных отношений, формировавшейся долго и крайне противоречиво, конфликты, трансформировавшиеся в войны с огромными человеческими жертвами, стали наиболее очевидны. Пройдя через тернии непонимания, разногласий и откровенных конфликтов, на некоторое время удавалось создать вполне устойчивый миропорядок, однако с течением времени, будучи неспособным отвечать на вызовы со временности, он ветшал и приходил в негодность. Именно так происходит и сейчас, когда Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, выполнив свою роль, стала, по существу, достоянием истории, а новая система формируется на наших глазах. И можно не сомневаться, что конфигурация мирового порядка претерпит серьезные изменения. Как отмечается во введении к «Системной истории международных отношений» в 2 томах, международные отношения для нас — это не просто сумма, совокупность каких-то отдельных компонентов (мировых политических процессов, внешней политики отдельных государств и т.п.), а сложный, но единый организм, свойства которого в целом не исчерпываются суммой свойств, присущих каждой из составляющих в отдельности [10, с. 14].

И какую бы траекторию миропорядок ни выписывал, система международных отношений продолжала опираться на потребности человека, общества и государства в стремлении к безопасности. При этом мы осознаем, что потребность человека в безопасности представляет собой амбивалентный феномен и не всегда способствует снижению конфликтности международных отношений. Будучи гражданином государ-



ства, человек добивается личной безопасности посредством государства, которому, как правило, вменяется обязанность защищать гражданина, требуя взамен его участия в секьюритизации самого государства.

Чрезмерное стремление к безопасности не может не создавать угрозы безопасности для окружающих, как, впрочем, и недооценка этой угрозы. Как правило, стремление к безопасности субъекта международных отношений реализуется за счет действий, направленных на подрыв, снижение уровня безопасности противостоящего субъекта, что приводит к антагонистическим конфликтам, разрушая систему международных отношений.

Цель нашей статьи — поиск возможностей, способствующих снижению уровня противоречия между потребностью человека в безопасности, с одной стороны, и априори конфликтогенным состоянием системы международных отношений — с другой.

Для этого необходимо решить следующие задачи:

1) произвести реинтерпретацию понятия «система международных отношений», которое в ходе эволюции трансформировалось в понятие «мировая политика», структурно представляемое как «миропорядок»;

2) определить факторы конфликтогенности международных отношений, среди которых заметное место занимает потребность человека как базовый компонент, входящий в структуру практически всех этих факторов;

3) выявить сущность потребности человека в безопасности, причины, вызывающие эту потребность, а также эндогенные и экзогенные факторы усиления либо снижения его уровня.

Методы и теоретические основы исследования

В качестве методологического основания исследования предпочтительнее отдается методологии антропологического измерения международных отношений и теории секьюритизации в анализе политики в сочетании с теорией иерархии потребностей А. Маслоу, вошедшей в научный оборот под названием пирамиды потребностей Маслоу.

Политическая антропология как научное направление — явление новое. По словам А. С. Панарина, она «противостоит “системному” фетишизму — представлению об автоматически действующих механизмах власти и управления, о человеке как “исчезающей малой величине” в политическом процессе, а также узколобому прагматизму, упускающему из виду гуманистическое, ценностное измерение политики» [4, с. 88].

При этом следует заметить, что «в теоретико-методологическом плане антропология международных отношений нацелена не на отрицание роли государства в формировании гуманистических ценностей измерения политики, а на корректировку его функций в этом процессе и в итоге — на более глубокое понимание внешней политики государств, международных отношений и мировой политики» [11, с. 343]. Однако, как можно заметить, роль государства в условиях современных реалий заметно гиперболизирована, несмотря на появление таких соперничающих с ним акторов международной политики, как межправительственные организации (МПО) и неправительственные организации (НПО).



Если в условиях невоенного взаимодействия государств эти субъекты международных отношений, а сегодня уже мировой политики способны обеспечивать равновесие с государством — Левиафаном, то в иных обстоятельствах преимущество остается за государством. Подобное было продемонстрировано в условиях недавнего противостояния пандемии коронавируса.

Не менее справедливо в рамках политической антропологии замечено, что «международные отношения не только формируются человеком — они формируют человека, влияют на его жизнь» [11, с. 344]. В связи с этим можно утверждать, что глобальный мир предполагает формирование «человека международного», носителя определенных ценностей и международно-политических ориентаций, ориентированных на снижение уровня конфликтности в системе международных отношений. Это выводит его за пределы национального государства, и во всех его проявлениях с особой силой обнаруживается дуалистическая природа человека с его склонностями к добродетелям и злонамеренности.

Глубокие суждения на эту тему оставил для потомков Иммануил Кант, который отмечал, что человеку «присуща склонность деятельно стремиться к недозволенному, хотя он и знает, что это не дозволено, т. е. к злу...» [5, с. 365—366]. К числу «задатков добра» Кант относил стремление к продолжению человеческого рода, к общительности, к признанию своей ценности во мнении других, способность воспринимать уважение к моральному закону. Он подчеркивал, что между добрым и злым нет пропасти, они способны переходить друг в друга и человек как существо моральное никогда не может исчерпать все свои задатки доброго.

Следуя логике И. Канта, можно предположить, что потребность в безопасности — все-таки характерная черта человека неагрессивного, личности неавторитарной, для которого несвойственны «построение двухполярной системы взаимоотношений с миром», «деление всех людей на сильных и слабых, когда по отношению к сильным у такой личности возникают любовь и уважение, а по отношению к слабым — агрессия и презрение», «деструктивность, проявляющаяся в тревоге, скованности и чувстве бессилия, и автоматизирующий конформизм. Оба эти свойства психики способствуют усилению авторитаризма, так как приводят, в свою очередь, к готовности подчиниться власти, предлагающей личности избавиться от сомнений» [14].

При этом следует все же иметь в виду, что авторитарные личности не могут не нуждаться в своей безопасности, прибегая чаще всего к агрессии и насилию. Иными словами, переходя границы обеспечения собственной безопасности, они покушаются на чужую безопасность.

Теория секьюритизации в анализе политики — еще один методологический «ключ», к ресурсам которого мы обращаемся в статье. Эта концепция стала продуктом научного поиска теоретиков Копенгагенской школы международных отношений Б. Бузана, О. Уэвера и Я. де Вильде, наполнивших содержание понятия «международная безопасность» новыми смыслами, распространив его на политическую, экономическую, экологическую сферы и сферу безопасности общества. Однако, как это и принято в науке, концепция секьюритизации может быть подвергнута



критике из-за отсутствия в ней морально-этических критериев, которые, мы считаем, «очеловечивают» проблему безопасности, то есть реально ставят вопрос о безопасности человека.

Знаменательным фактом для актуализации рассматриваемой нами проблемы стало появление в 1994 г. в докладе Программы развития ООН термина «безопасность человека» (*human security*), который, с одной стороны, изменяет традиционный референтный объект безопасности (не государство, а человек), с другой — расширяет список областей безопасности. В этот список были включены экономическая безопасность, продовольственная безопасность, безопасность для здоровья, экологическая безопасность, личная безопасность, безопасность традиционных сообществ, политическая безопасность [11, с. 728]. В последующее десятилетие по инициативе ООН были созданы Целевой фонд ООН по безопасности человека (1999) и Комиссия по безопасности человека (2001), принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН.

Смысл секьюритизации сводится к тому, что «некий вопрос может превратиться из неполиitizedированного и не включенного в общественный дискурс в вопрос сначала политизированный, а затем и секьюритизированный, когда для решения этого вопроса государство вынуждено предпринимать экстраординарные меры, выходящие за рамки стандартных политических процедур» [11, с. 729]. Крайне важное значение в рамках нашей статьи приобретает утверждение о том, что «проблема становится секьюритизированной, когда государство, или политические и военные элиты, или гражданское общество (акторы секьюритизации) начинают говорить о каком-то уже политизированном вопросе как об угрозе существованию референтного объекта, чью безопасность необходимо обеспечить (государства, общества и т.д.). Государство и элиты могут секьюритизировать какую-то проблему, если с ней не удастся справиться при помощи стандартных политических инструментов и процедур» [11, с. 729].

Предполагаем, что вопрос в неполиitizedированном виде представляет собой аутентичную потребность в безопасности человека, поскольку политика в государствоцентричной парадигме понимается исключительно как искусство государственного управления, то есть как отправление власти. И это положение составляет основу реалистской парадигмы международного порядка.

Важно также отметить, что Б. Бузан не оставляет без внимания искомым нами предмет: «Анализируя понятие национальной безопасности, автор говорит о его внутренних противоречиях, проявляющихся, когда национальная безопасность противопоставлена индивидуальной» [11, с. 730], однако дальнейшего развития проблема безопасности человека не получает. Действительно, нередко процесс обеспечения национальной безопасности вступает в противоречие с потребностью безопасности человека, что нередко приводит к конфликтным прецедентам в сфере международных отношений.

В оправдание позиции Б. Бузана, как отмечают некоторые исследователи, можно заметить, что «корректное применение теории секьюритизации возможно только к европейским реалиям, так как сама теория создавалась на основе подхода о речевых актах (*speech act*), тогда как в



незападном мире процесс секьюритизации может иметь другие, неречевые выражения, например физические действия, кроме того, представители Копенгагенской школы исходят из представления о том, что европейская концепция государства универсальна для Вестфальской модели мира» [11, с. 736 – 737].

Теория секьюритизации, несомненно, имеет прямую связь с широко известной теорией иерархии потребностей А. Маслоу, получившей известность в середине прошлого века и ставшей своего рода настольной книгой для представителей гуманистической психологии, ярким представителем которой и был А. Маслоу. Он исходил из того, что поведение индивида во многом определяется потребностью, понимаемой как «состояние... создаваемое испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития, и выступающее источником его активности» [8, с. 287]. Согласно Маслоу, поведение индивида направляется последовательно: 1) физиологическими потребностями; 2) потребностью в безопасности (самосохранении, выживании); 3) потребностями в любви, принадлежности к какой-либо социальной группе (социальные потребности); 4) потребностями в признании и оценке со стороны других; 5) познавательными потребностями (потребность в информации, жажда знаний); 6) эстетическими потребностями (желание привнести в мир гармонию и красоту); 7) потребностью в самоактуализации (реализации человеком своих способностей и талантов) [9].

В контексте предлагаемой статьи интерес вызывает потребность в безопасности, которая, по А. Маслоу, выступает после физиологических потребностей в роли базовой, поскольку «все остальные потребности, отличающие человека, возникают только после удовлетворения потребности в безопасности» [6]. При этом можно смело предположить, что в случае ее удовлетворения потребности более высокого уровня начинают играть направляющую роль в поведении.

Гуманистичность теории Маслоу придает разделению автором безопасности человека на простую физическую безопасность и более сложную — духовную и социальную, а это означает, что потребность в безопасности не может существовать в изоляции, скажем, от потребности в самоактуализации или познавательных потребностей и ситуативно коррелируется со всеми сторонами жизни человека. По предположению Маслоу, «наука и философия как таковые в какой-то степени мотивированы потребностью в безопасности» [6] так же, как и «исключительно человеческая потребность в религии, в мировоззрении, стремление человека объяснить принципы мироздания и определить свое место в универсуме» [6].

Справедливости ради следует отметить, что в работе Маслоу присутствуют и пессимистически-реалистические мотивы, когда он пишет, что «потребность в безопасности редко выступает как активная сила, она доминирует только в ситуациях критических, экстремальных, побуждая организм мобилизовать все силы для борьбы с угрозой. Критическими или экстремальными ситуациями мы называем войны, болезни, стихийные бедствия, вспышки преступности, социальные кризисы, а также ситуации, отличающиеся хронически неблагоприятными, угрожающими условиями» [6]. Оппонируя А. Маслоу, заметим, что потребность в без-



опасности, трансформируясь в стремление к безопасности, превращается во вполне активную, если не сказать агрессивную, силу, априори создающую конфликтные ситуации. Но даже если исходить из логики Маслоу о пассивности потребности в безопасности, становится ясно, что конфликты в сфере как международной, так и внутренней политики неминуемы.

Эволюция парадигмы обеспечения безопасности

102

Потребность в безопасности стала ключевым элементом, в сущности, первого общественного договора, разработанного английским политическим мыслителем Томасом Гоббсом в середине XVII в., когда на его родине вспыхнула гражданская война. Используя древний афоризм «человек человеку волк», Гоббс пришел к убеждению, что природным состоянием человека является состояние «войны всех против всех», порождающее у людей страх друг перед другом. По Гоббсу, «умы людей от природы таковы, что если бы их не понуждал страх перед какой-нибудь общей властью, они бы не доверяли друг другу, боялись друг друга и с необходимостью стремились к тому, чтобы каждый мог по праву заботиться о себе собственными силами» [2, с. 291]. Иными словами, страх не приводит к разъединению, а, напротив, заставляет заботиться о всеобщей безопасности. Средство преодоления этой опасности — гражданской войны соотечественников — Гоббс видел в общественном договоре между государством и подданными, при условии что подданные, заинтересованные в собственной безопасности, сохранении жизни, отказываются от своих прав и свобод в пользу суверена, который и служит гарантом безопасности человека.

Гоббсовская парадигма безопасности человека подверглась пересмотру другим раннебуржуазным политическим мыслителем — Бенедиктом Спинозой, который считал, что лишь демократическое государство может быть гарантом личной безопасности и свободы для каждого гражданина. По Спинозе, «государство, которому передаются права по поддержанию правопорядка, не может быть государством абсолютистским, о котором говорит Гоббс. Цель Государства — не деспотизм, а свобода... Конечная цель государственного устройства жизни — не в том, чтобы абсолютно повелевать людьми и держать их в страхе, превращая разумные существа в животных или автоматы, а в том, чтобы освободить их от страха, дабы каждый сам мог поддерживать свое естественное право на жизнь и свободную деятельность без ущерба для себя и других» [15, с. 347].

Итак, очевидно, что политические философы еще в эпоху Средневековья придерживались противоположных взглядов в отношении гарантов, обеспечивающих безопасность человека. Нет полной ясности в этом вопросе и сегодня, хотя позиция Спинозы представляется более приемлемой, но и не бесспорной. Средневековые мыслители слабо оперировали понятиями «международные отношения», «международная безопасность», однако они определили векторы политической мысли, которые получили развитие, как уже было отмечено, в трудах их последователей в условиях складывающихся международных отношений.



Система отношений между государствами за свою относительно недолгую историю претерпела значительные изменения. Начало этих отношений было продиктовано потребностью в безопасности, прежде всего различного рода государственных образований и политических элит того времени. Безопасность подданных королей, императоров и других иерархов в расчет не принималась, ибо их в разной степени бесправное положение предполагало безоговорочное подчинение воле властвующей элиты.

Стартом для формирования международных отношений стали Вестфальские мирные договоренности (1648) как «временно устойчивый миропорядок» [7, с. 9], впервые заложивший отношения между европейскими государствами после завершения Тридцатилетней войны. Как отмечает Бенно Тешке, «после 1648 года формализованные отношения между нововременными суверенными государствами пришли на смену перекрестным отношениям между разнородными феодальными акторами, иерархические претензии которых венчались Империей и церковью» [12, с. 24]. Наступившее отныне господство суверенитета, ставшее характерной чертой Вестфальского миропорядка в истории международных отношений, обрело свою опору в монополии насилия, обеспечиваемого армией, секретными службами и дипломатией. Достижением Вестфалия стал «принцип мирного сосуществования равных в правовом отношении членов международного общества», «воплощенный в кодексе международного права, которым устанавливались отношения взаимного признания, невмешательства и толерантности» [12, с. 25]. Потребность в безопасности человека низкого социального сословия в расчет не принималась. Суверенитет в странах Вестфалия предполагал невмешательство во внутренние дела суверенных государств, поэтому можно себе представить уровень бесправия подданных самовластных монархов того времени.

Следующий за Вестфалем миропорядок утвердился как Венский и известен под названием посленаполеоновского «концерта великих держав» (1815—1914), инициировавшего создание системы правил взаимодействия европейских империй. Во избежание появления нового тирана, подобного Наполеону, державы согласились на поддержание принципа баланса сил, не допускавшего претензий великих держав на монопольное господство в Европе. Потребность в безопасности человека с опорой на принцип «лишь бы не было войны» была гарантирована без малого на сто лет. Не считая Крымской войны, Европе удалось избежать мировых войн.

Мир, подписанный в Версале в 1919 г., формально закрепил результаты Первой мировой войны, однако оказался кратковременным инструментом обеспечения международной безопасности. Дополнившая Версальскую систему Вашингтонская система международных отношений распространялась на Азиатско-Тихоокеанский регион и являлась более стабильной, но в обе системы не были включены СССР и Китай, которые считались деструктивными элементами новых систем международных отношений. Между тем субъектность этих стран могла бы способствовать усилению гибкости и устойчивости упомянутых международных систем в условиях нестабильности межвоенного мира.



Взгляд на Версальско-Вашингтонский миропорядок сквозь призму методологии антропологического измерения международных отношений», а именно одного из ее тезисов («Инстинкт к самосохранению — это тот самый инстинкт, который побуждает к агрессивным действиям. Отсюда вывод: “Целая гамма человеческих побуждений может стать поводом для вовлечения нации в войну... Среди этих побуждений жажда агрессии и разрушения, несомненно, присутствует...”» [13]), позволяет заключить следующее. Весь перечень уходящих в глубь истории миропорядков складывался как производное от закончившихся миром войн, в которых обнаруживается причинно-следственная связь между инстинктом к самосохранению и агрессивными действиями, между потребностью в безопасности и попытками удовлетворить ее любыми средствами.

И Ялтинско-Потсдамский мир не стал исключением из правил. Он был частью Вестфальской модели мира и подтвердил приверженность принципу баланса сил, однако разделение мира на сферы влияния между двумя сверхдержавами, отягченное правовой размытостью важнейших положений, привело к беспрецедентной конфликтности, закончившейся распадом СССР.

Таким образом, система международных отношений априори пребывает в состоянии перманентной конфликтности. Вызвано это обстоятельство многофакторной каузальностью (причинностью) когда причина одного события одновременно является причиной и другого события.

Среди множества причин усиления или ослабления международных конфликтов фактору потребностей человека в безопасности принадлежит особое место в силу сопряженности процессов развития и обеспечения безопасности. Так, «большинство людей меньше опасаются угроз, которые они выбирают самостоятельно, чем те, которые им навязываются» [9], поскольку в представлении подавляющего большинства людей источники международных конфликтов преимущественно находятся за пределами их страны проживания и навязываются потенциальными противниками извне. В этот же разряд опасностей и угроз они включают те, что «связаны с источниками, которым они не доверяют» [9], поскольку люди «меньше обеспокоены опасностями и угрозами, исходящими от людей, мест, правительств, которым они доверяют» [9]. Носители массового сознания, оказываясь в ситуации неопределенности при оценке состояния международных отношений, становятся притягательными объектами манипулирования для индоктринации доверия к значимым политическим персоналиям и институтам, что только усиливает остроту международных конфликтов.

Представляется, что надежным средством регулирования на линии «опасность / безопасность» в арсенале политиков, управленцев, конфликтологов может быть процедура десекьюритизации, представляющая собой «обратный процесс по возвращению секьюритизированного вопроса в рамки стандартной политической дискуссии» [11, с. 729]. Иными словами, речь идет об отказе от секьюритизации конфликтов, которые поддаются разрешению без участия политических акторов.

Таким образом, анализ, предпринятый нами в рамках данной статьи, дает основания для формулирования следующих выводов:



– противоречия, возникающие между процессом обеспечения национальной безопасности и реализацией потребности в безопасности отдельного человека, приводят к ущемлению одного процесса в пользу другого и, как правило, в пользу национальной безопасности;

– потребность человека в безопасности представляет собой амбивалентный феномен, реализация которого не всегда способствует снижению конфликтности международных отношений;

– потребность в безопасности, трансформируясь в стремление к безопасности, нередко превращается в агрессивную силу, априори создающую конфликтные ситуации в сфере международных отношений;

– стремление к безопасности субъекта международных отношений реализуется за счет действий, направленных на подрыв, снижение уровня безопасности противостоящего субъекта, что приводит к антагонистическим конфликтам и в итоге разрушает систему международных отношений;

– глобальный мир предполагает формирование «человека международного» как носителя определенных ценностей и международно-политических ориентаций, направляемых на снижение уровня конфликтности в системе международных отношений;

– весь перечень уходящих в глубь истории миропорядков складывался как производное от закончившихся миром войн, в которых обнаруживается причинно-следственная связь между инстинктом к самосохранению и агрессивными действиями, между потребностью в безопасности и попытками удовлетворить ее любыми средствами.

Список литературы

1. *Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики* : матер. науч. семинара / под ред. П. А. Цыганкова. М., 2011.
2. Гоббс Т. Избр. произвед. : в 2 т. Т. 1. М., 1965.
3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2004.
4. Ильин В. В., Панарин А. С., Бадковский Д. В. Политическая антропология. М., 1995.
5. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собр. соч. : в 8 т. / под общ ред. А. В. Гулыги. Т. 7. М., 1994. С. 365–366.
6. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. А. М. Татлыбаевой. СПб., 1999. URL: https://pedlib.ru/Books/1/0467/1_0467-75.shtml (дата обращения: 28.06.2022).
7. *Мировой порядок — время перемен* : сб. ст. / под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиной. М., 2019.
8. *Психология* : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990.
9. Ропейк Д., Грей Дж. Риск: руководство для принятия решений о том, что действительно безопасно и что представляет угрозу в окружающем мире. URL: <http://www.securitylab.ru/analytics/350799.php> (дата обращения: 28.06.2022).
10. *Системная история международных отношений* : в 2 т. / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 1 : События 1918–1945 годов. М., 2006.
11. *Современная политическая наука: Методология* / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019.



12. Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / пер. с англ. Д. Кравлечкина ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М., 2011.

13. Фрейд З., Эйнштейн А. Истоки войн (переписка). URL: <https://vapp.ru/biblio/frejd-z/frejd-z-ejnshtejn-a-istoki-vojn-perepiska/> (дата обращения: 28.06.2022).

14. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2007. URL: <https://studfile.net/preview/4367007/> (дата обращения: 28.06.2022).

15. Чанышев А. А. История политических учений. М., 2006.

Об авторе

106

Евгений Валерианович Суслов — канд. полит. наук, доц., Марийский государственный университет, Россия.

E-mail: esuslov@mail.ru

E. V. Suslov

THE HUMAN NEED FOR SECURITY AS THE FACTOR OF CONFLICTOGENITY IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

Received 4 July 2022

Accepted 10 October 2022

doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-8

To cite this article: Suslov E. V. 2022, The human need for security as the factor of conflictogenicity in the system of international relations, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 96–107. doi: 10.5922/sikbfu-2022-3-8.

The proposed article attempts to determine the possibilities of reducing the level of contradiction between a person's need for security and the a priori conflictogenic state of the system of international relations, which is in a state of permanent variability. Assumed as methodological "keys" of the study, preference is given to the methodology of the anthropological measurement of international relations, which allowed us to conclude that the anthropology of international relations does not deny the role of the state, but only checks its functions in order to avoid their hyperbolization and contribute to the transformation of an individual into a priority object of security. Another theoretical and methodological basis was the theory of Securitization in Policy Analysis, which contributed to the formulation of a conclusion about the contradictions that arise between the process of ensuring national security and the need for human security when one has to be sacrificed in favor of the other. Yet another theoretical basis for the article was by A. Maslow's theory of the hierarchy of needs, which caused an objection from the author of the article to the well-known American researcher over his thesis that the need for security rarely acts as an active force. The main argument of the author of the article is that the need for security, transforming into a desire for security, turns into a completely active, if not aggressive, force, a priori creating conflict situations. An analysis of the evolution of paradigms



for ensuring security in the international relations system concludes that a successive series of world orders resulted from wars that ended in peace, in which a causal relationship is found between the instinct for self-preservation and aggressive actions, between the need for security and trying to satisfy it by any means. In order to achieve the goal of the study, a solution is proposed to the complex task of maintaining an acceptable level of human security, possible under the condition of close interaction with the state.

Keywords: world order, securitization, Maslow's hierarchy of needs, reference object of security

The author

Dr Evgeny V. Suslov, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia.

E-mail: esuslov@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ ИМ. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи – не менее 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора – не выше 10% от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

7. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

8. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве – в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

3) аннотацию на русском и английском языках (150–250 слов). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (4–8 слов / словосочетаний). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008;

6) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, ORCID);

7) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 × 297 мм). Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате doc и docx (Microsoft Office). Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте или через личный кабинет онлайн-редакции журнала.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации. Текст рецензии направляется автору по электронной почте или через личный кабинет онлайн-редакции журнала.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки

2022

№3

Редактор *Д. А. Малеваная*. Корректор *С. В. Ильина*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 02.08.2022 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,6

Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Цена свободная. Заказ 83

Подписной индекс 94114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6